

Без цензуры

Без цензуры №9, 2021

Unzensuriert
№9, 2021

UNZENSIERT

№ 9

Межрегиональный проект

www.editagelsen.de

2021

Серия альманахов UNZENSIERT ("Без цензуры")
была основана в 2010-м году
в целях ускорения редакционной обработки
авторских материалов.

Источником текстов является редакционный портфель
журнала "Эдита".

Тексты публикуются в авторской редакции.

*Литературная редакция:
Сергей Булыга, Евгения Халь, Сергей Катужков
Редактор по связям с общественностью – Кирилл Берендеев*

*При оформлении обложки использована
живописная работа Ольги Ахно*

Издатель и главный редактор Александр Барсуков

Copyright © 2021 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten
ISBN 978-3-949501-02-9
Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo@gmx.de

Printed in Germany

Павел Виноградов
Санкт-Петербург

СНЕГ И ПЕСОК

Алмазная дева заклемила Гольяма на рынке, когда юноша, как обычно, сидел в своей лавке. Дела шли не очень хорошо — отец славился по всей провинции как знатный ножовщик, а вот работы сына не знал никто. Хотя, когда отец начал слабеть от болезни, Гольям всё чаще заканчивал за него начатую вещь, а в последнее время перед его смертью так и вовсе работал один. И его клинки получались никак не хуже отцовских.

Он отстоял своё наследство после смерти матери, ненадолго пережившей отца. Тогда в кузню ввалился старый конкурент, зарившийся на неё уже много лет. Привёл с собой своих четверых любовников, тряс какими-то бумагами — якобы, мать отдала ему отцовское дело в залог. Гольям не стал их рассматривать, просто взял в одну руку топор ещё отцовской работы, а в другую — внушительный нож уже своей и встал перед незваными гостями. Те взглянули на кряжистого лобастого парня с упрямыми скулами, бешено блестящими глазами и толстой чёрной косой за спиной, развернулись и ушли. Правильно сделали, и не потому, что Гольям так уж хорошо владел оружием. Просто у него имелись некоторые тайны...

А бумаги о залоге, надо думать, были поддельными, поскольку к матронам Гольяма так никто и не вызвал.

Но вот покупатель шёл еле-еле. Если бы не горсть серебряных монет из тайника в отцовских покоях мужского дома, пришлось бы голодать.

Гольям взглянул на свой товар: тонкие хищные стилеты, плавные изгибы фалькат, жуткие боевые когти, коварные засапожники. Мечта поединщиков... Впрочем, тут и для мирных дел ножи были: для мяса, сыра, хлеба, рыбы и фруктов. А также топоры и топорики, наконечники пик и гарпуны, да и вообще много чего. Только никто даже взглянуть на них не желает. Углядев ступившую на порог изящную ступню в сандалии, продолжавшуюся тонкой щиколоткой, Гольям с надеждой поднял взгляд выше. Но тут же разочарованно потупился и вообще стал смотреть в сторону, дабы не навлечь обвинение в «грубом вожделении» и не схлопотать пару периодов общественных работ по суду матрон.

Зачем алмазной деве его клинки? Она и без них может рассечь человека лишь взмахом руки. Да и на кухне явно не слишком-то подвизается.

Девы из Замка не то, чтобы часто появлялись на рынке, но бывали. Другое дело, что народ их вежливо сторонился. Все, конечно, почитают Замок и благодарны ему за защиту от чудищ юга и севера, и вообще... Но... лучше быть от этих ведьм подальше.

— Посмотри на меня, — её голос, несмотря на девчоночьи интонации, был повелителен.

Да, она была совсем ещё молода — может, на пару десятков периодов помладше его самого. Одета в обычный короткий хитон Ордена. Браслеты на тонких, но крепких обнажённых руках, пояс с причудливыми и наверняка опасными амулетами. На блестящей смуглой коже головы отчётливо выделяются знак Марухи. Значит, точно дева — их перестают брить, только когда они выходят замуж.

Колдовские чёрные глаза притягивали взгляд Гольяма с неодолимой силой. Только тут он понял, что происходит, и его охватил леденящий страх пополам с великим изумлением. Дева сорвала с пояса один из амулетов и неуловимым движением

прикоснулась им ко лбу юноши. Ослепительная боль вспыхнула в его голове, а когда она исчезла так же неожиданно, как пришла, оставив лишь одуряющую слабость, в лавке уже никого не было.

Гольям принялся судорожно рыться в куче хлама за прилавком и наконец нашел зеркало. Заглянул в полированную гладь бронзы. Да, это свершилось: на его лбу мерцал знак — два обращённых друг к другу полумесяца с пятиконечной звездой между ними.

Девы пришли за ним спустя полупериод после клеймения. Гольям к этому времени уже основательно подготовился к крутому изменению своей жизни. По путанным переходам мужского дома он пришёл к покоям мастера, который хотел отнять у него кузню. Клеймо Марухи мерцало на лбу парня, и встречные мужчины уступали ему дорогу, отводя взгляд.

То же самое сделал и конкурент отца. На лице его отразились смесь радости, зависти, а, может быть, мелькнула даже... жалость. Никто не знал, почему и как девы выбирают мужа, но, если они кого-то заклеямили, это было неизменно.

Они быстро договорились, что после ухода Гольяма в Замок кузня и то, что останется после алмазных дев, отойдет мастеру. Юноше очень не хотелось отдавать отцовское добро этому неприятному человеку, но отец и мать его других отпрысков не произвели, а новый владелец кузни, будучи почтенным гоем, в женский дом не вхож и тоже не оставит потомства. Так что скоро Гольям, его имя и дело, и весь род его исчезнут из мира. И дальше юный кузнец действовал, как положено, хотя иные заклеянные мужчины вели себя иначе. За оставшееся время спустил всё серебро отца на жареное мясо, прохладный щербет и дурмящую смолу нуса. Несколько раз посетил весёлых девушек в женском доме. Те, ради клейма на лбу его, старались досыта накормить его страсть.

Девы и взяли его, когда он очередной раз шёл в женский дом. В тёмном переулке, едва освещавшимся бледной Денницей, словно ниоткуда возникли юркие фигурки в чёрном, и юношу обхватили несколько пар маленьких, но крепких рук. Конеч-

но, любая алмазная дева могла волшебством заставить будущего мужа перенестись в Замок, но древнюю традицию тайного похищения никто менять не собрался. Может быть, утешения ради юных послушниц...

Согласно обычаю, Гольям сопротивлялся, хотя это было бесполезно — если заклеяменного не удавалось взять силой, его брали колдовством. Кузнец упирался более для вида, однако постепенно игра его увлекла. Его руки прикасались к грубым чёрным курткам, под которыми ощущалась молодая плоть, голову его кружил запах разгорячённых женских тел. Он почувствовал, как напрягся его сокровенный клык.

Девы, судя по всему, тоже не спешили прекращать возню, сгрудившись вокруг парня и тиская его под видом борьбы. Наконец к разгорячённым молодым людям подъехал чёрный фургон с символикой Замка, девы втащили Гольяма внутрь его, связали шёлковыми верёвками — не особенно сильно — и положили на пол навзничь. Сами же сели на лавки по бокам. Фургон сорвался с места и пустился по городу, совершенно не заботясь о безопасности прохожих. Впрочем, улицы были пусты: горожане каким-то шестым чувством понимали, когда не стоит высовывать нос из своих домов.

Гольям с пола смотрел на дев. Из-под их чёрных капюшонов и масок видны были лишь сверкающие глаза, устремлённые на парня. Его эти молчаливо вождедеющие взгляды безумно возбуждали. Случайно — а может, и не очень — в свалке его хитон сильно порвался спереди, и сокровенный клык вырвался наружу. Он был воздетым и очень твёрдым.

В городе свадьбы не отличались особой торжественностью: молодых благословляла старшая матрона в женском доме и муж, проведя время сна у жены, возвращался в свой дом, где мужчины в честь этого события пили щербет с нусом и играли в нарды. После чего жизнь возвращалась в свою колею.

Но в Замке, представлявшем из себя огромный улей из зданий, облепивших вершину одинокой горы к северо-западу от города Гольяма, ритуал бракосочетания был тщательным и изнурительным. Жених прошёл обряд символического умерщвления

и освящения своего имени, которое теперь запрещено было проносить в миру. У него сбрили все волосы на голове. Его тело тщательно очистили всеми способами — и снаружи, и внутри. Он присутствовал на долгих службах в подземных храмах — с заунывным пением, в мерцании свечей. Произносил ритуальные фразы, которым его научили замковые метрессы.

Очевидно, в его пищу и воду подмешивались волшебные снадобья, поскольку он не ощущал никакой усталости, послушно делая то, что ему велели немногословные женщины в тёмных одеяниях.

Его привели в полутёмный зал, где он обнаженным стоял перед метрессами, которые внимательно осмотрели его и дали последние наставления. После чего вошёл в брачную келью.

Наконец, он увидел деву, ступившую на порог его лавки. Она сидела на высоком круглом ложе, скрестив ноги, тоже совершенно нагая, раскрытая. Свет потайных светильников играл на её смуглой коже. Она молчала и не смотрела на него. Гольям же замер от этой картины, голова закружилась, он едва не упал. Потом, вспомнив, чему его научили, трижды опустил перед ложем на колени и взошёл на него и сел, тоже скрестив ноги. Между ними лежал длинный обоюдоострый старинный атам с бритвенной заточкой — молодой оружейник определил это с первого взгляда. Однако меч выполнял более символическую функцию. Этот Замок был весь пропитан могущественными заклинаниями — о физическом сближении священных супругов сразу стало бы известно и святотатцев постигла бы мгновенная ужасная смерть.

Во всяком случае, так Гольяму говорили орденские метрессы.

Но снадобья, похоже, не только дурманили его разум — ещё и возбуждали тело. Хотя он, конечно, и так был бы возбужден в такой ситуации. Вскоре он заметил, что отрешённый взгляд девы сконцентрировался на нём. Вернее, на его клыкe, который был поднят, ещё когда он вошёл в покои, а теперь напрягся настолько, что, казалось, вот-вот взорвётся.

Сам он тоже пожирал девушку глазами. Теперь он волен был рассмотреть её всю в подробностях, о которых и не мечталось: острые скулы, маленькие уши, покатые плечи, небольшая, но,

судя по всему, твёрдая грудь с тёмными острыми сосками, плоский живот с глубокой тенью пупка. Стройные расставленные бёдра открывали самое сокровенное, что притягивало взгляд юноши. Ни один мускул не дрогнул на её теле, но он всем существом ощущал, насколько она напряжена. Обострившееся до предела обоняние доносило до него разнообразные запахи её тела, и он жадно вбирал их в себя.

Её взгляд прошёлся по его торсу, груди и упёрся в лицо. Он тоже посмотрел в её глаза и погрузился в них, словно в глубокий колодец. По лицу её скользнула капелька пота. А может, слеза?..

Колоссальным усилием воли Гольям сдержал порыв протянуть к ней руки, коснуться. Он знал, что не проживёт после этого и секунды, и даже не потому, что его об этом предупредили — просто для него сейчас стало очевидно, что физическое прикосновение к этой девушке равно вхождению в пламя.

Однако взглядами они сплелись ими настолько бесстыдно, насколько иные не в состоянии сплестись телами. В какой-то момент Гольяму стало казаться, что он и правда осязает её, и это было более, чем иллюзия, вызванная неутолённым желанием. Наконец странное слияние достигло такой степени накала, что разрешилось катарсисом. В одно мгновение они словно бы оказались в восхитительном радужном фонтане, став единым целым с его разноцветными сияющими струями и друг с другом. В реальности такое сближение невозможно.

Им казалось, что это продолжалось вечность, но окончилось так же внезапно, как и настало. Они в тех же позах сидели на ложе, и пот обильно струился по их телам. Однако Гольям вдруг понял, что ощущал себя совершенно иначе, чем раньше — словно он достиг единства не только со своей женой, но и с этим местом, с людьми, его населяющими, со всеми его мрачными тайнами. Он почувствовал, что Замок поглотил его. Личность Гольяма, все его силы влились в эту конструкцию, стали деталью некоего мощного механизма.

Но он слишком устал, чтобы раздумывать над этим, его неудержимо клонило в сон. Жену его, похоже, тоже — она первой вытянулась на ложе. Гольям тут же последовал её примеру. Их

головы почти соприкасались, но разделённые клинком тела были далеки друг от друга.

— Как тебя зовут? — прошептал он.

Это были первые слова, прозвучавшие этой ночью в келье.

— Лами, — ответила та.

Он слышал её голос второй раз в жизни.

— Без святого брака нет Ордена, нет Замка, нет мира. Фразой этой метрессы начали каждый урок для мужей Алмазного легиона.

— Итак, пацы, Маруха-дия, богов матрона, родила этот мир, саму себя разделив, — говорила Дали-цоха. — Для женщин и их мужей родила она его. Но мир всё время стремился преодолеть благое разделение. Тогда Маруха сотворила из огня меч-атам и в мир опустила его. Мир раскололся — север отстал от юга, а люди остались в срединной Сумеречной долине. Но и тогда они не образумились — по-прежнему жили вместе, мужчины и женщины, продолжая множиться, так, что земля стонала. Людям стало тесно, провинции пошли войной на провинции, и настал хаос. Тогда Маруха вошла в благородную матрону Дворку-цоху, и та сказала слова, которые сложились в святую книгу «Снег и Песок». Алмазной наукой она наставила людей в почтенной жизни.

Конечно, подобное мальчикам говорили ещё в пору учения, но лишь самое основное. Девочкам преподавали подробнее, но те, конечно, никогда не рассказывали им об этом. Теперь же Гольяму открывалось множество интереснейших вещей. Например, оказывается, снежные призраки и песчаные рыцари — не души умерших женщин и мужчин, после смерти расходившиеся одни на север, другие на юг...

— Вне срединного мира лишь смерть, — продолжала Дали-цоха. — На севере — ледяная, на юге — пламенная. Юг и север наполнены нежитью, вечно алчущей объединения. Создания бесконечной тьмы и бесконечного света — снежные призраки и песчаные рыцари, враги людей, хотели преодолеть разделение и вернуть мир в безвидность. Они всё время нападали на мир людской, чтобы смести его, ибо лишь он препятствует их желаниям.

Увидев это, Маруха вложила в Дворку-цоху волшебные силы, которые нежить не могла сломить. Дворка, благословенная, основала Орден святого брака, который с тех пор много эонов держит мир.

Всё так: Замок был центром Сумеречного мира, он издавал законы, рассуживал споры, принуждал к миру провинции, раньше постоянно воевавшие. Зато отдельные люди невозбранно пользовались правом на самозащиту, и это часто перетекало в произвол, который не могли решить городские суды матрон. Тогда тоже подключался авторитет Замка.

— Благословенный Орден не даёт безумию захватить род людской, — продолжала метресса. — Он запретил придумывать хитрые машины, которые могут потом стать оружием либо унести людей от мира; не позволяет копаться внутри человеческого тела — это не нужно, ибо, по благодати Марухи, все болезни лечатся магией, а те, что не лечатся, лечить не нужно. Он запрещает путешествия за небесные горы, окаймляющие мир людской — потому что нам хватает нашей долины. А хватает потому, что матроны неусыпно следят, чтобы люди не плодились слишком сильно. В мудрости своей наши метрессы наблюдают за деяниями книгописов, глиномесов, малеванцев, киноделов и прочих затейников, чтобы не создавали они ничего странного, мутного и неприятного, а лишь весёлое, полезное и понятное. И много чего ещё славного делает Замок. Но самое главное: наши алмазные девы неустанно противостоят демонам сторон света.

Теперь это было делом и Гольяма — на всю его оставшуюся жизнь. Воины ордена сражались лишь парно — муж и жена, и это была алмазная связка. Девы били врага магией, а мужи прикрывали их с оружием — особым, настроенным на поражение чудовищ. Гольям уже научился ковать такое — да, его кузня переехала в Замок, так что старый гой остался с носом.

Неплотское слияние давало супругам невероятные духовные и физические силы, усугублённые изнуряющими тренировками. И только они из всех людей этого мира могли уничтожить чудовищ. Поэтому Алмазный легион был главным защитником Сумеречного мира.

— Почему ты выбрала меня? — который раз спросил Гольям, совершая после занятий ритуал омовения ног жены.

Она была, как требовал устав, совершенно нагой и сидела на краю их брачного ложа.

— Тебя избрал мой алмаз, — в который раз ответила ему Лами, не открывая от него взгляда и всем существом впитывая ощущение его рук. Лишь во время этого обряда они имели право касаться друг друга. И ещё во время битвы.

Когда подходит конец обучения, алмазная дева сама узнаёт это. Тогда она идёт искать мужа и рано или поздно находит. Муж остаётся с неё до смерти — обычно своей, потому что они чаще погибают в сражениях. Другого мужа у девы уже не будет, вдовая становится метрессой, обучает дев и их мужей и оставляет обеты воздержания.

Гольям растирал в тёплой воде стопу жены, борясь со страшным желанием поднести её к губам. Но Лами знала, как ему хочется этого. Он вымыл её ноги уже дочиста, но в сотый раз проводил ладонями по пяткам, подошве, между пальцев... Он, казалось, мог бы делать это вечно, и Лами совсем бы не возражала. Но тут дверь кельи распахнулась.

Увидев, что жена открыла глаза и напряглась, Гольям повернулся. В дверях стояла Дали-цоха — метрессы пользовались безраздельным правом посещать любую келью без предупреждения.

— Приветствую, Лами-цоха. Мне потребен твой муж, — произнесла довольно молодая ещё, но слегка располневшая от спокойной жизни черноволосая женщина. — Гольям-пац... — повелительно кивнула она.

Он знал, зачем она пришла. Поднялся, поклонился жене, поклонился метрессе и пошёл за ней. Они пришли в одну из келий отдохновения с круглым ложем посередине. Дали закрыла за собой дверь и сразу сбросила расшитый хитон. Под ним ничего не было — лишь слегка обвисшее, но ещё белое и упругое тело, отмеченное боевыми шрамами.

Подойдя к Гольяму, она привычным движением толкнула юношу на ложе, задрала его хитон, нажатиями в пару точек подняла ему клык и взгромоздилась сверху. Слегка повозилась, пристраиваясь, и с видимым удовольствием опустила на его бёдра тяжёлый зад.

Придавленный Гольям не смотрел, как метресса, обхватив руками свои груди, с нежным урчанием прыгает на его теле. Не видел он и изображённую на потолке кельи увенчанную пентаграммой Дворку-цоху, благословенную, с атомом, прямо стоящую меж двух полумесяцев. Перед его глазами был взгляд Лами, пойманный перед уходом. В нём был гнев, презрение, растерянность. Кажется, ещё и страдание.

Песчаные рыцари — это вой и шелест в выедающей глаза мутной желтизне. Чудовища выступали из клубов песчаной взвеси неожиданно. Казалось, перед тобой всё то же пылевое облако, и вдруг оно сгущается, обретает плотность, и тебя смекает напоминающая дюну туча, громоздкая, но очень быстрая и опасная.

Вырвавшаяся из неё псевдоконечность с неуловимой быстротой приближалась к Лами. Если песчаный протуберанец коснётся тела — какие бы доспехи на нём ни были, хоть и усиленные заклинаниями — человек мгновенно станет твёрдой высохшей мумией.

Дева вскинула руки, творя колдовство, и смертоносная конечность словно бы расплескалась и растворилась в заполонившей воздух пыли. Рыцарь отпрянул назад, исчезнув в сумрачной завесе, окружающей сражающихся, несмотря на то, что Денница у подножья Южных гор стояла высоко и было гораздо ярче, чем в провинциях. Но не теперь, когда сюда спустились вместе со жгучим ветром рыцари великой пустыни, в которой иссякают силы самых могущественных магов.

Прикрывавший спину жены Гольям краем глаза уловил движение справа. Ещё один рыцарь!

— Лами! — выкрикнул он и почувствовал, что в рот его залетают песчинки.

Развернуться она уже не успевала. Гольям сделал выпад боевым трезубцем, собственноручно откованным из особого металла, прошедшего через руки замковых метресс. Убить рыцаря он не мог — лишь остановить, но и с этим справился плохо, монстр лишь чуть замедлился. Трезубец переломился легко, словно тро-

стинка, а Гольям полетел в сторону, в отчаянье сознавая, что жена его, скорее всего, уже мертва.

Он лицом упал в покрывающий тут всё песок и валялся, не в силах даже перевернуться. Ощущал, как из него вытекает кровь, а мелкие острые песчинки царапают лицо, забиваются в рот, похрустывают там. Это было не столько больно, сколько противно — он знал, что сейчас умрёт, а отвратительный этот песок и есть последний отпущенный ему кусочек мира сего.

«Ну почему я не упал на спину?..» — горько подумал он, и тут ушей его достиг крик. Лами! Неужели она ещё жива?

Вдруг с ним случилось нечто необычное и он знал, что именно. Это было его смертельно опасной тайной, происходило считанные разы в его жизни, и всегда в обстоятельствах чрезвычайных. Правда, настолько страшных ситуаций, как теперь, у него ещё никогда не было.

Он встал. Вернее, просто поднялся, оказался на ногах, не прилагая к этому ни малейших усилий. Без удивления отметил, что песчинки перестали колоть его глаза и зрение обрело невиданную ясность и чёткость. Он видел своё лежащее на песке тело и бледное, искажённое ужасом лицо Лами, пытающейся вскинуть руку. Гольям знал, что её заклинание не успеет оформиться — рыцарь надвигался с неуклонностью судьбы.

И тут Гольям сам вскинул руки, откуда вырвался сине-зелёный огонь, ударивший в самый центр чудовища. Оно издало скрежещущий вой и рассыпалось песчаными фонтанчиками. А юноша вновь нашёл себя лежащим лицом вниз, и кожу его язвили песчинки. Он потерял сознание.

Когда он открыл глаза в замковом лазарете — хворых и раненых здешние целительницы пользовали превосходно — над ним склонялось лицо жены, вспыхнувшее радостью при виде того, что он очнулся. Счастье от того, что Лами жива, затопило и его сердце.

— Ты не ранена? — спросил он. Язык слушался плохо.

Она помотала головой.

— А я?

— Сильно ободрало песком. Останутся шрамы. Но ничего серьёзного.

Она помолчала, потом тихо спросила:

— Гольям, что там было?

— Где? — он сделал вид, что не понимает. Даже Лами не должна знать этого!

— Ты знаешь...

Он попытался пожать плечами, но получилось не очень.

— Помню только, как рыцарь сломал мой трезубец. Потом я отключился.

Лами посмотрела на него внимательно и тревожно, но настаивать не стала.

Долгие периоды выздоровления он всё время вспоминал один из первых уроков в замке, который вела сама Великая магисторка Юди-цоха, худошавая миниатюрная пожилая дама. Удивительно, как из столь незначительного тела мог исходить такой сильный голос.

— Чистые отношения его супругов Алмазного легиона дают им силы сражаться с атакующей наш мир нежитью, — пронзительно вещала она. — Если же этот родник замутит глина нечистых страстей, брак превращается в свою противоположность. Это бывает крайне редко, но, увы, бывает. Абрак, творец снега и песка, бывший муж и враг Марухи, способен совратить даже души святых.

— Но ведь падшие супруги сразу умирают?.. — поднял руку один из новоиспечённых мужей.

Юди-цоха покачала головой.

— Обычно так и происходит. Однако некоторые отступники весьма хитры и какое-то время — очень короткое — скрывают своё падение от Ордена. Но кара неизменно настигает их.

— Святая магисторка, расскажите про нефилимов, — подал голос Гольям.

Это было опасно, но он должен был спросить.

Лицо наставницы выразило отторжение.

— Кто рассказал тебе про эту гадость? — сердито спросила она.

Юноша пожал плечами.

— Не помню, слышал где-то.

— Вам не следует знать про наипорочнейших этих созданий,
— сухо бросила Юди-цоха и завершила урок.

Как-то раз в келье отдохновения, лёжа бок о бок с покрытой испариной и умиротворённой Дали-цохой, Гольям спросил её:

— У метресс рождаются дети?

Та, полусонная, издала короткий смешок.

— Мечтаешь продолжить свой род, дурачок? — лениво ответила она. — Забудь — вдовы зачать не могут, по благости Марухи мы теряем эту способность.

— А... девы?

Дали приподнялась на локте и повернулась к нему.

— Что за дрянь лезет в твою милую головку? За такие вопросы можно и келью исправления схлопотать — периода на три-четыре.

— Забудь, — равнодушно ответил Гольям, откидываясь на ложе.

— Кто-то напел тебе про нефилимов, — метресса посмотрела на него внимательно. — Ну да грех невелик — все парни интересуются этой гадостью, такова уж ваша натура... Лучше уж я тебе расскажу.

Она помолчала и заговорила вновь.

— Нефилимы рождаются от дев и их мужей, если те преступно сольются телами, совершив мерзкий инцест. Вообще-то, это случается чаще, чем ты думаешь — плоть слаба... И это может остаться в тайне — если не имело последствий, зачатия. Обычно кровосмесителей разоблачают до того, как ребёнок появится. Но иногда они настолько хитры и изворотливы, что умудряются произвести его на свет.

— И тогда что?

— Родителей ждёт кара — они сами и вся память о них истребляются из этого мира. Ребёнка, если он девочка, со временем берут в Орден. Но жить ей там будет нелегко... Давно уже в Замке не было этих тварей.

— А если... мальчик?

— Распыляют вместе с родителями, конечно, — пожалала плечами метресса. — Любой нефилим — маг, но Дворка-цоха велела: «Да истребятся из общества вашего мужи-маги, ибо станут

они вновь господствовать и уничтожат равновесие Сумеречного мира».

Дали ритуально обвела пальцем вокруг своего пупка.

— И... никогда не было случаев, чтобы такой ребёнок... спасся?

Метресса косо взглянула на него.

— Опасные вещи занимают тебя, Гольям-пац...

Через некоторое время она вновь неохотно заговорила, рассматривая суровую Маруху на полочке.

— Я была ещё девчонкой, не замужем, училась... В Замке были супруги — Крася и Сурьям. Обычные. Они поддались Абраку, но об этом долго никто не знал. Поняли только, когда у девы появились явные признаки... что она на сносях. Они бежали — я не знаю, как, но успели достичь отрогов Северных гор. Сёстры настигли их там. Муж и жена пытались драться, но потом оба умерли — сами. Ордену достались только трупы. Но в женщине не было дитя. И его нигде не нашли — хотя искали очень тщательно.

— И куда же оно делось?

— Кто знает, — Дали пожала плечами. — Родилось по пути, надо думать, и они выкинули его в какое-нибудь ущелье — знали же, что всё равно не спасутся...

Гольям молчал, судорожно комкая в руке простыню.

Периоды мерно сменялись периодами, бледная Денница изливала над горизонтом вечный призрачный свет, Замок стоял нерушимо, блестящие чёрные волосы Лами отросли уже ниже пояса. Прошло много сражений и ритуалов омовения. Святые супруги по-прежнему сливались духовно, и острый атам мерцал меж ними на ложе.

Это и случилось во время одного из омовений. Гольям сам не заметил, как сделал то, что хотел всю свою жизнь в Замке — поднял мокрую стопу жены к лицу и прикоснулся к ней губами. Ему показалось, что Лами ничего не заметила. Тогда он стал слизывать капельки воды, сбегаящие по коже. На подошве она была шершавой, а сверху гладкой и туго натянутой. Он перешёл

губами на щиколотки, потом стал целовать голени, колени, положил руку на упругое бедро.

Она не могла не чувствовать этого, но глаз не открывала, и лицо её выглядело умиротворённым. Снизу Гольям видел, что уголки её рта чуть-чуть приподнялись, а губы слегка раскрылись.

Он положил руку на второе бедро и слегка сжал его. Теперь она явно отреагировала — словно потянулась к нему, но глаза так и не открывала. Он решительно продвинул руку дальше по внутренней стороне бедра, поразившись шелковистости кожи, и ощутил податливость. И вдруг Лами разом откинулась на ложе, тихо протонав:

— Гольям!

Его словно бы ударило током. Он рывком вскочил на ноги, зависнув над нагой женой, разметающейся в ореоле из роскошных волос. Её тело было темнее белизны простыни и чётко выделялось на ней. Гольям смотрел на изящную фигуру девы, и голова его кружилась от страсти.

— Сделай это, — вновь прошептала она.

Атам, сброшенный с ложа его рукой, с негромким стуком воткнулся в деревянный пол и остался торчать, слегка подрагивая...

— Говорят, у нефилимов две души?

Этот её вопрос, раздавшийся спустя эоны, когда они в блаженной истоме лежали на смятых простынях, заставил его вздрогнуть.

— Давно ты знаешь? — глухо спросил он, помолчав.

— После боя с песчаными. Но, наверное, знала всегда — я же твоя жена...

— Да... ты моя жена, — медленно произнёс он. — Моих родителей... настоящих... звали Крася и Сурьям. Я узнал это недавно.

Она слушала, затаив дыхание.

— Приёмные родители не скрывали от меня, что я им не родной. Они рассказали, что отец... приёмный нашёл меня в Северных горах, где искал железную руду для своей кузни. Не знаю, как я спасся, когда настоящие отец и мать умерли там...

— Приёмные родители знали, что ты... нефилим?

— Думаю, знали.

— И волосы тебе не стригли... — она провела ладонью по его голой голове.

Гольям кивнул.

— Но они боялись... Однажды мать увидела, как я остановил в воздухе упавшую чашку, чтобы она не разбилась, меня сильно наказали, а потом отец долго внушал мне, чтобы я никогда больше не делал такого. Но я всё равно иногда делал...

Теперь кивнула Лами.

— Да, я знаю, как трудно удержаться... Но ты сильнее меня — то, что ты сделал тогда в бою... я так не могу.

Он пожал плечами и повернулся к ней.

— У меня не две души, Лами, — выдохнул он. — Она у меня просто... есть.

Когда она спрятала лицо у него на груди, Гольям почувствовал на ней влагу. Плачет...

Они долго лежали, обнявшись, пока он не услышал, что Лами всё время повторяет какую-то фразу. Прислушавшись, разобрал:

— Я больше не отдам тебя ей!

— Я что-нибудь придумаю, — сказал он, успокаивающе погладив жену по спине.

Несколько раз он смог отказать Дали-цохе, ссылаясь на плохое самочувствие, но дальше так было нельзя — метресса корчила недовольные гримасы и уже посматривала на него с подозрением. Выход был один — и смертельно опасный.

К этому времени былой почтительный страх Гольяма перед Орденом сменился жгучей ненавистью к нему. Убить метрессу, тем более, ту, что регулярно и деловито пользовалась его телом, словно куском мыла — его совесть это нимало не тревожило. Всё дело было в том, как не навлечь подозрение на себя и жену. Гольям пока плохо умел пользоваться своими в потенции колоссальными способностями. Но гораздо более магически слабую Лами наставляли с младенчества. Теперь она научила мужа технике мгновенной остановки сердца у человека.

— Ты, наконец, пойдёшь сегодня со мной, Гольям-пац? — Дали ухватила его за локоть в одном из переходов Замка.

— Конечно, Дали-цоха, — поклонился он с улыбкой бледной, как свет Денницы. — Жду этого с нетерпением.

Всё было готово, тянуть не имело смысла.

Он с удивлением увидел на её лице проблеск радости и даже, кажется, скрытой нежности. Метресса лучезарно улыбнулась ему и танцующей походкой пошла по коридору. Гольям проводил её долгим взглядом.

Но в этот миг мир изменился. Ровно горевшие лампы вдруг замигали и стали гаснуть. Разом настала мертвецкая стужа.

— Призраки! — крикнула Дали, резко остановившись.

Да, снежные призраки с вечных северных ледников преодолели горы на вышних воздушных потоках, спустились в долину на нижних и атаковали Замок. Впереди них катилась вечная зима. Последнее такое нашествие помнили лишь самые старые метрессы. Призраки не могли проникнуть внутрь защищенных могучими заклинаниями стен, но в его окрестностях они уничтожали всё и вся.

Не только Алмазный легион, но и все метрессы вышли из Замка, чтобы сразиться с воплощением холода. На родных для призраков ледяных просторах магия была бессильна — но не здесь. Шедший впереди строй дев двигал щит тепла, невыносимого для призраков — клочков морозного тумана, с визгом проносившихся над землёй, оставляя после себя полосы мёрзлой почвы и оледеневших растений. За девами шли их супруги, пользы от которых, правда, в данном случае было немного — если песчаных рыцарей ещё можно хоть задержать обычным оружием, то с призраками это было бесполезно. Мужья лишь прикрывали спины занятых заклинаниями жён и предупреждали их об опасности. Но не Гольям, который тайно поддерживал Лами своей силой так, что от её заклинаний призраки растворялись в волнах тепла. То, что после грехопадения супругов их боевая связка теряет силы, оказалось очередной ложью.

Метрессы шли в последних рядах, держа над легионом защитный зонт, чтобы призраки не смогли напасть сверху. Но в какой-то момент что-то произошло — Гольям так и не понял,

что, может, какой-то из старых колдуний отказали силы. Энергетический зонтик над орденским строем порвался, и враги сверху бросились в открывшуюся брешь.

Тело Гольяма взорвалось болью, словно его кровь обратилась в миллионы мелких острых льдинок, терзающих изнутри. Налетел порыв бешеного студёного ветра, заряженного бритвенно острой ледяной крупой. Многие из воинов Ордена закричали, пытаясь прикрыть от неё лица. Но Гольям видел лишь Лами и послал ей очередной поток силы. С её рук рванулись языки пламени, бесследно уничтожающие летящих в атаку призраков, чей визг уже не воспринимался человеческим слухом.

И тут Гольям увидел Дали. Она лихорадочно делала пассы, пытаясь залатать щит. Пузырь магической силы вокруг неё был мощен, и враги не могли подобраться к ней, хотя её атаковало не меньше десятка.

Гольям понимал, что мысль, вспыхнувшая в нём сейчас, была злодейской. Но он не колебался — прервал поток текущей к жене своей энергии и всю её бросил в сторону метрессы. Защитный пузырь Дали лопнул. В последний момент она поняла, откуда пришёл удар, и посмотрела на Гольяма с великим изумлением. И тут же призраки с визгом облепили её, мгновенно обратив в ледяную статую.

Много периодов минуло, но по-прежнему никто не подозревал Гольяма и Лами в инцесте. Однако день катастрофы приближался — Лами имела во чреве. Для них, неопытных в такого рода делах, это стало ясно слишком поздно. И тогда ужас поселился в обоих.

Выход был: секретными путями они узнали, как скрыли рождение дитя родители Гольяма. Стадиях в десяти от Замка, среди хаоса каменистых холмов, находились Скиты — кельи для уединённых медитаций обитательниц Замка. Правда, чаще туда уходили более старшие девы и метрессы. И мужей с собой брали далеко не все девы. Однако магисторка Юди-цоха благословила пару на паломничество удивительно легко.

Что будет, когда родится ребёнок, супруги не думали — главным пока было тайно произвести его на свет. Оказавшись

наконец-то вдвоём, без пригляда метресс, они были почти счастливы — ели, спали, гуляли, любили друг друга. Гольям даже перестал брить голову.

Но пришёл день, когда Лами ничком лежала в келье, крича от болей и мук рождения. Гольям стоял над ней, держа за руку, и пытался помочь жене магией. От волнения выходило плохо, тогда он стал помогать просто руками.

И вот на ладони его — чудо, красное, покрытое слизью и орущее. Его сын!

— Нареки его, — прошептала Лами.

Она лежала, как мёртвая, но Гольям ещё не видел у неё таких сияющих глаз.

Удивительно, но они никогда не думали об имени ребёнка. Но оно пришло отцу словно ниоткуда.

— Шамаш! — провозгласил он.

— Да, его зовут Шамаш, — раздался пронзительный голос, и волосы Гольяма, прилично уже отросшие, встали дыбом от ужаса.

У входа в келью стояла сморщенная карлица — Юди-цоха, в окружении ещё нескольких метресс Ордена.

«Прошли через портал», — подумал Гольям.

Это было доступное немногим, очень сильное колдовство. А магисторка продолжала вещать:

— Падение ваше ведомо было Ордену ещё до того, как яд Абрака постиг ваши души. Ибо сказано Дворкой, благословенной, в сохранённом Орденом тайном пророчестве: «И явится в чистоте чистых нечистая пара, Гольям и Лами, и падут они, и понесёт падшая дева. И родит она мужчину именем Шамаш, что означает...»

— Разрушитель! — глухим хором отозвались остальные метрессы.

На них рванулась волна синего сияния, палящего, словно пустынное пекло. Это Лами, приподнявшись на ложе, волшебством пыталась защитить своё дитя. Но метрессы вскинули руки, и пламя погасло, а в сторону Лами простёрлись зелёные молнии. Гольям с ужасом увидел, как тело жены его выгнулось и она бездыханной пала на ложе.

— Гольям-пац, подай мне нефилима, — надменно велела Юди. — Ты будешь прощён, а дитя принесено в жертву Марухе, и не родятся более нефилимы, и Замок Ордена нашего простоит вечно.

— Да, святая магисторка, — покорно ответил Гольям, вставая на колени.

Он положил сына на расстеленное по полу одеяло, в которое собирался завернуть новорожденного. Тот, несмотря на творящиеся вокруг ужасы, успокоился, тянул ручки со сжатыми кулачками.

Освободив руки, Гольям совершил несколько пассивных, но очень сильных. Атам, теперь всегда лежащий на полу у их с Лами супружеского ложа, взмыл в воздух и с глухим ударом пригвоздил Юди-цоху к стене, та лишь пару раз дёрнулась и обвисла.

Метрессы, наверное, и правда много чего знали заранее, но явно не о магических силах Гольяма. Они пытались защититься, но это было всё равно что укрываться ладонями от камнепада. Следующий удар нефилима попросту вынес женщин наружу и разбросал по земле.

Схватив одной рукой одеяльце с сыном, а второй — тело жены, Гольям проревел заклинание. Вместо одной из стен кельи перед ним распростёрлась под вечно тёмным небом дикая равнина с огромными горами на горизонте.

«На севере будет холодно», — подумал он, вступая в портал.

Программа прервалась, сцена исчезла и Мар-Смул, начальник 13-й археологической экспедиции Императорского Галактического гуманитарного университета, перевёл дух. Увы, конца эта потрясающая история не имела. И так чудо, что техники экспедиции сумели частично восстановить древний голокристалл.

Планета Маруха, известная ещё как Опрокинутый мир, представляла собой жгучую загадку для почти всех наук — естественных и гуманитарных. Долина в гигантском ущелье на самом экваторе планеты, в центре единственного здешнего материка, была чем-то невиданным. Между двух грандиозных горных цепей на севере и юге (первоначально бывшими востоком и запа-

дом) сохранились развалины множества поселений, порой очень крупных. Находок, правда, было не так много, как учёные рассчитывали. И ни одного человека — лишь костяки из могильников.

Сумеречный мир смерти и безмолвия освещала звезда, в этой долине напоминающая бледную серебряную монету на горизонте. А над долиной сталкивались жгучие ветры с юга и студёные с севера. Они приносили странные снежные и песчаные заряды, которые с воем и визгом сталкивались в воздухе.

Экзобиологи полагали, что эти структуры — их прозвали стихиялями — живые существа. В основе одних был кремний, а других, газообразных, — водород. Теория гласила, что изначально они являлись двуприродными экстремофилами, жившими на планете, когда её орбита еще была наклонена на 90 градусов. Из-за ежегодного резкого изменения климата — от жесткого излучения звезды летом до зимней тотальной заморозки — местная биота приспособилась быстро «переключать» свою сущности в зависимости от сезона.

Однако потом пришли земные колонисты. Их лидер исповедовала некую негативную доктрину, помимо прочего, предполагающую то, что социологи именуют «аномальная компенсация вызовов», то есть удаление беспокоящих факторов любым подходящим способом. Последствия при этом не просчитываются. Следуя этому принципу, колонисты терроформировали Маруху одним из самых опасных способов — устроив столкновение с планетой её спутника.

В ближней перспективе попытка удалась: спутник был уничтожен, но планета развернулась и вошла в спин-орбитальный резонанс со светилом. На экваторе от удара образовалось гигантское ущелье с приемлемыми для людей экологическими условиями. На севере от него лёг вечный ледник, на юге — палящие пустыни.

Но далее начались процессы, до сих пор ставящие в тупик учёных всей галактической Империи. Большинство из них полагает, что колонистов постиг в силу неких стрессовых факторов массовый психоз. Однако некоторые допускают иную интерпретацию: что в месте великого разлома стало реальным ментальное воздействие человека на природу. То есть, магия. Хотя вне

пределов Сумеречной долины она по-прежнему не действовала. Что касается местных существ, они разделились на два вида — южных, кремниевых, и северных, газообразных. Но, похоже, по-прежнему старались объединиться в одно целое, и эти нашествия люди могли воспринимать как агрессию. Некоторые учёные даже полагали, что стихии обрели некий квазиразум.

Мар-Смул не был специалистом в экзобиологии, но и археология оказалась не в силах пролить свет на жизнь и судьбу общины колонистов. Ясно только, что в какой-то момент люди просто исчезли из Сумеречной долины. Может, заново открыли космические технологии (за тысячелетия они утеряли их, как и многие другие) и отправились искать планету получше. Может, вымерли вследствие некой катастрофы. А может, ушли в недра планеты, и их общество — уже на иных принципах — до сей поры существует там.

Начальник экспедиции надеялся, что древний голокристалл ответит на многие вопросы. Продолжатся и раскопки на месте его находки — одинокой горе к северо-западу от руин большого города. Предварительные исследования показали, что некогда тут существовал комплекс каких-то капитальных зданий, позже скрытых до основания. После чего на вершине горы воздвигли огромную круглую гранитную стелу, до сих пор дерзко вздымающуюся в небеса. Недавно археологи открыли и расшифровали на ней надпись. Заключённые в круг золотые письмена гласили: «Шамаш, Великий судья, сотворил сие».

ЛЕГЕНДА О КАПИТАНЕ ХОПЕШЕ

Несмотря на прискорбное происшествие, выставка в честь столетия блистательного художника-космиста Андрона Демидова прошла в высшей мере торжественно и стала событием в мире изящных искусств Земной Империи, да и всего Альянса Ойкумены. Среди умопомрачительных звёздных пейзажей, выполненных в слегка старомодной голографической технике, и рядной толпы, в которой то и дело мелькали половине галактики

известные лица, юбиляр почти затерялся. Однако маэстро и сам старался стать как можно более незаметным. Он старательно обходил робокорров, упорно рыщущих по огромному выставочному залу Нового Манежа в поисках спикеров для интервью. Его умелые манёвры продолжались, пока за локоть его не схватилась маленькая, но цепкая ручка.

— Дюша, тебя ищут. Пойдём! Ну нельзя же быть таким буквой!

«Кисмет найдёт меня даже в аду», — промелькнула в нём мысль.

Словно испугавшись самой себя, мысль тут же исчезла, и Андрон повернулся к жене, с шуточной обречённостью разведя руками.

— Веди, Киса.

Несмотря на свои восемьдесят три, Кисмет всё ещё была прекрасна — и не только в глазах супруга. Проходя по залу, где их наконец-то заметили и провожали тысячами взглядов, Андрон с гордостью различал среди них и откровенно вожделеющие, и даже влюблённые. Он и сам то и дело восхищённо поглядывал на женственную фигуру жены, её округлые плавные движения, точёный профиль, гриву роскошных, хоть и сединой посеребрённых, волос.

Они проследовали в малую залу, куда раззолочённые киберохранники пускали лишь избранных, и сразу окунулись в хаос приветственных возгласов и рукоплесканий. Демидов взлетел на артистический Олимп поздно — всего лет десять назад, когда его выставка прошла в Алмазном зале императорского дворца, а посетившая вернисаж Августейшая Семья попросила его побыть их гидом. Но уж после этого он стал одной из самых медийных фигур Ойкумены.

Сам Андрон относился к этой сверкающей суете с отстранённым спокойствием, хотя иногда она доставляла ему неудобства. Однако вовсе уж дремучим анахоретом он не был. Мэтр дефилировал по залу, вооружённый бокалом шампанского и прикрываемый слева опершейся на его руку женой. Улыбка не покидала его моложавого лица, обрамлённого артистической шевелюрой. Он ловко лавировал между посетителями, и его гибкие движения не слишком сочетались с солидным возрастом.

Отвечал на приветствия, чокался, обменивался остроумными репликами, позволил кому-то запечатлеться рядом с собой на голофото, раздавал автографы, даже пару минут надиктовывал своё мнение о современном искусстве неведомым путём проникшему сюда особо пронырливому робокорру.

Увидев, что муж пока не нуждается в защите, Кисмет отделилась от него и увлеклась беседой со случившейся тут старой знакомой. Андрон продолжил вести светскую жизнь, пока раздавшийся позади голос не заставил его замереть.

— Как вам это удалось?

Голос был четко артикулирован, звучал громко и очень правильно — даже слишком, словно говорил кто-то неживой.

— Что, простите? — развернулся художник.

Это был охрр'иззи, напоминающий вставшую на задние лапы огромную четырёхрукую мышь, покрытую нежным белым пушком. На Андрона, не мигая, смотрели три рубиновых глаза. На груди инопланетянина, поверх трепещущей мантии, лежало массивное драгоценное ожерелье. Очевидно, в него и был вмонтирован микрофон робота-переводчика — речевой аппарат издававших невнятные пiski охрр'иззи не мог воспроизводить звуки человеческой речи. Впрочем, эта раса владела и телепатией.

— Мой имя Орн'тезз, — представился незнакомец. — Вас ведь не обидел мой вопрос?

— Нет, конечно, — слегка растерянно ответил художник. Охрр'иззи имели в Ойкумене скверную репутацию — в их культуре космический разбой считался доблестью и негласно поощрялся государством. Для большой войны с Альянсом они были слишком слабы, но в своё время наделали ему немало бед жестокими рейдами на отдалённые колонии и захватом торговых судов. Впрочем, в ходе сложнейших дипломатических и иных операций они оставили свои замашки и вступили в Альянс. Поговаривали, что набегии они просто перенесли за пределы Ойкумены, но Альянса это уже не касалось.

— Вы ведь никогда не были в дальнем космосе, — продолжал механически вещать переводчик.

Демидов кивнул. Он мог бы отделаться парой любезных слов и пойти дальше, но что-то его удерживало. Обычное любопытство или некое предчувствие?..

— Что же побуждает вас писать космос? — спросил Орн’тезз.

Выражение его лица человеку понять было невозможно, но Андрон ощутил в вопросе неподдельный интерес.

— Сам не знаю, — задумчиво ответил он. — Это началось так неожиданно...

— Я читал вашу биографию, — подтвердил инопланетянин. — В первой половине жизни вы были простым школьным учителем рисования — уважаемым, но заурядным.

Демидов не обиделся на определение «заурядный», понимая, что охрр’иззи вряд ли осознаёт его негативную коннотацию. Да даже если бы тот и создавал, он не обиделся бы.

— В тяжёлый жизненный период я попробовал заняться живописью, стало получаться, — продолжил Андрон за собеседника. — Пробовал живые краски, объёмную акварель, визуализированную звукопись, комбинированные техники. Но в конце концов понял, что комфортнее всего мне работается на голографическом полотне. И почему-то хотелось писать космические пейзажи. Поймите, это искусство, это не от сознания...

— Именно так, — подтвердил охрр’иззи. — Но вы не ответили, как вам удаётся так великолепно и правдиво отображать глубины космоса, никогда не наблюдая их своими глазами. Между тем там всё так и есть, как на ваших полотнах: невероятная красота сокровищницы мироздания — и в то же время грандиозный клубящийся мрак, беспросветный багровый ужас и смерть. Вернее, та грань, на которой душа растворяется в бездне и сама становится бездной и вечной тьмой.

Демидова не удивила выпренности этих речей: охрр’иззи считались очень поэтичной расой, их литература весьма ценилась знатоками всей Ойкумены. Он лишь серьёзно кивнул.

— Бог позволил мне увидеть и отобразить это, — негромко ответил он.

— Бог, — повторил за ним Орн’тезз, и это слово, произнесённое машиной, прозвучало странно и грозно. Впрочем, охрр’иззи тут же перевёл разговор.

— Хотите знать, какая из ваших вещей произвела на меня наибольшее впечатление? — спросил он.

— Конечно, — ответил Андрон.

На самом деле он, скорее, очень того не хотел, но всё ещё ощущал необходимость говорить с этим существом. На каком-то глубинном уровне в нём крепло понимание, что происходящее не случайно, а является частью некой системы. Дело было лишь за тем, чтобы осознать её принципы и логику.

— Она потрясает меня не только потому, что там изображена женщина моей расы, — продолжал охрр'иззи. — Просто эта работа... предельно лаконично и правдиво передаёт торжественный трагизм мироздания.

Демидов уже знал, что это за картина, и это знание ему не нравилось.

— Она называется «Зло», — подтвердил его догадку Орн'тезз. — Когда зритель вступает в её пределы, он сначала плохо осознает, что именно видит. Он — в космосе, среди буйства красок облаков звездной пыли. Но на него откуда-то сверху — если в том пространстве можно говорить о верхе — наплывает непроглядный мрак. Сначала он воспринимается неким космическим явлением, вроде чёрной дыры. Но потом начинаешь понимать, что это артефакт — невысказанно огромный, поглотивший множество галактик. И он имеет объём и форму изогнутого клинка, по лезвию его даже пробегают какие-то проблески. Ты понимаешь, что оно очень, очень острое... И тут взгляд твой переходит на ключевую деталь, которую до сих пор не замечал, ослеплённый масштабами картины. Это фигура женщины-охрр'иззи. Она словно висит в пустоте — далеко, но ты видишь её во всех подробностях, хотя не можешь приблизиться к ней. Она белая, как все охрр'иззи, но какая-то... полупрозрачная. Пока он говорил, Демидов пристально вглядывался в него, острым глазом художника фиксируя малейшие детали нечеловеческого лица. Одновременно перед его мысленным взором мелькали лица всех охрр'иззи, с которыми он когда-либо встречался. Их было немного, но всё же Андрон был уверен, что когда-то видел своего собеседника — живую или его изображение.

А тот продолжал:

— Одну руку женщина воздела к летящему чёрному ужасу, а тремя прикрывает свою брюшную сумку, откуда высунулся детёныш. Она хочет защитить его, не понимая, что тот уже мёртв. Как и сама она — потому что оба они изо льда, а головка мла-

денца отломилась и лежит у ног матери, и рот его открыт в последнем замёрзшем крике.

— Вы удивительно точно уловили мой замысел, — тихо произнёс художник.

Почему-то к горлу его на мгновение подступила тошнота, но Андрон справился с ней. Теперь его внимание переключилось с лица собеседника на его фигуру и одежду. Её цвета и покрой свидетельствовали о принадлежности Орн'тезза к касте космических торговцев — они же пираты. А ожерелье, в которое вмонтирован переводчик, было атрибутом высокого статуса среди них. Он или кзирн'отт — капитан корсарского судна, или вообще глава клана. Скорее, второе — уж слишком вальяжна его манера держаться.

«Андрон, откуда ты всё это знаешь?!»

Он знал и видел. Большая сероватая проплешина с бугристой кожей на голове (навверняка плазменный ожог). Другой шрам, начинающийся на шее и уходящий Бог знает как далеко под мантию (а этот — от страшного удара каким-то холодным оружием).

— Я много времени своей жизни провёл внутри репродукции этого шедевра, — рассказывал, между тем, охрр'иззи. — А теперь получил возможность вступить в него воочию и счастлив беседовать с его творцом.

Он развёл передние лапы в жесте почтения, который Демидов вежливо попытался повторить, отметив при этом, что под мантией у собеседника скрыто какое-то огнестрельное оружие. Восторженный поклонник становился ему всё более неприятен и подозрителен.

— Но скажите, по какой причине вы изобразили там представительницу моего народа? — вновь сменил тему инопланетянин.

— Я интересуюсь экзотнологией, — коротко ответил художник.

Он и сам не знал, зачем нарисовал именно охрр'иззи. Удивительно, но он вообще очень плохо помнил, как писал «Зло». Зато ему вдруг пришло в голову, что собеседник стоит слишком прямо и уверенно — для охрр'иззи, которым свойственен был некоторый наклон вперёд, словно они до сих пор раздумывали,

не встать ли вновь на четыре конечности. Орн'тезза, однако, это словно не касалось, а его уверенные и точные движения говорили взгляду специалиста о долгих годах упорных занятий рукопашным боем.

Только откуда, скажите, такой взгляд мог взяться у Андрона Демидова?..

— Дорогой, — раздался звонкий голос, — может, ты со своим другом присоединишься к нашей компании?

Кисмет явно почуяла, что супруг в затруднительном положении, и пришла. Как всегда.

— Конечно, Киса, — улыбнулся Андрон жене и вопросительно посмотрел на охрр'иззи. Но тот всплеснул нижними руками в жесте отрицания.

— Я бесконечно признателен вам за приглашение, но, увы, вынужден удалиться — меня ожидает важное дело.

Кисмет ответила ему улыбкой, в точной пропорции содержащей вежливое разочарование и искреннюю благодарность.

— На прощанье позвольте... — Орн'тезз открыл поясную суму и извлек какой-то небольшой предмет. — В знак уважения к великому таланту.

Он обеими нижними руками протянул дар Демидову, одновременно почтительно разведя верхние. Художник взял подарок, не взглянув на него.

— Моя благодарность лишена границ, — церемонно ответил он.

— Земляне на своей тёплой светлой планете в большинстве не хотят думать о мраке бесконечного пространства за её пределами и его жутких легендах, — проговорил Орн'тезз. — Но мы-то с вами знаем, что многие из них — быть.

Демидов почему-то вздрогнул и вскинул взгляд на охрр'иззи.

— Легенды?.. — переспросил он.

— Космические страшилки, многие из которых вы, несомненно, с удовольствием слушаете ненастными вечерами в своих уютных домах.

Почему Андрону казалось, что в сверкающих глазах собеседника притаилась ядовитая насмешка?..

— Например, — продолжил тот, — эти рассказы о капитане Хопеше...

— Это клевета, распускаемая врагами Альянса.

Голос Кисмет был холоднее льда. Андрон с удивлением посмотрел на ставшее вдруг отчуждённым лицо жены.

— Нимало в том не сомневаюсь, — охотно согласился Орн'тезз, ещё раз развёл руками и мгновенно исчез в толпе.

— Кто это был? — спросила Кисмет.

Теперь выражение её лица стало каким-то... потерянным. И тревожным.

— Я не знаю, — с недоумением ответил Андрон, рассматривая подарок — зловеще поблёскивающую подвеску из драгоценного чёрного камня в форме изогнутого клинка.

Разговор словно высосал из Андрона всю давешнюю бодрость, оставив лишь противную нервную дрожь и мутную усталость. Кисмет несколько раз встревоженно посмотрела на него, наконец, не выдержала и сказала:

— Может, проветришься пару минут?

Он благодарно улыбнулся жене, поклонился гостям и направился к дубовым, стилизованным под арахаику дверям портальной, которые кибер-страж почтительно открыл перед ним. В пустой белоснежной комнате стояли три серебряные колонки-перемещателя. Андрон прочитал название точки выхода на каждой: «Йеллоустонский Императорский парк. Амазонская сельва. Восточные Саяны», выбрал последний портал, встал на платформу и положил обе ладони на округлое навершие колонки. Его обдал воздух осенней тайги — стылый, чистый, с бальзамическими тонами. В глазах разверзлось далёкое и невероятно синее небо. И ещё здесь стояла великая тишина, чью торжественную целостность не нарушали редкий далёкий похруст веток и краткие птичьи арии.

Усыпанная бурой прошлогодней хвоей полянка лежала над высоким обрывом. Андрон присел на упавший как будто стихийно, но удобно пристроенный и гладкий кедровый ствол и стал смотреть вниз. Перед ним до горизонта простёрся таёжный океан, по большей части зелёный, хвойный, но с массивными

вставками разноцветной листвы — палевыми, рдяными, золотистыми. Однако, вместо чаемого умиротворения от этого зрелища, тревога его усилилась. Красочный фактурный ковёр напоминал его собственные картины — радужные звёздные водовороты в космических глубинах, внушающие ему тайный ужас. Он действительно выходил в космос очень редко, ненадолго и недалеко от Земли. И каждый раз, когда корабль шёл вне пространства, опускал глаза, панически боясь случайно увидеть на мониторах-иллюминаторах огни открытого космоса. Вернее, он думал, что те пугают его. Но теперь, в эпицентре охватившей его смертной тоски, наконец признался себе, что боялся вовсе не их, а собственной памяти!

Да, она возвращалась к нему, хоть в глубине души он тому отчаянно сопротивлялся. И началось это не сейчас, не после странного разговора на вернисаже, а уже давно. С некоторых пор он всё чаще стал задумываться о своей биографии до страшного излома, разделившего её после смерти первой жены. В какой-то момент Андрон обнаружил, что как-то очень странно помнит то время. Например, может рассказать всё о большом городе Аркаиме, где он родился, жил, учился и работал. Он многое знал о его истории, расположении, населении, промышленном потенциале. Но память не сохранила какие-то чувственные мелочи — ракурсы, запахи, мимолётные ощущения, неизбежно сопутствующие воспоминаниям о местах, где вы когда-либо были.

При этом свою жизнь после того, как уехал с Урала на Гавайи и стал учителем в школе одного из пригородов Хило, он помнил именно так, как надо: неизбытную тоску по умершей жене, не оставлявшую его и даже усиливающуюся в этом райском месте, своих учеников и первые опыты в живописи, за которые взялся, пребывая в глухом отчаянии. В отличие от алкоголя и наркотиков, с которыми он тоже успел поэкспериментировать, эти занятия несколько успокаивали его. А потом в его жизни возникла Кismet и бурный роман, перешедший в долгий счастливый брак. Дети, внуки, творчество, ослепительный успех... Много чего было, и Андрон был уверен в истинности всего этого. Но не того, что случилось раньше.

Он решил разобраться во всём сам. Ничего не сказав Кисмет, посетил Аркаим, бродил по его улицам, рядом со своим домом, школой и университетом. Но несмотря на то, что все эти места были знакомы ему, они не вызвали в нём ни одного сокровенного, интимного воспоминания.

Андрон пытался найти старых друзей, но все они или умерли, или разъехались неведомо куда — даже те, с которыми у него все эти годы сохранялась связь. Иногда ему казалось, что он вот-вот встретит знакомого, который развеет его сомнения. Но поиски раз от раза упирались в глухую стенку.

Тогда он решил зайти с другой стороны — с той, где были самые близкие для него люди. И обнаружил, что воспоминания о них отдают такой же искусственностью. Вот тогда ему стало по-настоящему страшно. Казалось, что он сходит с ума: лица его родителей, его покойной жены оставались в памяти очень яркими, чёткими, красивыми — и неизменными, словно он никогда не жил с ними вместе, словно они были лицами актёров в каком-то особенно пришедшемся по душе фильме.

Он попросил своего агента организовать выставку в Большой Селении и, преодолев ужас перед космическими перелётами, отправился на её открытие. Не было ничего странного, что, в кои веки оказавшись на Луне, художник захотел проведать своих ушедших близких в Некрополисе на обратной поверхности. Он увидел места последнего упокоения родителей и жены, и могилы выглядели именно так, как он их помнил. Но это ничего не дало ему.

Хотя после Луны он почти успокоился, решив, что эти психологические эффекты были вызваны возрастом. Почти убедил себя в этом — пока не взялся за работу над батальными полотном на тему битвы в облаке Оорта, ключевого события Третьей галактической войны. Картину заказало ему командование земной Космоармады и Демидов, привыкший тщательно собирать материал для работы, увлечённо принялся за раскопки в открытых флотских архивах. Разглядывая одно голофото собрания высших офицеров Армады давностью в несколько десятков лет, он вдруг понял, что знает изображённых на нём людей.

То есть, был абсолютно уверен, что Андрон Демидов никогда ни с кем из них не встречался. Но всё равно он их знал! От-

крытие это вновь ввергло его в пучину подозрений и жутких догадок. Он поднял все свои связи, пытаясь дознаться, кем были эти офицеры, узнал несколько ничего не говорящих ему имён и получил сведения о том, что все они либо умерли, либо ушли в отставку и исчезли из поля зрения.

После этого его невроз лишь нарастал. Он всё время обнаруживал рядом с собой некие на первый взгляд незначительные вещи, которые, однако, категорически не вписывались в паттерн его жизни. Какие-то обрывки воспоминаний, ассоциации, слово не принадлежащие ему чувства. Андрон не раз пытался проследить их истоки, но это неизменно заканчивалось ничем. Но сегодняшняя встреча стала прорывом. Сейчас ему казалось, что истина — вот она, где-то рядом. И он натужно пытался вызволить её из-под спуда привычных воспоминаний.

Машинально он сунул руку в карман и нащупал холодный и твёрдый предмет. Подарок странного охрр'иззи всё ещё был при нём. Андрон внимательно осмотрел изогнутую подвеску. Что-то она ему мучительно напоминала...

Позади раздался тихий звук. Не додумав мысль, Демидов резко повернулся и оцепенел, увидев, как на поляне возникают фигуры — не из портала, замаскированного под гранитный валун, а словно ниоткуда. Объяснение было одно: они переместились с корабля на земной орбите. И пришли за ним. А значит, точно знали, где он...

Не все люди, но все — наёмники из дальнего космоса. Там на станциях ошивается много такого отребья, на всё готового за малую мзду...

Да откуда же, чёрт возьми, он знает это?!

Справа его схватил квадратный крайту с Визиу, слева — мрачный бородатый мужик в кожаной куртке. А за ними стол... Орн'тезз.

И тут почтенный Андрон Ильич Демидов, педагог, прославленный художник, крупный благотворитель куда-то пропал. Он всё ещё существовал, но лишь со стороны с испугом наблюдая происходящее. А место его занял кто-то совсем другой — с ясным зрением, холодным разумом, математически точно расчи-

тывающим диспозицию, и дикими инстинктами. Очень опасный. Чьё имя никак нельзя было допускать в память.

— Капитан Хопеш!

Злобное торжество охрр'иззи ощущалось даже через переводчик. «Забудь!!» — в панике кричал съёжившийся где-то в бездне сознания Демидов, но было уже поздно — монстр памяти вырвался на волю и настиг его. Все его сомнения и тревоги прошедшего года, раздумья, предположения, все мучительные поиски истины теперь сошлись в одной точке.

Прозвище Хопеш он получил сразу после Академии, попав в жестокую неразбериху пограничной войны с Восьмеричным Союзом. Никакого Демидова ещё не было, а его тогдашнее имя больше не имело значения. На Эрбизигану-18, в узких каньонах, где сильнейшее энергетическое поле не давало пользоваться более продвинутым оружием, космодесантники Альянса и воины Союза бились, как их предки — холодным металлом. Он умудрился выхватить у огромного алгийского солдата его традиционный боевой серп, убил им противника, а потом ещё нескольких. Оружие это имело непроизносимое для людей название, потому они называли его хопеш — по имени похожей секиры из глубокой древности собственной планеты. Так он и стал гардемарином Хопешем, потом — мичманом, и наконец — капитаном.

Андрон вдруг вспомнил подарок, который всё ещё был в его руке. Подвеску в виде лезвия хопеша!..

— Ты прав, в ней чип, по которому мы нашли тебя, — похоже, Орн'тезз читал его мысли, хотя и не все.

Конечно, он был телепатом, но в своем пленнике явно видел слабого старца. Только вот последствия биомодификации, которой подвергались будущие космодесантники, с годами не проходят — в свои сто лет бывший Демидов обладал феноменальной силой и реакцией. Правда, сам он только что вспомнил это. Он уронил предательскую подвеску, на мгновение переключив внимание противников, и освободился резким замысловатым разворотом. Человек справа кубарем отлетел на пару метров и остался недвижим, огромный же, но неповоротливый крайту с надрывным воем полетел с обрыва. А Хопеш, признавший это имя, засновал между наёмниками с проворством играющей в во-

де рыбки, непрерывно отбивая их удары и нанося свои — точные и жестокие.

Вот он перехватил коварный выпад белёсого сассани, твари весьма злобной. Стилет, выращенный из ядовитого кристалла, замер в миллиметрах от груди Хопеша. Одной рукой он отобрал у врага оружие, а второй резко ударил в основание его шеи. Инопланетянин осел на хвою.

Хопеш знал, что тот уже мёртв — точно так много лет назад он убил другого сассани... Где же это было? Да, на станции DS-9, в баре, где он коротал время до прибытия «Маринеско». На него тоже навалились наёмники, присланные очередной целью его корабля, и он управился с ними за пару минут.

Молниеносно и почти не глядя капитан Хопеш воткнул стилет в горло замахнувшегося на него какой-то дубинкой высокого человека — явно обитателя астероидов.

«Маринеско»... Этот корабль носил длинное кодовое название из букв и цифр, но называли его только так, по имени древнего капитана — героя, не боявшегося ради своей страны запачкать руки в невинной крови. Это было скрытое оружие Альянса, декларирующего своё миролюбие, предпочитавшего дипломатию пушкам, чьи корабли куда чаще использовались в торговых и научных, чем в военных целях. Но «Маринеско» изначально строился для боя и только для него. Он был оснащён самым мощным оружием и средствами защиты. Многие из этих систем были запрещены межпланетными договорами, однако корабль числился в конвое Императора Земли и как личное судно монарха не подлежал иностранным инспекциям.

Похоже, противники не спешили его убивать. Тем хуже для них — жалости в нём не было ни грана. Как всегда.

Жалость на его службе была исключена. Даже у старающегося держаться в цивилизованных рамках государства возникают ситуации, когда невозможно действовать иначе, чем выходя за них. Если речь шла об открытой войне, Альянс отвечал явной силой. Но если враг действовал исподтишка, нанося тайные удары, применял грязные приёмы, вёл двойную и тройную игру, — настаивал черёд «Маринеско».

Это небольшой по меркам военным, неказистый на вид кораблик, помимо прочего, оснащен был самой совершенной сис-

темой маскировки. Он мог скрытно появиться в любой точке Ойкумены, а хитрые устройства мгновенно меняли его сигнатуры, так, что вражеский мониторинг показывал то торговое, то исследовательское судно, то прогулочную яхту, принадлежащие самым разным расам. Но безобидное корыто вдруг наносило неожиданный сокрушающий удар или высаживало умелый и безжалостный десант. А потом скрывалось в глубинах космоса. Расправившись с очередным противником, Хопеш увидел, что перед ним остался один Орн'тезз, направивший на него дистанционный иньектор. Он мог быть заряжен смертельным ядом, но Хопеш предполагал, что сейчас в нём парализующий заряд. Но и это не имело значения. Уловив момент выстрела, капитан молниеносно отпрянул в сторону, и прежде, чем противник выстрелил вторично, подсёк и повалил его.

Победить охрр'иззи в рукопашной схватке — задача непростая, а для большинства людей невыполнимая. Худошавое ловкое тело, словно всё состоящее из твёрдых канатов, бешено извивалось, а четыре сильные руки были, похоже, везде одновременно. Но остановить машину для убийства, которой вдруг сделался Андрон, оказалось невозможно. Стилет поднырнул под блок противника и вонзился ему в грудь. Изливающиеся канаты замерли и стали мягкими.

Хопеш не стал вынимать стилет, чтобы охрр'иззи не истек своей прозрачной кровью. А яд действовал не сразу.

— Кто ты? — бросил он, напряжённо вглядываясь в лицо врага.

Тот открыл рубиновые глаза и оскалился мелкими острыми зубами. Из горла его изошёл тонкий вибрирующий писк — пытался смеяться.

— Я победил, Хопеш, — его рот не двигался, но, очевидно, переводчик улавливал мысли. — Ещё когда заговорил с тобой и... снял блоки в твоём сознании. Это было бы почти невозможно — но ты ведь и сам уже начал вспоминать, правда? Я бы не нашёл тебя, не начни ты сам поиски себя настоящего. Стоило попытаться похитить тебя... долго мучить, не давать умереть. Но славно и так — теперь ты вспомнил свои преступления! Ты великий художник, ты не сможешь жить с этим, твоё воображение само измучает и убьёт тебя.

Да, в горячке боя Хопеш мог отстраниться от обрушившейся на него памяти, но теперь она придавила его невыносимым кошмаром.

Отставникам «Маринеско» память не полагалась. Доблестные молодые люди с пылающими сердцами, готовые жизнь положить за Землю и Государя — а значит, за Альянс, после тщательных проверок попав на «Маринеско», понимали, что сердцам их тут требовался не пламень, а лёд. Только так можно было совершать то, что им приказывал Альянс — быть диверсантами, карателями, террористами.

Хопеш прошёл на «Маринеско» путь от рядового десантника до капитана. За полвека он, казалось, ожесточился донельзя и делал всё, что от него требовалось — неуклонно, эффективно и без эмоций. Да, было множество славных подвигов, о которых не ведали робокорры — освобождения заложников, свержение тиранов, разгром преступных картелей. Но подвиги всегда сопровождали смерть и ужас.

— Кто ты? — это уже был вопрос более не к врагу, а к самому себе.

Конечно, кто-то из его прошлого — мститель, пришедший по его душу от имени его жертв. Может, родственник одного своенравного инопланетного монарха, который правил входящей в Альянс системой, но надумал бежать и организовать правительство в изгнании? Его нельзя было открыто казнить или держать в темнице. Он просто должен был исчезнуть. И исчез — когда в космической пучине рядом с его кораблём из ниоткуда возник «Маринеско»... Исчезла и вся его семья — жёны, дети, внуки и правнуки — тысячи разумных существ разных рас...

— Нет, — механически произнёс переводчик.

Может, он имел отношение к шахтёрам планеты Иридия? Потомки колонистов, они слишком подняли пошлины на сырьё для Альянса, да ещё снюхались с эмиссарами Союза. Этого Альянс терпеть не мог. После того, как были испробованы экономическое и политическое давление, Альянс заявил, что отказывается от сношений с Иридией. И на её орбите появился «Маринеско». Плазменные заряды, потом — рейд десанта, устроившего бойню в посёлках и запустившего в шахты ядовитый газ... Шахтёры отказались от сделки с Союзом и снизили пошлины. Аль-

янс выразил Совету Иридии искреннее соболезнование по поводу стоившего десятков тысяч жизней нападения неведомых врагов.

— Нет, — повторил умирающий. Глаза его пылали, как адские фонарики.

Неужели?!

— Я знаю тебя, — произнёс Хопеш дрожащим голосом.

Как он мог забыть?! Видимо, это — самое страшное — воспоминание он до последнего пытался не выпустить на волю.

— Ты — Белый Призрак!

В ответ вновь раздался издевательский писк.

К тому времени звездолёт «Маринеско» и его капитан стали уже мрачной легендой Ойкумены. Разведка Альянса нашла, наконец, планету — вернее, планетоид на краю незаметной системы, где базировались пираты охрр'иззи, которых возглавлял легендарный и неуловимый корсар Белый Призрак. Хопеш получил приказ сделать объект непригодным для жизни. Он принял решение использовать запрещённые торпеды с боеголовками, имевшими массивный замораживающий эффект.

Пираты нападения не ожидали. Все их четыре города, космопорт, судоверфь и склады прекратили существование в течение часа. Капитан холодно разглядывал на мониторе только что буйно процветавший мир, обращенный в вымороженную пустыню. Сверкающим льдом покрылось всё — здания, машины, сама почва и растения на ней. Живые существа стали ледяными статуями, многие из которых уже разбил ураган, возникший из-за нарушения климатического баланса.

На мониторе появилась ледяная женщина, делающая отстраняющий жест одной рукой, а тремя другими защищающая обезглавленное дитя. Капитан долго смотрел на них, и лицо его стало ужасно, потом упал, словно поражённый громом. Когда же очнулся, капитана Хопеша больше не было, а вскоре немолодой, побитый жизнью учитель рисования Андрон Демидов перебрался на Гавайи.

Вспомнил он и кое-что ещё: глаза царской четы, которую водил по своей выставке. Ужас и жгучий интерес в глазах государыни и бесконечную жалость — у государя. Они знали! И ещё — безумную боль, которую он испытывал, работая над

той самой картиной! Великий мрак, летящий на мертвую женщину и её дитя — это ведь он, капитан Хопеш! Воплощение смерти и зла.

— Это была моя старшая мать. И мой младший брат. И там были другие мои братья, сёстры, жёны и дети, — медленно и чётко проговорил переводчик.

Хопеш почти физически ощутил исходящую от охрр'иззи всепоглощающую ненависть. Это ощущение не ослабло, даже когда Орн'тез умер — словно он оставил по себе злобного призрака.

Но ненависть эта для Хопеша стала почти утешением. Во всяком случае, она была ничем по сравнению с чёрной ненавистью к самому себе, стыду и отчаянию, хлынувшим в его душу, словно прорвав плотину.

Зачем членам экипажа «Маринеско» после отставки стирают память и создают новую жизнь?! Лучше бы их списывали прямо в открытый космос!

Ничего, терпеть осталось недолго, сейчас всё это кончится — он умрёт, не может не умереть. Потому что Белый Призрак Орн'тез был прав — жить с этим невозможно.

— Дюша, милый, где ты?!

«Кисмет спустилась в ад», — было последней мыслью капитана Хопеша.

Двое наблюдали на огромном мониторе, как несколько психирургов в операционной склонились над лежащим в окружении самой передовой медицинской аппаратуры пациентом. Кисмет Демидова была, как всегда, элегантна, но сегодня вокруг неё витала аура драматизма. А широкоплечему мужчине, несомненно, гораздо комфортнее было в форме, чем в гражданском костюме. Он и впрямь имел звание адмирала, но его рабочим местом был не мостик корабля, а всё поле тайной галактической войны.

— А если он снова вспомнит? — бросила Кисмет. Голос был сух и лишён эмоций, но адмирал догадывался, что она сейчас чувствует.

— Исключено, — отмёл он. — Новые импланты блокируют абсолютно все возможные факторы риска. Он счастливо и плодотворно проживёт ещё несколько десятилетий. Вы с ним проживёте...

— Но ведь и старые импланты были надёжны, а охрр'иззи обошёл их...

— Обошёл не он — это ваш муж сам начал вспоминать, и уже давно. Бог даровал ему очень острый аналитический ум и одновременно великолепную интуицию. Весь последний год он пытался что-то выяснить о своей прошлой жизни — мы еле успевали купировать эти его попытки. Но он был очень близок к разгадке.

— Я знала, что с ним что-то творится, знала! — вскинулась Кисмет. — Но почему мне не сообщили?

— Зачем? — пожал плечами адмирал. — Вы и так несете тяжкий груз, не стоит его усугублять. Мы всё сделали сами... Так что телепатическое воздействие охрр'иззи лишь потенцировало процесс. Но телепатов такого уровня, как Белый Призрак, в галактике один на триллион разумных существ. И мы не подпустим их к... Андрону. А весь его клан зачищен.

— И здесь всё прикрыто, — уронила Кисмет.

Это не было вопросом, но адмирал ответил:

— И довольно легко: земляне не любят страшные байки про глубокий космос. На известного художника напали какие-то уголовники с астероидов, жертва не пострадала, бандиты обезврежены. Поохают и забудут. Завтра уже можно будет пускать к нему посетителей.

— Детей, внуков, правнуков... — уронила Кисмет.

— Да. И обязательно — друзей из легендированной биографии. Оказалось, это слабое место операции, поэтому внесены улучшения.

— Он всё время повторял в бреду: «Нас надо казнить»... — сдавленным голосом произнесла женщина.

— Его Величество категорически против этого. Как и его отец, и дед... — ответил адмирал. — Кисмет, повторяю: мы все понимаем, насколько тяжела ваша ноша. Государь просил передать, что он благодарен вам за эту службу.

— Это уже не служба, — голос Кисмет вновь сделался сух. Она отвернулась к монитору — не надо, чтобы адмирал видел на её глазах слезы.

— Нас надо казнить... — Хопеш очнулся от собственного стога и увидел склонившихся над ним врачей.

— Дайте ещё наркоза, — тревожно бросил один из них. — Подождите... — попросил капитан. — Скажите... кто сейчас командует «Маринеско»? Я хочу знать. Хоть секунду.

Врачи переглянулись. Наконец один из них ответил:

— Капитан Хопеш.

Ещё до того, как Андрон Демидов открыл глаза, он ощутил свет. А ещё — покой и радость от того, что всё хорошо. Он поднял веки и посмотрел в лицо жены.

Владислав Бусов
г.Кашира, Московская обл.

ПЕРЕВОДЫ СТИХОВ Лины Костенко

От переводчика

Поэзия выдающейся украинской поэтессы Лины Костенко своими корнями уходит в народное творчество, подпитывается им и является примером самоотверженного служения своему народу. В представленной подборке отражены наиболее присущие поэтессе темы и мотивы её произведений. Это и вечные вопросы бытия и жизни человека в окружающем его мире, и темы любви и нравственности, и тема предназначения поэта в обществе и его внутреннего состояния, и тема войны и памяти о её героях. Поэзия Лины Костенко актуальна и востребована во все времена, она многогранна и неповторима, раскрывает общечеловеческие ценности и переведена на многие языки мира.

Лина Костенко

Лина Васильевна Костенко (1930 г.р.) — легендарная украинская поэтесса, прозаик и общественный деятель. Является автором более 15-ти поэтических сборников: "Паруса", "Путешествия сердца", "Над берегами вечной реки", "Маруся Чурай",

романа "Записки украинского сумасшедшего" и многих других произведений. Лина Костенко почётный профессор Национального университета "Киево-Могилянская академия". Она обладательница многих литературных премий и государственных наград. В 1967 году была номинирована на Нобелевскую премию по литературе. Известна своей активной гражданской позицией, в 2005 году публично отказалась от звания Героя Украины. Живёт в Киеве.

*Поезія — це свято, як любов.
О, то не є розмовка побутова!
Ліна Костенко*

ЦАВТ ТАНЕМ!

Сильве Капутикян

Сгорели их посёлки, и нет от них отметин.
Бредут, бредут изгнанники в далёком далеке.
Чтоб речь свою родную их не забыли дети,
армянки им выводят все буквы на песке.
А ветер, ветер, ветер!..
Какой палящий ветер!..
Обугленные лица сечёт, сечёт, сечёт!..
Лишь выведешь то слово из вязи букв бессмертных,
так без корней родное покатится, уйдёт.
А где-нибудь в пустыне съедят его верблюды.
Забудут дети слово, оставшись в немоте.
Бездомные изгнанники ...
бредут в пустыне люди.
Ни крыши, ни убежища, — букварь им на уме!
У них сгорели храмы. Убиты их мужчины.
Колокола утоплены в их озере Севан.
На том кровопролитьи как дальше можно жить им?!
Не месяц в небе всходит — турецкий ятаган.
А ветер, ветер, ветер!..
Как обжигает ветер!..
Куда ещё, страдальцев, судьбина заведёт?

Нет времени писать им слова под страхом смерти.
И нечем. Да и негде. Всё ветер унесёт.
И только на привале, в те редкие мгновенья,
когда в тележки женщины ещё не запряглись,
они выводят буквы, как маленькие стебли,
слезами поливают их, лишь чтобы принялись.
В песках пустили корень — а ветер, ветер, ветер!..
Бредут, бредут изгнанники в далёком далеке ...
И прорастают буквы, их тоненькие стебли
растут по всей пустыне, как травы на песке.
Их топчут кони сытые, там звон чужих стремён.
А буквы поднимаются в сказания времён.
Как говорят армяне, прощаясь — "Цавт танем!"—
Возьму, родной, я боль твою, печаль твоя во мне.

* * *

Какая разница — и кто куда пошёл?
Кто что сказал — вот и готова рифма.
Поэзия — как праздник, как любовь.
Она не бытовая речь без ритма!
Она не звонких слов ассортимент
и не метафор перечень в угоду.
А что, не знаю. Я лишь инструмент,
где сны рыдают моего народа.

* * *

Мой первый стих написан был в окопе,
на осыпающейся взорванной стене,
когда погублены все звёзды в гороскопе
годами детства в страшной той войне.
Лилась горящая вулкана лава,
в седых стояли кратерах сады.
Захлёбывалась наша переправа
свирепым шквалом жара и воды.
Там белый свет не белым был, а чёрным.
И огненная ночь была светлее дня.
И был окопчик лодкою подводной
среди морской пучины и огня.

Ни зайчиком из сказки и ни волком—
был мир кровавый с обгоревшею звездой.
А я писала на земле осколком
большие буквы опалённые войной.
Ещё играть бы в прятки мне и в классы,
ещё лететь бы легкомысленно в мечтах.
А я стихи уже писала о фугасах
и смерть я видела воочью, не во снах.
О, первая ты боль не детских впечатлений,
какой же оставляешь в сердце след!
Не вымолвишь стихами тех мгновений,
немую душу озарит ли свет?!

Душа в словах — как море в перископе,
И память та — как ответ на челе ...
Мой первый стих написан был в окопе.
Печатался он просто на земле.

МЕТЕЛИ

Циферблат часов, где угол дома,
Снегом завирюхи замели...
Нам с тобой одна теперь дорога,
Никуда мы видно не пришли.
Улицы незрячие во мраке
и заноса снежная волна.
Так легко, как будто ветер зябкий
нам приводит нужные слова.
— Подскажи мне ласковое слово,
я его послушно повторю.
Разгуляйся вихрем буйным снова,
заглуши всё то, что говорю!—
Не было ни боли, ни порыва.
Я с тобой о встрече не молю.
Я спокойна.
Я с другим счастлива.
И тебя нисколько не люблю.
А когда заплачу, то рукою
трону ясное твоё чело,—

львы нас не увидят, ведь зимою
у ворот их снегом замело.

* * *

Жизнь продолжается без корректур,
И время мчит со скоростью галопа.
Давно уж нет маркизы Помпадур,
И мы живём уже после потопа.
Не знаю я, что будет после нас,
Во что природа может облачиться,
Но только время не упустит шанс,
И потому нам надо торопиться,
Оставить след, молясь на образа,
И не пройти, как призрачные тени,
Чтоб только неба синие глаза
Открыли землю в красочном цветении.
Чтоб лес не вымер, словно древний тур,
И слово, как руда, не оскудело.
Жизнь всё идёт, и всё без корректур.
И написать об этом — наше дело.
И ты не бойся неприятных строк,
Прозрения не бойся — в нём лекарство.
Не бойся горькой правды — в ней урок,
Не бойся бурных рек коварства.
Людскую душу бойся обмануть,
не оступись — извечна эта суть.

СОЧЕЛЬНИК

Мороз рисует на окошке.
Узваром дышит вся кутья.
И Матерь Божья на иконке
в платочек кутает дитя.
Побудь ребёночком, сыночек.
Пусть детство в золоте пройдёт.
Гуляет ветер по терночку,
и древо для креста растёт.

Не истекла пора водою,
Ещё Иуда в зыбке спит.
Гурьба с рождественской звездой
о Сыне Божьем говорит.
Поколядуют и посеют.
И будет на земле житьё.
Уж на Голгофе ты, Мессия,
а на руках дитя ещё.

* * *

Напиться голосом твоим,
Твоим влюблённости потоком,
Той радостью и силой рока,
Тем дивным волшебством благим.
И замереть, прервать дыханье,
Нежданно мысли оборвать,
Час безысходности прогнать,
Спасаясь шуткой от страданья.
Сразиться с тишью на лету,
Пустить слова, как будто стрелы,
В полёт, чтоб ими сбить умело
Безжалостную немоту.
Перемолчать: и кто кого.
Держаться стойко и свободно
В надежде чуда, благородно
Ждать вечно соло твоего.

* * *

Стоит здесь обелисков рота.
Кругами носятся стрижи.
На входе в кладбище ворота
Оберегают тишь души.
В граните звания и даты.
И в бронзе имена солдат.
В родные не вернувшись хаты,
Они под плитами лежат.
Быть может, виноват пред ними
Тот, кто забыл их, — не узнать.

Они полжизни не прожили
И в юных снах им не бывать.
Быть может, весть имеет кто-то,
Какие-то слова о них.
Лежит здесь пехотинцев рота,
Ждёт писем от родных своих.

* * *

Дворы стоят в метели ярких астр.
В какой-то лепестковой круговерти.
Но почему я думаю о Вас?
Ведь я забыть о Вас должна, поверьте.
И это так естественно сейчас.
Я прошлое с годами позабыла.
Но музыка мне воскрешает Вас,
метель из астр мне голову вскружила.
Дворы стоят в метели ярких астр,
присутствие неуловимо Ваше.
Какая чудная метель у нас,
осенняя метель, что с грустью краше!

* * *

На свете можно жить без эталонов,
по разному смотреть на этот мир:
глазами ясными, из-под ладони,
сквозь пальцы в форточки чужих квартир.
Мир не изменится от этого нисколько,
и лишь людской поведаёт нам взгляд:
в широком отразится вся эпоха,
в прищуренном — лишь мелочей наряд.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ПАДЕГРАС

Земля кружит в космическом пространстве.
Ветра галактик — это скрипачи.
Гармония в печальных диссонансах,
и в ритме вальса музыка звучит.

В груди и сердцу тесно, тесно, тесно!
Смычок у скрипки, как фатальный рок.
Взорвутся вдруг все мышцы у маэстро,
ударит кровь — высоковольтный ток.
И не паркет, затёртый весь до глянца,
и не ошмётки грязи у сапог,—
планета вся, как пьедестал для танца,
где вальсы у космических дорог.
Гремит высокий гонор полонеза,
и лихо бьёт о землю перепляс,
бравивирует лезгинка острым срезом,
и грациозно ходит па-де-грас.
Чулки танцовщиц в сеточку мелькали,
и ночью в "Мулен Руж" гремел канкан.
Отчаянно шотландки меж ножами,
рискуя, танцевали на столах.
Большое дело — танец меж ножами!
Танцуй себе, лишь пальчик не задеть.
Дорогами войны не танцевали,
иной мы знали танец, танец-смерть.
Где труп коня вмерзает крепко в осень,
там смерть ко мне вплотную подошла.
Но я иду, меня вслепую носит,
на минном поле выполняю па.
Полшага вбок и всё пойдёт здесь прахом.
Вселенная уместится в слезу.
А дремлющие мины-черепахи
в земле шершавой движутся, ползут.
О, пируэты вынужденных танцев!
Кто шёл по полю минному хоть раз,
тот мимоходом на паркетном глянце
припомнит свой смертельный падеграс.

* * *

Как душ, весенний майский дождь ласкает.
Сады цветут. В берёзах бродит сок.
И соло соловья — театр Ла Скала!
Но вот, Чернобыль. Зона. Атом-рок.

Здесь наводнение из цветов сирени.
Их ветки прямо ломаются в забор.
Здесь щуки под водой играют с тенью,
и гуси по весне летят на сбор.
Но сквозь ступеньки проросли бурьяны.
Жил-был народ — покинул зону бед.
В загубленном лесу грибочки-яды,
там ходит Смерть, и грибников там нет.

* * *

Кобзарь,
ты знаешь,
нелегка эпоха
двадцатый этот беспокойный век.
Нет тишины,
а завихрений много.
И сотрясений не сочтёшь уж всех.
Стареют нормы, как повторы мантры.
Каноны все мертвы, как газ неон,
когда стоит история на старте
перед рывком в небесный стадион.
Она на финише своею грудью
Путь Млечный, словно ленту разорвёт.
И невесомой в бездне синей будет,
и одиночество весомое поймёт.
И позывные раздадутся эхом,
во всей Вселенной оживёт краса ...
А как же мы,
певцы диковин этих?
Где звучные поэтов голоса?
Утонут ли они в ветрах простора?
Поймут ли смысл, в чём новая краса?
Тарас гранитный смотрит так сурово:
— Вы закаляйте ваши голоса!
Не пышным и красивым пустословьем,
не жалобой, не лепетом надежд
и не припевом сладокословным,—
в пути запевом средь заторных меж.

И помните,
что на планете этой,
с тех пор, как сотворил её пан Бог,
эпох не существует для поэтов,—
всегда поэты были для эпох!

* * *

О, не взыскуй медов ты горьких славы!
Они плохие, от кусачих пчёл.
Взыскуй сказать ты бледными устами
хотя бы пару людям нужных слов.
Взыскуй прожить несуетно и звонко.
Взыскуй сдержать с терпеньем всё.
А слава настоящая — как жёнка,
что на могилу вам цветы несёт.

* * *

Ищите цензора в себе.
Он там живёт, весь в дрёме и небритый.
Он там сидит, как чёртик на трубе,
и вашу совесть изымает скрытно.
Помалу, изнутри и не за раз.
Не сохранится ни одна иконка.
Он незаметно вынет вас — из вас.
Останется всего одна обёртка.

* * *

Так молчишь, что заслушаться можно,
утонуть можно в мягкой тиши.
Если б не было мне так тревожно,
то чудесны порывы души.
Я не знаю, красив ты насколько,
и на свете такой ли один.
Для меня ты, как чудо, — невольно
возникаешь без всяких причин.
Но на сердце большая угроза,
и срывается слово: "Иди".

И чужие следы, как заноза,—
поздно встретились наши пути.
Верю я в твоё сердце и волю,
в правду глаз, ту, что в жизни сберёг.
Знаю я: не споткнёшься в недоле
о мои котловины дорог.

АКВАРЕЛИ ДЕТСТВА

А на Днепре, где дебаркадер, в осенних красках берега.
Они, как львы, что при параде, лежат, почивши на века.
Причалила в песок пирога. Сварилась в казане уха.
Сухая в трещинах дорога, как крокодил, ползёт едва.
В Днепре купается Купавна. Годков мне только, может, три.
И для меня одна забава — ждать парохода у реки.
Я жду поездки на Триполье, в Чернигов жду поездки я.
Черниг живёт там на приволье, пугает сильно он меня.
Черниг он страшный, чёрный очень.
Когда стемнеет на Днепре,
садится в лодку и до ночи он ставит вентеря в воде.
И те коряги, и те корни, и в половодье берега,
они с зарёй златистой сродни, напоминают мне всегда
те годы, что уже промчались, и даль речную, где гора,
и невозвратные причалы
в глубокой памяти Днепра.

* * *

Я Вами очень сильно отболела.
И было это, как бредовый сон.
Любовь подкралась тихо, как Далила,
а разум спал, доверчивый Самсон.
Теперь пора прощаться. Это будни.
На окнах замерзают миражи.
И как тепеоеь мы будем, как мы будем?!—
родными и чужими вместе жить.
Но сказка прошлых дней была недолгой.
И светлый сон уже невозвратим.

В душе моей сиянье будет лёгким,
и будет след его неизгладим.

* * *

Я брошу всё. Я верю в километры—
в пути они обветрены и злы.
Их много есть у матери Деметры,
Богини плодородия земли.
Богиня, подскажи, куда идти мне?
Бежать, куда глаза глядят, иль нет?!
Спасай меня, душа моя погибнет,
в душе моей чужой оставлен след.
Так нежно, беззащитно, беззаветно,
так здравому наперекор уму.
Спаси меня разлукой безответной,—
прошедшее с собою не возьму.
В оазисах, где солнечная цедра,
где небо держит ливни в рукаве,
где только вёрсты и толпою зебры
пасутся в пыльной и сухой траве,—
пусть будет степь, пусть будут лес и горы,
от взрыва пусть земли качнётся ось,
когда в ночи лихие семафоры
мне перекроют путь на сотни вёрст!

Дмитрий Гуляев
Борисоглебск, Воронежская обл.

В бархатной книге времен
Есть время красивых людей.
Нет там прогнивших знамен
Нет дураков и вождей.

В моде там гордость и честь
И данное слово — закон.
Доброй считается весть,
Что кто-то в кого-то влюблен.

Рыцарской славы почет.
Женщины вроде богинь.
Кровь голубая течет,
Как поднебесная синь.

Люди красивы внутри —
Предков пречистых печать.
Пламень священный горит,
В их душах особая стать.

...Как хочется время вернуть,
То время красивых людей.
Их благородную суть
Столь благородных идей..

ГОРОД ПОЭТОВ

На мирной, чудесной планете,
Живя вне веков и времен,
Есть город. Он, музой согретый,
Поэтами весь населен.

Здесь встретится пламенный Гете
За чашечкой чая в кафе.
Лорд Байрон, затронув кого-то,
Предложит свое сатисфе.

Уроки словесности в школе
Михайло Васильич ведет.
Здесь Пушкин, собою довольный,
Поэзии русской почет!

А в парке, на тихой аллее,
Где сходятся розы ветров,
Любовь свою нежно лелея,
Ахматову ждет Гумилев.

Есть дом на окраине где-то,
В окошке дрожит огонек.
Там, холодом ночи согретый,
Тоскует загадочный Блок.

На площади, возле мечети,
Оставив толпы шум и гам,
Восточную мудростью встретят
Хамза Ниязи и Хайям.

Есенин, веселый и броский,
Беседу с друзьями ведет.
Средь них даже есть Маяковский —
Он руку ему подает!

Живым возвратился с дуэли
Наш Лермонтов— славный герой!
Уланы заздравную спели,
Когда он прошел через строй...

.... Поэты — Вы все здесь живые,
Вы все— вне веков и времен!
Есть город, цветущий поныне,
Бессмертья венцом осенен!

ДЕТИ ПИШУТ СТИХИ *(посвящение фестивалю " Юный Орфей")*

В России опять катаклизмы,
Прогнозы ужасно плохи.
Реформы — оплот пессимизма.
... А дети — пишут стихи!

Кричат: "Свергнуть надо этих,
Поставить надо других!
Пускай те за все ответят!"
... А дети — пишут стихи!

России пророчат кару
За выдуманные грехи,
За то что такая — задаром!
... А дети пишут стихи!

Конфликты. Бряцанье оружием.
Коррупция лезет в верхи.
Народ для поборов лишь нужен.
... А дети — пишут стихи!

И чтоб ни творилось на свете,
Спасенье от всяких стихий —
России— хорошие дети
Писали и пишут стихи!!!

ЖИЗНЬ

Жизнь наша— мерное суженье
Внутри воображаемой воронки.
Невзгоды, взлеты, головокруженье
От бесконечной за удачей гонки.

В начале мы берем в дорогу
Багаж необходимый и надежный,
Но растеряв его по крохам, понемногу
Ступаем дальше осторожней.

Отсеется сквозь сито бесполезный,
Как оказалось и ненужный хлам.
Задумаемся над кипучей бездной,
Что рано строить сердцу храм.

Года идут— все меньше верим
И что то главное стараемся найти.
Больней и горестней потери
И все трудней спираль пройти.

Водоворот воронки кружит.
И вот уж показалось— цель видна.
За здоровье всех близких служит
Молебн новая весна.

Но что-то не хватает, гложет
В стремленьи главное познать.
И что-то, что всего дороже
Ты напоследок хочешь взять.

Единственное, верное, родное.
Хранимый и бесценный талисман,
Тот, что скрывали годы пеленою,
Тот ключ, что нам от счастья дан.

На дне воронки, улыбнувшись,
Посмотрим вверх, на небеса..
И в этот миг, звездой мелькнувший,
Архангелов услышим голоса.

ИЗ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Я встретил вас однажды на балу
В далеком прошлом— вы меня не знали.
Я прикоснуться вас надеялся едва ли,
Услады грезилась в ребяческом пыли.

Но холодны вы были беспримерно,
Бросая взгляды, твердые, как сталь.
Не помогала даже темная вуаль,
И я смущенным выглядел, наверно.

Звучала музыка, горели свечи ярко.
Столь элегантно фраки, женщины милы.
Влюбленных звали темные углы,
Беседки старого заброшенного парка.

Свет фиолетовый струился с высоты,
И я бродил задумчиво— влюбленный,
А надо мною перешептывались клены —
Свидетели несбыточной мечты.

...Жизнь прокрутилась быстрым колесом.
И часто вижу я один и тот же сон...
Как встретил вас случайно в небесах.
Меня узнали вы без масок и вуали,

И взгляд был полон неземной печали
О бесполезно прожитых годах.

МИНОРА СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ
(Игорю Плахтюкову)

Шорох по душе, шорох..
Мягкой поступью идет звучность.
Хлама разогнав ворох,
Чистой лирики познать сущность.

Нежно по душе, нежно..
Тихой страстности пролет света.
Бризом, как роса свежим,
Несказанным тем, святым ветром.

Скажет он простым словом,
Мягкой поступью войдя в душу
Чуть печально. И снова
Чистой лирики так хочется слушать.

Не пишу я стихов — и не больно,
В безразличьи своя правота.
И смотрю недовольно-довольный
На кричащую немость листа.

Разуверилось, отволновалось.
Даже смерть, как холстина проста.
Лишь какая-то слабая жалость
И бесцельная сплошь маета.

Леность тоже— дрянная подружка
В гости часто нарощно зовет.
Эх, разбить бы о камень макушку—
Пусть застывшая кровь истечет!

Но не вся! Пусть останется малость-
Та живая способность писать,
Так писать, чтоб совсем не осталось
Чем тревожить немую тетрадь!

НЕМНОГО О ЛЮБВИ

*Посвящается Юлии Друниной —
поэтессе и фронтовику.*

Девочка летит навстречу солнцу,
Но никак настичь его не может.
Грезы эти странные тревожат —
Хочется к небесному оконцу.

Посмотреть, а что же есть за небом?
Может, там живет ее любимый?
Легкокрылым символом незримым,
Сном воздушным, призрачно-волшебным.

Сколько раз так мысленно летала
Девочка, любившая рассветы.
В миг, когда покинул он планету,
Пусто, одиноко бедной стало.

Лучше бы погибнуть в сорок пятом,
Пусть и накануне той победы.
Чем вот так, любовь сполна изведав,
Быть живой, но навсегда распятой.

Но недолго длилось расставанье...
Не стерпев ужасной этой муки,
Девочка, уставши от разлуки,
Прекратила путь земной, печальный.

Наяву взлетов бесстрашно к солнцу,
Став сама тем символом незримым,

Встретилась с единственным любимым
Где-то у небесного оконца!

ОКНО

Мой мир до крохотности мал..
Стакан. Окно. Пороша..
Часы — дух времени сломал,
Оно летит нарочно.

А я застыл. Я у окна.
Стою года считаю..
А за окном опять весна,
Какая? Сам не знаю.

Вино— чтоб радостней скорбеть
О серых днях минувших,
И мир свой крохотный согреть,
Чтобы казался лучше.

Дух времени— жестокий плут,
Штрихи-года стирает.
А я с вином. Грустнейший шут,
Снежинки-дни считаю..

ОТЧИТАЙ МЕНЯ СВЯЩЕННИК

Отчитай меня, священник..
Если сможешь — отчитай..
От душевных потрясений,
Чтобы не зайти за край!

От напрасной укоризны,
От безудержной тоски
И фатальности капризной,
Что сжимает как тиски.

Я отброшу все сомненья,
Ты доверься, отчитай
От слепого убежденья,
Что добро приводит в рай.

Отчитай неверье — верой
И любовью — нелюбовь,
Чтобы в жизни бледно-серой
Обрести мне небо вновь.

Отчитай меня, священник,
Будто бы в последний раз,
Потому, как в откровеньях
Врал безбожно я подчас.

ПИСЬМО ДРУГУ

Посвящается Вадиму Немчину

Мой друг, ты представляешь, снова болен,
Болезнями непонятой души.
И режет уши отзвук колоколен,
И на цветах полным— полно плешин.
Раскрасишь белым— дождь осенний смоет
И радости беспечной— краткий миг.
А колокольный звон надрывно стонет.
Спасает только мой далекий бриг.
Стоит он где— то, на волнах качаясь.
Мой друг на палубе— бывалый капитан.
Возьмет меня на бриг, когда состарюсь,
Приду лечится от душевных ран.
Нальет вина, обнимет, как и прежде,
Что не сказал, расскажет по пути.
Мы воздадим хвалу и вере, и надежде,
Под парусами в небо полетим.

Посвящается другу Андрею Пилипенко

Ресницы света больно режут глаз,
Когда смотреть так боязно вокруг,
Когда живешь бесцельно и не вдруг
И исполняешь чей-то злой заказ.

Но так нельзя же— вовсе не смотреть,
Пусть даже сердце бьется через раз,
Пускай бесцветен мир не напоказ,
Но почему-то хочется гореть!

А во дворе шиповник на ветру
Танцует в такт метели голубой,
Тревожа сонный, липкий мой покой,
С зимой затеяв странную игру.

Так значит в мире есть на что смотреть!
Пускай живешь бесцельно и не вдруг.
Звонящий танец в такт уставших вьюг
Развеет страх в бесцветье умереть!

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Войти в зарю, послушать соловья
И на рассвете богу помолиться.
Чтоб в призрачности сна иль бытия
Людей любимых вспомнить лица.

Ведь где-то ж меж реальностью и сном
Божественность какая-то таится.
Весь мир усеян белым серебром
И смолкла вдалеке ночная птица.

И в тишине рассветной бирюзы
Природы слышно нежное дыханье.

И помолившись сердцем, до слезы,
Привольнее душе уставшей станет.

И вот уж солнца высветился блик,
Так новый день целуется с зарей...
Счастливый, кто душой к земле приник
И слушал тишины земной покой.

Я умер в 35, а может, в 40.
Теперь хожу, улыбчивый, не я
И пусть я вам ни капельки не дорог,
По сути, вы мне тоже не друзья.

Во мне давным-давно все отболело
Что мучило, что тлело— все во прах.
Покинула душа шальное тело,
И маятник сломался на часах.

В пустыне знойной не цветут каштаны,
Все поглощает выжженный песок.
И я как гость растерянный, незванный,
Пришедший к вам некстати и не в срок.

Сосуд, разбитый кем-то в одночасье,
К осколкам не потянется рука,
Чтобы отведать буйного причастья —
Внутри уж не осталось ни глотка.

НЕ УМЕР в 35, а может в 40,
Пришедший к вам некстати и не в срок.
И пусть я вам ни капельки не дорог..
Я все равно ступлю к вам на порог!

ГОЛУБЬ (поэма в стихах).

Посвящается другу Поспелову Александру

Детство. Белый причал.
Босиком по воде.
Ничего он не знал
Ни в любви, ни в беде.

Голубок называли
Его бабушки вслед.
Он порхал без печали
И любил белый свет.

Каждый день как янтарь
В бусах радужных дней,
Их нисколько ни жаль —
Юных резвых коней.

Первый солнечный луч —
Как желание жить.
Вот он — счастья ключ!
Только как же с ним быть?!

С ним бежит по росе
Босоногий малыш
По речной полосе
Сквозь туманную тишь.

Он о звездах мечтал,
Голубок молодой.
Детство. Белый причал.
И туман, чуть седой...

Юность. Странный полет
Неокрепшей души,
То в пучину зовет,
То до ярких вершин.

Что-то зреет внутри,
И желание жить
Все сильнее горит,
Призывая творить.

Первый стих. "Это я,
Это ж я сотворил!
Вот она — колея,
Приложенье всех сил!"

Он открыл себе путь,
Не идти, но летать.
В небо это взметнуть
Всю душевную статью.

И опять побежал..
Босиком по воде.
Ничего он не знал
Ни в любви, ни в беде.

И в беспечную грудь
Вдруг ворвалась Она!
"Что со мной? Не уснуть,
Как прекрасна весна!"

Он познал первый грех
И томленье, и страсть,
Радость нежных утех
И вселенскую власть.

Власть любви, ее чар
И бессилье пред ней,
Томный, сладостный жар,
Тот, что солнца сильней.

Вот бы в небо вспорхнуть,
Да с любимой своей!

"Я открыл для нас путь,
Полетели скорей!"

Бедный голубь не знал,
Что осмеянным был.
Рано чувства отдал
И душевный свой пыл.

Нет, она не со зла.
Просто парень — чудака,
Не с того он числа,
Чтоб увлечься им так.

"Он хороший, смешной,
Только не по душе
И какой-то шальной,
Все за рай в шалаше!"

Ей далось так легко
Расставанье без слез,
Помахала платком
Чудаку невсерьез.

Что-то жжется внутри,
Потемнело в глазах.
"Что же я натворил,
Растворяясь в мечтах!"

Сердце рвет на куски!
Он не понят. Один.
Первый отблеск тоски —
Одиночества сплин...

.. Больше он не бежал
Босиком по воде..
Лучше б он и не знал,
Что в любви, как в беде!

"Без любви что за жизнь,
Пусть идет все ко дну,
Ею что дорожить,
Для чего, не пойму?"

Он пошел в те места —
Смерти глянуть в лицо.
" Раз погибла мечта,
Успокоюсь свинцом."

Первый день на войне.

Он не шел убивать.
Не поверил весне,
Только в рока печать.

Заглушил боль-тоску,
Все же, страх — умереть.
Сердце жалось к виску,
Уменьшаясь на треть.

"Убежать! Не поймут
Кто со мной, кого нет!
Так зачем же я тут?"
Голубь ищет ответ.

Смерть пирует вокруг.
Только выбора нет,
Он почти ей как друг
И уже тет-на-тет.

"Как же хочется жить.
Чушь — стихи и любовь.
Эту тонкую нить
Сохрани же, Господь!"

Когда пуля прошла
Рядом с сердцем — спасли.

"Ах, судьба.. как ты зла —
Я другого просил!"

.... И куда уж теперь
Босиком по воде.
Он в глаза посмотрел
И любви, и беде!

Первый день без войны.
Режет слух тишина.
Нет ни капли весны.
Пустота. Пелена.

Жуткий холод в груди.
Вновь не хочется жить.
Темнота впереди.
Остается лишь пить...

День за днем как бельмо
На глазах у ночи.
Не спасает вино,
Он от боли кричит.

Пьяный бред в кабаках
И стакан — как весло,
Он гребет впопыхах —
Лодку жизни снесло...

Плачет ветер. Причал
Потемнел на воде.
Голубь белый устал,
В небеса не глядел..

Четверть века. Старик
С потускневшей душой.
Он от солнца отвык
И участия лишен.

Тихий парк. Литр вина.
День как все — никакой..
И вдруг рядом — Она.
"Голубок, что с тобой?"

"Я ничтожный червяк,
Не способный летать.
Все со мною не так,
Износилась стать..."

"Я теперь все могу.
Дай мне руку, родной.
Там, на том берегу
Покружим над волной.

Я тебе расскажу,
Как жилось в мире мне,
Что все годы брожу,
Как в потерянном сне.

Ты меня проклинал?
Я беспечной была.
В небеса меня звал,
Что тогда я могла?!

Было имя мое
Ветер в поле тогда..
Жизнь долги отдает,
Очерняя года.

Я искала любви
Не у тех и не так.
Что душою кривить,
То, что было, пустяк.

От тебя и к тебе
Путь был долог, тернист.

Сколько раз я в мольбе
Призывала — "Вернись!"

Я узнала про все,
Что ты болен теперь.
Бог нас вместе спасет,
Ты уж милый, поверь.

Если сможешь, прости,
Если можешь прощать,
Ну давай полетим —
Я умею летать!"

Просветлели глаза.
Мир вокруг просветлел.
Ничего не сказав,
Голубь в небо взлетел.

Вслед за ним и Она,
Приобняв за крыло.
Возвратилась весна
Всем невзгодам назло.

Вот и старый причал.
Как он сверху красив!
Голубь счастье узнал,
Мир любви возвратив.

Годы вдаль понеслись.
Но теперь веселей.
Как же сладостно жить,
Да с любимой своей!

Эпилог

..... По речной полосе
Сквозь туманную тишь
Вновь бежит по росе
Босоногий малыш.

И все тот же причал,
Не успели снести...
Ничего он не знал.
Ангел снова в пути.

Сергей Булыга
Минск

МАЛЕНЬКАЯ ЛАНЬ

Это было, может, уже лет восемь тому назад на Южном Чумпакире. Погода тогда была мерзкая, неделю подряд шторм. И вот уже стемнело, мы сидим в таверне «Солёные уши», выпиваем и ждём, когда же всё это кончится. Как вдруг заходит Дакки, мой подшкипер, и говорит:

— Сэнки вернулся!

— Что?! — удивляемся. — В такую болтанку?

— Да, — говорит, — вот только что пришвартовался.

Что ж, думаем, Сэнки — малый не промах, а здесь, в Акульей Гавани, ему и вообще каждый камень известен. И мы сидим дальше.

Потом заходит Сэнки — мокрый, белый как мел — и, мимо нас, сразу к стойке. Битт наливает ему мерку. Сэнки выпивает.

Потом ещё одну. А после молча утирается, бросает Битту золотой — и к выходу. Тут я не выдержал и громко так:

— Плеш, ты куда?!

Он тогда словно очнулся. Остановился, посмотрел на меня, говорит:

— А, это ты! Извини, не заметил. Я, знаешь...

— Да брось ты! — говорю. — Садись, давно тебя не видели.

Мы потеснились. Плеш сел на угол и молчит. Он мокрый, белый был... Простите, повторяюсь. Но уж очень он меня тогда поразил, такого я его ещё не видел. Всегда, бывало, как зайдёт, так сразу шум. А тут это как будто он и как будто не он!

— Что, — говорю, — случилось что-нибудь?

А он:

— Да как тебе сказать. Ты помнишь эту... — и замаялся.

Я сразу понял, что к чему, и говорю:

— Что, Маленькую Лань? Туземку?

— Да, — говорит, — её. Так вот, она — дочь колдуна!

— А как же! — говорю. — И его я тоже помню. Очень дерзкий был старик. И это очень правильно, что мы его тогда...

А Сэнки мне:

— Молчи! Не смей так вспоминать! — потом немного успокоился и говорит: — А Маленькая Лань... Я же думал, что ей со мной будет хорошо. Ну, да чего теперь! Ты же сам всё это видел!

— Э, Сэнки, — говорю, — не надо. В этом твоей вины не было. Это она сама. И даже не она, а так.

Плеш только головой покачал, а после тихо сказал:

— Нет, не так. Это была совсем не лихорадка.

— А что тогда?

Сэнки молчит. И остальные все тоже молчат. Тогда я щёлкнул пальцами, и Битт ещё принёс. Я всем налил, мы выпили и ждём. Сэнки нахмурился, осмотрел нас всех, откашлялся, а после всё же сказал:

— Ладно, слушайте! — и рассказал примерно вот что...

Две недели тому назад мы крейсеровали возле пролива Двух Братьев. Штиль был. Духота, делать нечего. Я целыми днями валялся в каюте, скучал. И вот лежу я как-то раз и думаю: точно в такой же день мы подошли к лагуне и бросили якорь; я, ты, мой

друг, и ещё эти...ты их помнишь, да?... спустились в шлюпку и отправились к посёлку. Вот, значит, вспоминаю...

И вдруг я отчётливо слышу:

— Эй, Сэнки!

Я вздрогнул, поднял голову и осмотрелся — в каюте никого. Штиль. И на борту тишина...

И снова голос:

— Сэнки!

Тут я её узнал. Что ж, думаю, выходит, не ослышался. Вско-чил и говорю:

— Ты где, моя милая?

— Здесь, — отвечает она. — В твоём сердце.

— О! — говорю я. — Не пугай меня. Ведь ты же знаешь, я тебя любил!

— Да, — отвечает она, — я это помню. И не только это.

Я помолчал, а потом говорю:

— Ма! Если я в чём-то виноват перед тобой, то готов испу-пить это... любой ценой!

Она тихо рассмеялась и спросила:

— А ты не боишься, что цена окажется слишком высокой?

— Нет! — сказал я. — Нет и ещё раз нет!

Потому что с тех пор, как она умерла... Да, это чистая прав-да! Я всё время вспоминал о ней. О той, которую лишил всего! Всего, кроме меня. А был ли я ей нужен, я этого, честно, не знаю. И вот...

— Ма! — позвал я.

А она промолчала. Тогда я опять:

— Ма! Не прячься! Ты где?

Она ничего не ответила. И тогда я подумал, что, может, её здесь и не было, может, всё это мне только послышалось? Но эта мысль не очень-то меня успокоила. Я подошёл к столу, гля-нул на карту... И тут меня как варом обварило! На карте, рядом с Ларбуаром, стоял маленький туземный крестик. Я никогда не делаю таких пометок, вы же все это знаете. Ну и, к тому же, по-сле того, что там, на Ларбуаре, случилось, я даже близко не под-ходил к тем местам. А тут как теперь подойдёшь? Я же сказал, был штиль. Ветер поднялся только к вечеру. Но я ещё всю ночь лежал, думал о разном. Только уже утром я подумал: ладно! Ес-

ли Маленькая Лань желает этого... Ну что ж, пусть будет так, ведь я пообещал! Встал, пошёл в рубку и там приказал рулевому держать круче к ветру.

Ближе к вечеру прямо по курсу мы увидели Ларбуар.

— Стоянка, — сказал я. — Два дня. Будем брать провиант. И тогда мы оставили на борту только малую вахту, а остальные все сошли на берег. Они разложили костры и стали ловить черепах, а я — конечно, один, без провожатых — пошёл к нашему старому лагерю.

С тех пор, как я в последний раз был там, прошло уже немало времени; тропы почти что не было видно, и я порядком намалялся, пока добрался до той самой прогалины, на которой она... Ну да ладно об этом! А вот прогалина. На ней полуразвалившийся шалаш, заросшее травой кострище. Весло, которое я когда-то воткнул в землю, сгнило и упало, теперь я его чуть заметил... И вдруг прямо на меня летит непонятно откуда взявшаяся бабочка — вот такая, здоровущая, с ладонь, с оранжевыми крыльями, я таких раньше никогда не видел. Она пролетела перед самым моим носом, потом села на крышу шалаша, сложила крылья и замерла. Я подошёл к ней, поднял руку. Бабочка не шелохнулась. Я легко мог её поймать, но почему-то не решился, отступил к кострищу и задумался. Я, конечно, богат и удачлив, подумал я тогда, я, если захочу, могу завтра же бросить своё ремесло и вернуться домой, взять в жёны дочь владетельного лэйна и разъезжать в золочёной карете, и даже заседать в парламенте... Но маленькая беззащитная туземка, которую я так любил... и которой причинил так много зла, никогда не даст мне покоя! Я сжг её родной посёлок, убил её родителей, лишил её свободы — и после всего этого ещё посмел любить её! И требовал, чтобы она меня тоже любила. А Маленькая Лань, она даже не плакала, а только просила, чтобы я её скорей убил. И это было здесь, на этом самом месте! Я не послушал и увёз её с собой... И ведь всё равно убил её! Своей любовью! Вот о чём я тогда думал. Вдруг позади меня хрустнула ветка. Я оглянулся и увидел... Себя! Да, это был именно я: моё лицо, мой камзол, моя шляпа. И всё-таки...

— Похоже, мы где-то встречались, — сказал я как можно спокойнее.

— Ты что, не узнаёшь меня? — вместо ответа спросил мой двойник.

Я промолчал. А он положил руку на эфес шпаги и продолжал:

— Ты, как я вижу, только что явился сюда. А я здесь ещё со вчерашнего. Я всю ночь сидел здесь и думал, прикидывал. И, кажется, пришёл к решению!

Тут он выхватил шпагу и, как паяц в балагане, воскликнул:

— Я к вашим услугам!

Я медлил. Я не знал, что мне делать. Откуда взялся этот человек? Почему он так похож на меня? И зачем...

Но дальше думать мне было некогда, потому что он закричал:

— Ну, поживей, любезный! Или ты боишься?!

Мой двойник явно нервничал, и это меня сразу успокоило. Теперь уже я положил руку на эфес шпаги и сказал:

— Нет, почему это боюсь?! Меня такому не учили. Но для начала объясни мне хотя бы...

Но он не стал меня выслушивать, а сделал первый выпад. Я отскочил, встал в позицию, ещё раз посмотрел на своего двойника... И тут мне стало всё ясно! Сгущались сумерки, быстро темнело — и силуэт моего двойника стал как будто расплываться. Значит, как только сядет солнце, он просто исчезнет, растворится...

Но до этого было ещё далеко! И вообще, он очень ловко фехтовал, я с большим трудом отбивался. И отступал, выжидал. А он, наоборот, спешил, стал раз за разом ошибаться. Ну что ж, подумал тогда я, хоть он и бестелесен, но это не освобождает его от обязанности вести себя прилично! И, сделав обманный замах, я сразу резко отступил, он кинулся следом за мной — и я проткнул его насквозь! Он зашатался и рухнул ничком. Теперь уже я кинулся к нему, одним рывком перевернул его на спину... И ужаснулся! Ну, ещё бы! Ведь у него на груди растекалось кровавое пятно. Так, значит, это был никакой не призрак, а самый настоящий живой человек! Но кто он такой? И почему он так похож на меня?!

Тут мой двойник открыл глаза и чуть слышно сказал:

— Зачем ты это сделал?!

Я промолчал. Потом спросил:

— А... кто ты такой?

— Сэнки Плеш, — сказал он.

— Но это я Сэнки Плеш!

— Ты и я, — задыхаясь, с трудом сказал он, — мы — это один человек. Вся разница только в том, что я старше тебя. Правда, всего на одни сутки. — Тут он замолчал, собрался с силами, а после зло продолжал: — Да, всего на одни сутки! Но мне и их вполне хватило для того, чтобы понять: стать свободным можно только после того, как покончишь с прошлым. Значит, убить себя вчерашнего — и всё. Но, как видишь...

Тут он задрожал, весь скривился. И уже больше ничего не говорил. Только громко хрипел. Потом ещё раз сильно дёрнулся и умер. Вот тут-то мне стало действительно страшно. Ещё бы! Я, что ли, сам себя убил, так, да? Я поднял голову и посмотрел по сторонам. Было уже совсем темно, и только на крыше шалаша ещё можно было различить оранжевые крылья бабочки.

— Ма! — сказал я. — Ма, ты видишь, что я наделал? Ма!

Но она взмахнула крыльями, взлетела — и сразу исчезла.

Вот так, подумал я, теперь совсем всё кончено. Тот, кем я мог бы стать завтра, убит, и, значит, я теперь навсегда останусь во вчерашнем дне, в прошлом!

На этом Сэнки замолчал. Мы ждали, что он скажет ещё что-нибудь, только он, похоже, считал, что и так слишком много сказал. Тогда я спросил:

— Ну а потом что было?

Сэнки пожал плечами.

— А всё-таки! — опять сказал я. — Что потом?

— Потом, — сказал Сэнки и даже вздохнул, — потом я очнулся у себя в каюте. Они сказали, что утром они нашли меня на берегу возле шлюпок.

— Ну вот! — сказал я. — Значит, всё в порядке. А ещё лучше теперь выбросить всё это из головы.

— Э, нет! — сердито сказал Сэнки. — Я вижу, ты совсем ничего не понял. Ну да, наверное, после поймёшь. И хватит об этом! — и тут он сразу встал, попрощался со всеми и вышел. Мы какое-то время молчали, не зная, что тут и говорить, а потом Белый Вук вдруг сказал:

— Клянусь чем хотите, господа, что эта история ещё далеко не закончилась!

Мы переглянулись... и, не сговариваясь, разом поспешили вслед за Сэнки.

Было темно, хлестал проливной ливень, с моря дул ураганный ветер. Мы пробежали по набережной, свернули к пирсу... Но ни Сэнки, ни его корабля, конечно же, не увидели. Я остановился, многозначительно посмотрел на своего подшкипера и спросил:

— Ну и что ты на всё это скажешь?!

Даки сказал:

— Но я же ясно видел его «Лань»! И кормовой фонарь ещё вот так мигал, сигналил...

Никто не стал над ним смеяться — все чуяли неладное. Поэтому мы резко развернулись и, придерживая шляпы, молча вернулись в таверну.

Утром шторм прекратился, и в гавань... да, вы угадали! — вошёл бриг Сэнки Плеша. Только они пришвартовались, сразу начали сходить на берег. Много их тогда сошло. А Сэнки среди них не было! Я сразу почуял неладное, едва ли не бегом поднялся на борт и спросил у вахтенного, где их капитан.

— В каюте, — равнодушно сказал тот.

Я поспешил в каюту. Сэнки лежал на койке и смотрел в потолок.

— Садись, — сказал он мне. — Что нового?

— Так, ничего, — ответил я и сел. — А у тебя?

Сэнки молчал. Тогда я спросил:

— А почему лежишь?

Сэнки опять ничего не ответил. Тогда я резко встал и сорвал с него одеяло. Да, так и есть, грудь у него была перевязана.

— Кто это так тебя отделал? — спросил я как можно равнодушнее.

Вместо ответа Сэнки поспешно натянул на себя одеяло и мрачно посмотрел на меня.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Не хочешь отвечать, не надо. А я... Я сегодня почему-то вдруг вспомнил Маленькую Лань.

— Кого? — спросил Сэнки.

Я посмотрел ему в глаза... и понял, что он и вправду ничего не помнит! Так кто же из них тогда погиб в ту ночь, подумал я, вчерашний Сэнки или этот, нынешний?!

— Ты что-то говорил, — спросил у меня Сэнки.

— Нет-нет! — сказал я. — Это тебе показалось.

Потом мы ещё немного побеседовали о всяких пустяках, я пожелал Сэнки скорейшего выздоровления и вышел.

Но каково было моё удивление, когда я узнал, что никто из вчерашних посетителей таверны не помнит ни о ночном появлении Сэнки, ни тем более о его истории!

Что было дальше? Ничего такого, о чём бы стоило рассказывать. Через полгода Сэнки бросил наше ремесло и вернулся на родину. Говорят, что там он женился на дочери владетельного лэйна и теперь разъезжает в золочёной карете. А я по-прежнему хожу в рейды, в сезон дождей отсиживаюсь в Акульей Гавани и, похоже, один на всём белом свете помню о Маленькой Лани. Иногда она является мне во сне... И тогда я понимаю, что никуда отсюда не уеду; маленькая и беззащитная туземка, которую я полюбил с первого взгляда, не позволит мне этого сделать. Я теперь, наверное, и есть тот самый Сэнки Плеш, который навсегда остался в прошлом.

Сергей Петровец

Усинск, республика Коми

ПАНОПТИКУМ

Наша семейка Хипесов поголовно одержима маниакальной жадной бессмертия. По семейным преданиям первым отличился старый бздун Джошуа Хипес, от которого остался лишь тёмный, потрескавшийся портрет в вестибюле Хипес-хауза. Он избрал, как ему казалось, верный способ раз и навсегда избавиться от смерти. Когда к его одру из уважения явился сам епископ, марзматику сдуру принял того за Смерть и, вместо исповеди, уложил архиерея наповал выстрелом из дробовика, спрятанного под

одеялом. Сам же от радости тут же испустил дух. С тех пор всё семейство прослыло в графстве отпетыми атеистами, и ни один священник более не переступал порога замка.

Сынок его, Илайджа, став главой рода, тут же занялся алхимией, генетикой и другими лженауками. Денно и ночью из труб валил разноцветный дым, по замку непрестанно лупили молнии, а из подвала, заглушая громовые раскаты, неслись зловещие заклинания. Когда на окрестных погостах стали выкапываться и бродяжничать покойники, замок осадил толпа галдящих крестьян с факелами, вилами и цепями, но поздно. Дебби Хипес, не дожидаясь, когда семейные капиталы вылетят в трубу, украли первое попавшееся зелье и подлила мужу в грог. Сама же, дабы избежать виселицы, с чувством глубокого удовлетворения уснула летаргическим сном в Пыточной башне, где преспокойно дрыхнет и по сей день.

Дядюшка Эзра, которого вся родня терпеть не могла за скупердяйство, бросил свои скотобойни и отправился в Лондон, решив, что пинта-другая человеческой крови вместо завтрака обеспечит ему вечную жизнь. Можете проверить, в архиве Скотланд-Ярда полно его портретов и в фас и в профиль.

Доктор Малахия Хипес, большой оригинал, в этом деле решил пойти путем Тесея, точнее его корабля. Раз за разом он менял свои стареющие потроха на здоровые. Пришил себе новые руки и ноги, потом раздобыл молодой мускулистый торс, но когда дошло до замены головы, ловкач вдруг просёк: что-то здесь не так.

Папенька мой, Захария, напротив, ни в грош не ставил современную медицину и даже зубы себе лечить не позволял. Психанув в очередной раз, он распорядился утопить себя в жидком гелии и отправить на орбиту, подальше от докторов-идиотов. Вот нынче и нарежет круги в небесах в стеклянном гробу под охраной трех вооруженных спутников.

По всему выходит, я и из этого сборища богатеньких мудаков самый умный и успешный. Ибо живу я в стеклянной банке, в рассоле из стволовых клеток, и так жить буду вечно, если только мне не наврал тот яйцеголовый, царство ему небесное, который замурован в подвале. Как раз за суперкомпьютером «Крейг», дающим мне доступ в любое место на Земле, где есть

интернет и видеокамеры. Ну а в качестве хобби занимаюсь воспитанием непутевого сына Иуды. Вот, кстати, и он. А зачем ему бита?

— Ага! Опять пришел деньги клянуть?

— Я принес дурную весть, у нас горе, пап. Сегодня домработница случайно задела шваброй твою банку и ты разбился вдребезги.

— О чем это ты толкуешь, сын?

— Это просто несчастный случай, папа, — сказал сын и замахнулся битой.

Владимир Хабаров

Казань

ТЯЖЁЛЫЙ ДЕНЬ

С самого утра всё пошло наперекосяк. Визор не откликнулся ни на какие команды — ни голосовые, ни ментальные. Петухов пригрозил сдать его в утилизацию, на что тот презрительно фыркнул и гордо выдал надпись на экране: «Технический перерыв до полудня». Петухова это добило. И так настроение было испорчено, когда при умывании вместо холодной воды внезапно полилась горячая, а зубная паста не захотела растворяться среди зубов, застряв там дурацкой белой массой. Пришлось стирать её пальцем. Неудобно, неприятно, вдобавок ещё и затылок стало покалывать от частого движения головой вверх-вниз.

Завтракать не хотелось, аппетит пропал так и не успев родиться. Петухов подзвал кота Ваську — биоробота последней модели и любимца супруги — с розовой пушистой шерстью и ласковыми голубыми глазами, показал на визор:

— Эту сволочь в утиль. Закажи новый и лучше панорамный, чтоб на две стены...

Васька согласно мякнул и, выгнувшись дугой, потерялся о штанину комбеза. Розовые ворсинки, согласно заложенной про-

грамме линьки, легко и радостно отделились и клещами впились в белый материал, выстраивая замысловатый узор.

Визор испуганно ойкнул и заработал, показывая утренние новости. Шла прямая трансляция с Марса, где начали прокладку скоростного пассажирского трубопровода между двумя мегаполисами, и в тот момент, когда Петухов заинтересованно уставился на экран, произошло непоправимое: огромный трубоукладчик рухнул в непонятно откуда взявшуюся глубокую каверну, следом посыпался песок, создавая поминальное надгробие. Камера тут же увеличила картинку, детально фиксируя весь процесс.

«Да что за день такой... — горестно вздохнул Петухов, направляясь к выходу, — что ни шаг, то неприятность». И словно прочитав его мысли, кот Васька проникновенно, добавив капельку печали, сказал:

— Хозяин, сегодня же понедельник! А как говорили древние, понедельник — день тяжёлый...

Петухов, досадливо махнув рукой, мол, отвяжись и без тебя тошно, отправился на работу. Васька тут же устремился к домашнему продуктовому терминалу и заказал килограмм копченых сосисок, три апельсина и шесть бананов.

«Традиции древних надо помнить и чтить», — он, размышляя о забывчивости людей, начал замерять расстояние от спальни хозяев до кухни, чтобы знать, где надо точно положить корочку апельсина, а в туалете — кожуру банана.

Программа «Фольклорное наследие древних» сбила уже вторые сутки, но об этом никто не знал.

Александра Неронова
Москва

ИСХОД АКТЕРА

Над крохотной гримеркой оплывали — как будто крышу ветхую снесли — и небеса, безмолвные вначале, и ветер, и луна, и твердь земли. Он бредил и дрожал в своей скорлупке на берегу земного бытия, и Босха мир, чудовищный и хрупкий внимал ему, рыданий не тая. Он угасал, как угасают звуки, как падают вселенные ничком, и тонкие стремительные руки взлетали ввысь последним маяком. Он не просил чужого сострадания и не держал на равнодушных зла — жизнь оказалась краткой, как свиданье — мелькнула, отгорела и прошла. Теперь его не будет мучить холод, и жажда, и отсутствие любви: он был талантлив, трогателен, молод, и вот ему сказали — не живи! Он покориться мог или бороться, но выбрал свой, ни с чьим не схожий путь. И вот сейчас дыхание прервется... Еще глоток.. Еще! Еще чуть-чуть!.. Не поддавайся слабости минутной, вставай, иди на рампы желтый свет, ведь сцена так пуста и бесприютна, когда тебя на этой сцене нет...

...Но падают на снег слова и листья, и образы и мысли и мечты — так и тебя неумолимой кистью шутя перечеркнули с высоты. И прежние друзья, хрипя и плача, бросают тело в землю, как зерно. Ты больше ничего для них не значишь, ты больше не вернешься все равно. Запыют твою, как водится, кончину, произнесут два слова: "Боже мой!" — и прочь пойдут, и ветер будет в спину их с кладбища выталкивать домой. А небо плачет от безлунной хмари, и колокол надсадно бьет в виски, и драматург в абсентовом угаре дает зарок, что больше — ни строки... Мой бедный зритель, не сбивайся с такта, будь сдержанней и молчаливей впредь: идет к концу финал второго акта, а значит — третий надо досмотреть. Окончен счет земным пустым укорам, перед рассветом гаснут фонари... Бесхитростен и прост исход акте-

ра, а впрочем... если страшно — не смотри. Пускай печаль ползет по голой сцене и ангелы летят в ночную мглу и женщина, обняв свои колени, сидит как изваяние в углу. Все кончено: сомненья и стремленья, шаги утихли, смолкли голоса... Прощай, актер! Тебе до воскресенья еще осталось целых полчаса.

В мире пестрых безликих кукол
Лицемерие — как чума:
Забирается в каждый угол,
Серой пылью летит в дома,
Облепляет лицо и руки,
Залезает в открытый рот:
Кто-то попросту лжет со скуки,
Кто-то ради искусства лжет.
Бьет под дых равнодушие друга,
На асфальт тебя уложив —
Будь еще благодарен, сука,
Что хотя бы остался жив!
И не рыпайся: вряд ли спросят,
Что ты плачешь на мостовой —
Мимоходом чуть слышно бросят:
«Ладно! Справишься! Не первой!»
Я-то справлюсь.
Живите дальше,
Как и жили до сей поры,
В мире рваной убогой фальши,
Безразличья и мишуры!
Матерюсь? Не судите строго,
Это просто моя броня.
Жаль, что бывших друзей — так много...
Мало нынешних у меня.

Письма в прошлое — забавная идея:
Подстелить себе соломки с высоты,

Чтобы где-то на арену Колизея
Гладиатором взошел уже не ты.
Упредить себя чуток, обезопасить,
Взять провизию да план нарисовать...
Пусть бредет себе по незнакомой трассе
Кто угодно — если хочет рисковать.
Сколько в жизни начудишь — как под копирку!
Как же хочется — чтоб не ошибся впредь,
Взять себя, двадцатилетнего, за шкирку,
Да ремнем по голой заднице огреть!
А еще — на разлинованной странице
Мелким почерком шпаргалку наваять:
Как бы загодя от пули уклониться,
Не загнуться от болезни в сорок пять,
Не пойти в ниспровергатели по дури
Да талант не разменять на медный грош...
Жаль, что даже в мировой литературе
Образца для этих писем не найдешь.
...Пресня...
...Шаболовка...
...Трубная..
...Тверская...
С каждым днем все меньше тянет к мятежу...
Жаль, что в прошлое нас, братцы, не пускают.
Или к лучшему?
Не знаю.
Погляжу.

Все как прежде.
Будильник в пустой квартире,
Старый вытертый свитер — твоя броня...
Но представь — ты сегодня проснулся в мире,
Где привычно все.
Только нет меня.
На работу — сонный, с работы — в мыле,
Банка пива глотается, как вода...

Ты представь, что случайно проснулся в мире,
Где меня и не было — никогда.
Все как водится: кофе, маршрут знакомый,
Две халтуры, запись, друзья, дела...

Только где-то засела внутри — как дома —
Полустертая фраза: «она была...»
Кто была? И откуда? Приснилась, что ли?
Вспоминаешь надрывно,
Взахлеб,
Навзрыд.
Думал, сердце замерзло, живет без боли —
Оказалось, что бьется.
Саднит.
Болит.
Ты привык.
Месяцами молчишь, как рыба,
Уходя от отчаянья в полынью.
И шагаешь на казнь,
На расстрел.
На дыбу —
В эту жизнь.
Ненавистную.
Не свою.
Кофе. Ванная. Кофе. И вон из дома —
В мир, где все равнодушны и все равны...
Ты проснулся —
Все пройдено.
Все знакомо...
...И ушел обратно.
В цветные сны.

Я хочу быть счастливой.
Все просто.
И очень непросто.
Тихой гаванью стать
Маяком твоему кораблю...

Не влачить свой удел,
Словно плуг по стерне— до погоста,
А довериться чуду,
Которому имя «люблю».

Позабить навсегда
То, что грузом на сердце лежало —
Пусть уходит былое
Кратчайшей дорогой во тьму —
И без трепета вырвать
Тоске ядовитое жало,
Чтобы честно и прямо
Вернуться к себе самому.
Распустить паруса,
Выйдя утром в открытое море,
Оглядеть горизонт,
Бирюзово-янтарный вдали,
Разорвать кандалы
Одиночества, страха и горя,
И к далеким просторам
Направить свои корабли.
Ничего, что у нас
Будут ныть подзажившие раны,
Ничего, что — увы —
Ошибаться мы будем не раз...
Но в сияющей дымке
Маячат далекие страны,
И любовь, словно компас,
Из прошлого выведет нас.

О любви
Рассуждать о любви — легче камни таскать,
Онемеют и губы, и плечи.
Слов таких не найти, мер таких не сыскать
Ни в одном языке человечьем.
Можно грезить мечтой, можно строить дворец,
Уповая на близкое счастье,

Но приходит любовь.
Навсегда.
Наконец.
И меняет весь мир в одночасье.

Кто-то мягок и слаб. Кто-то весел и зол.
Из железа.
Из камня.
Из плоти.
Мог случиться любой. Но ко мне подошел
Павший ангел, подбитый на взлете.
И тщедушен, и бледен, и робок на вид —
До того не похож на героя! —
Краем рта улыбнувшись, он вдруг говорит:
"Дай-ка я тебе спину прикрою!"
И с тех пор прикрывал. Сотню лет. Сотню зим —
Сколько было тепла в человеке!—
И проснулась душа.
И наполнилась им —
Как дождем наполняются реки.
А потом заструилась в леса и поля,
Горы льнули к ее изголовью,
И отборной пшеницей всходила земля,
На любовь отвечая любовью.
Так и шли — через грохот и сквозь тишину.
Ран и песен прибавилось втрое.
Что кричать о любви?
Лучше тихо шепну:
"Дай-ка я тебе спину прикрою!"

Бывшим творцам посвящается

Ты сидишь на балконе с бутылкой пива или рюмочкой коньяка,
Все вокруг безупречно, светло, красиво, все построено на века
Ни тоски, ни обиды, не ноют раны, рот капризно и жалко сжат,
Запихнул в кладовку мечты и планы, пусть до судного дня ле-

жат.

Все, что раньше терзало, манило, пело,
все, чем душу кормил свою,
Уничтожило, смяло земное тело, успокоилась, как в раю.
Это можно вполне объяснить взросленьем,
Статус требует, хоть умри —
Сколько можно играть с убежавшей тенью,
караулить приход зари,
Вылезать на сожженную маем крышу,
петь под грозами в полный рост?..
..Был творец, понимаете, только вышел —
кинуть в мусор обломки звёзд.
А коньяк превосходен, лучист, янтарен, и пьянит,
словно лунный свет.
Не пугайтесь, ну да, это запах гари —
были крылья, да больше нет.
Что храниться дома такому хламу, здесь все новое, се ля ви.
Поклоняешься гнездышку, словно храму,
сам построил — и сам живи.
А за окнами небо, сирень, свобода, грозовая жжёт тишина...
Летний вечер.
Июнь.
Середина года.
Пусто в зеркале.
Ноль.
Финал.

Начетчики, певцы «во славу божью»,
Откуда спесь-то ваша, черт возьми?
Поездите, как я, по бездорожью,
Поговорите с местными людьми,
Хлебните с ними перекисшей бражки
И самогона с хреном заодно...
Нет, вам никак. У вас в столе бумажки,
А в голове — советское кино.
«Ну что вы тут печали подпустили,
Ну не в блокаду, чай, не на войне...»

И cedите с упорством крокодильим
Что нынче жизнь «наладилась вполне».
«Ну нет бы просто написать про вьюгу,
Весну и осень, веру и покой...»
... Там — магазин, один на всю округу,
И школа — на куличках за рекой.
В пустых домах давно гуляет эхо,
Живут дай бог в одном из десяти.
Весною до райцентра не доехать,
А осенью порой и не дойти.
На поезде, машине, на телеге,
Пешком по тундре из последних сил —
Вы приползайте на зиму, коллеги,
Туда, где волк костей не заносил.
Там любят нас, артистов и поэтов,
Без новостей соскучились в глуши.
Прочтите им про игры тьмы и света,
Про жизнь, про смерть, про бытие души...
Но только вот за «милый край заветный»,
За «жизнь идет смиренно да ладком»
Они пошлют вас — быстро и конкретно
Могучим, крепким русским языком.

Мне так хотелось жить «как все» — и я почти привык,
И даже мир нигде не жмет — а раньше был впритык,
Все в норме — офисный режим, квартира и семья,
Еда, зарплата... Что с того, что, это все — не я?
Я просыпаюсь поутру, ищу свой ноутбук,
Все громче птицы за окном, все глуше — сердца стук,
Живу за городом, в тиши, никто не сват, не брат,
Я не хочу идти вперед и не могу — назад.
Не надо прошлое, молю, тащить на пьедестал —
Никто не помнит, кем я был, не знает, чем я стал.
Я разрушаюсь с головы, я рассыпаюсь в прах,
Есть личный демон у меня и этот демон — страх.
Он ест меня, как солитер, он ждет меня в ночи,
Подстерегает у дверей и требует: «молчи!»

В кровати — долг, в гостях — кредит, на улице — парад...
Не вякай, пользу приноси — и все тебе простят.
Простят, что я без спросу брел неведомо куда,
Любил закаты над Москвой, мосты и поезда,
Мечтал о славе, о любви, о дружбе — идиот! —
А нынче тихо говорю: «Забудь. Само пройдет»
Под вой будильника, скандал и рюмку коньяка
Мне очень хочется уйти из этого мирка —
Хоть в ад, хоть в рай, хоть в монастырь, хоть рыбкой из окна...
Но не могу.
Я стер себя.
Всею своя цена.

Весь мир — запрет.
И тьма, и свет,
И вскрик, и тишина.
Ни выхода, ни входа нет —
Такие времена.
Запрет на жест.
Запрет на взгляд.
На дружбу.
На вражду.
На шаг вперед.
На шаг назад.
На безмятежный райский сад.
На свой котел в аду.
Запрет на бунт,
Запрет на стыд,
На радость и хандру —
Пусть каждый сядет.
И сидит,
Как нищий на пиру.
Запрет на смелость и на страх,
На милость и на месть,
На объяснение в стихах,
На вызов, дерзость, честь,

На шутки, слезы, стон и вой,
На сигаретный дым,
Запрет на право стать собой
И право быть другим.

Запрет на радугу.
Холмы.
На реки и леса.
На слово "я".
На слово "мы".
На смех
И чудеса,
На поезда в лиловой мгле,
На звон капелей с крыш,
На ветер с юга в феврале,
На все, чем дышишь на земле,
И чем ты дорожишь.
На восхищенье, на мольбу,
На яблони в росе...
Сиди себе, кляни судьбу,
Но молча.
Как и все.
Запрет на лица.
Имена.
На "нет".
"Не знаю"
"Да".
Бывали хуже времена.
Но гаже —
Никогда.

Мне долго не хватало тишины,
Дыхания карельского восхода,
Где пахнет дымом юная листва,
И мох легко пружинит под ногой.
Где облака, прозрачные как сны,
И сединою тронутые воды,

Где все другое — воздух и трава,
И свет.
И лес.
И мир совсем другой.
Мне долго не хватало пустырей
Вокруг давно забытого погоста,
Где сохранилось только две стены
И колокол не слышен поутру,
Где тонкий ярко-розовый кипрей,
Как мальчуган в рубахе не по росту,
Зовет меня из моря тишины
Играть в давно забытую игру...
Мне долго не хватало говорка,
Надрывного, как чаячье рыданье,
Мне не хватало ветра и песка,
И плеска лодок на речной мели.
Здесь каждый вздох похож издалека
На древнее суровое преданье,
Зовущее сквозь годы и века
Меня на заповедный край земли.
И вот я здесь — —
Где сосен хоровод,
Где мчится катер по озерной глади,
Где я с холма сквозь утреннюю стынь
Смотрю на все четыре стороны...
Над лесом загорается восход,
И что-то снова пишется в тетради.
Дышу.
Люблю.
Блаженствую.
Аминь...
...Мне долго не хватало тишины.
Скоморошья
Сторона ль моя, сторонка, неохватный окоем...
Говорю себе негромко — ничего, переживём.
Белый свет, бродяжья доля, ни осла и ни вола,
Только ветер в чистом поле, и дорогам нет числа.

Лейся, песня скоморошья, алым мячиком скачи,
Впереди тропинка волчья, да продрогшие грачи,
Сзади — голод да облавы, в землю втоптана дуда —
Видно, мне при жизни славы не дожждаться никогда.
Слева-справа тлеют села, Богородица, спаси!
Скоморох бредет весёлый по истерзанной Руси.
Всюду голод да разруха, всюду плач стоит стеной,
И кричит пустое брюхо о крупиночке ржаной.
Что же тут стонать и охать, эко диво — голодать,
Не пристало скомороху падать духом да рыдать.
Тряпки пестрые достану, бубенцами прозвеню—
И уйдёт из сердца рана, сгинет, шельма, на корню.
Не торгую, не ворую — я с судьбой своей в ладу.
Нынче в поле заночую, завтра к городу приду.
Пусть летит лихая песня в придорожную траву —
Ну поправим.
Потом воскреснем.
Ничего — переживу.

По вечерам,
В декабрьской тишине,
Еще неслышной музыки в начале
Ищу стихи, которые во мне
Твоим — и только! — голосом звучали.
Сквозь толщу лет,
Прошедших кое-как,
Сквозь лед обид
И ярости зарницы
Стихи во тьме сияют,
Как маяк,
И нотами ложатся на страницы.
Они плывут из черной немоты,
Прерывисто,
Надсадно,
Глуховато —
Я просто помню, как читал их ты.

Мне их читал
В непрожитом «когда-то».
Год на исходе. За окном темно.
Промозглый ветер.
Деревца нагие.
...Но мы с тобою снова заодно —
И с нами Бродский,
Штейнберг
И другие.

Шостакович
Комната треснула.
Ветер сдувает стены.
Вьюга метет сквозь заваленный снегом двор.
...Он ненавидел Смерть до кровавой пены.
Смерть отомстила.
Выстрелила в упор.
Дети боятся его отпускать из дома —
Может пропасть, подраться, сойти с ума.
...Давят на горло труб жестяных изломы,
Валяются навзничь в судорогах дома,
Люди похожи на трупы.
На крыс.
На плесень.
Из репродукторов желчно грохочет медь:
«Меньше страдания!»
«Больше веселых песен!»
...Сердце не хочет ни биться,
Ни жить,
Ни петь.
С кем ты мечтал сражаться, дурак в квадрате?
Что доказал,
Доморощенный Дон-Кихот?
Лучше не возвращаться.
Довольно.
Хватит.

Ты уже сдох.
А мир без тебя живет.
...Он возвращается.
Съёженный.
Злой.
Усталый.
Чай наливает.
Тихо включает свет.
Смотрит в окно сквозь глухие, как боль, кварталы.
Плачет.
Молчит.
...И пишет Седьмой квартет.

Ринат Харун
Уфа

«Я МАХРОВЫЙ ХАЛАТ
ИЗНОСИТЬ НЕ СПЕШУ...»

РУБАИ

СЛОВО

Если словом посмел ты кого-то обидеть
Или косо взглянул на кого невзначай,
То подумай стократ: чем страдания видеть
И всю жизнь сожалеть, лучше миг помолчать.

МОЖЕТ БЫТЬ

Возможно ли правдой убить? — может быть.
Возможно ли ложью лечить? — может быть.
В никуда мы уходим, придя ниоткуда;
Запомнит ли нас кто-нибудь? — может быть.

НЕ ПРЯЧЬ СВОИХ СЛЕЗ...

Если плач сдавит горло — не прячь своих слез,
Если счастлив безмерно — не прячь своих слез.
Навсегда отпусти то, что в прошлом осталось —
Серебро бытия лучше золота грез.

ТЫ НЕ БОЙСЯ ИСЧЕЗНУТЬ В БЕЗЛИКОЙ ТОЛПЕ...

Ты не бойся исчезнуть в безликой толпе,
Даже если твой крик в тишине растворится
И однажды душа воспарит, словно птица,
Если будешь, мой друг, всюду верен себе.

МЕЧ

Если слова будут острым мечом,
Врагов миллионы тебе нипочем?
Глупец! Чего стоит такая победа? —
Навеки в молчаньи ты жить обречен...

БОГАЧ И САДОВНИК

— Садовник, посмотри на этот дивный сад:
в нем есть и розы, и жасмин, и виноград...
— Мой господин! Нет слов — цветы твои прекрасны,
но трели соловья услышать был бы рад.

* * *

Если пьян ты уже — так мы вместе споем!
Если болен иль слаб — так к врачу отведем!
Если деву прекрасную обнял за плечи,
Вмиг забудешь, надеюсь о горе своем!

ИМЯ ПОЭТА

Твоя жизнь быстротечна как горный ручей,
Твое слово острее булатных мечей,

Твой девиз, прославляющий имя поэта:
"Рожден был свободным и умер ничей!"

МОЛИТВА

Я молитву сию вознесу небесам:
«На земле я несчастлив, так может быть, Там?»
Отвечало оно, беспристрастно взирая:
«Жив еще — так терпи! Мысль о смерти — харам!»

ДЕВА ИЗ СНА

Черноокая дева из сна моего —
Нет прекрасней улыбки ее ничего!
Один взгляд драгоценнее сотни алмазов —
До конца своих дней буду помнить его!

ТЫ СПРОСИЛА МЕНЯ

Ты спросила меня, кем хотел бы я стать,
Если б было возможно судьбу выбирать?
Улыбнувшись, ответил: «Хотел бы стать солнцем,
Чтобы каждое утро тебя целовать!»

УРАЛ

Пусть предложат мне лучшее место в раю,
Где прекрасные гурии песни поют —
Знайте, люди: Урал я на рай не меняю,
А иначе я в душу себе наплюю.

УЖИН В ПЯТНИЦУ 13-ГО...

У смерти я в гостях однажды побывал
(Хотя на ужин к ней никто не приглашал);
Но то ли мне десерт пришелся не по вкусу
(А может, сомелье с вином не угадал...)

Я — ЕСТЬ!

Вы когда-то мальчонку на смерть обрекли:
"Ну когда ж его примут объятья земли?"
Только я — еще *есть*, а вот вы — уже *были*,
но: вчера на Олимпе, сегодня — в пыли.

* * *

О, Мудрейший, познавший природу вещей,
На один лишь вопрос ты ответь поскорей:
Почему мое сердце — безжизненный камень —
Рядом с нею пылает, как сотня свечей?

МНЕ ОДНОМУ

Шесть лет, словно Вечность — мне одному?
Побег в Бесконечность — мне одному?
Ладно. Согласен. Играем вслепую,
Но только и выигрыш — мне одному.

* * *

Тебя гонят, а ты уходить не спеши,
Хоть в оплату за труд достаются гроши.
Присмотришь: из других кто богатства достоин?
Хоть и знаешь ответ, отвечать не спеши.

* * *

Хмарь душевную вряд ли прогонишь вином:
Упадешь бездыханный — и дело с концом.
Обними же любимую прежде кувшина:
Он сто лет простоит... а мы — завтра уйдем.

* * *

Ты мечтал обрести тишину и покой...
Не ошибся ли дверью, мой друг дорогой?
Веселись! Наслаждайся биением сердца!
А устанешь — укроют могильной плитой.

* * *

Был я молод — по глупости жизнь торопил,
Ни мгновенья ее, дурачок, не ценил...
Ай, красавица! Мимо, смеясь, пробежала...
За подол уцепился бы — нет больше сил...

* * *

За глаза говорили: чудак-человек!
Рассуждает о Вечном, чудак-человек!
Ухожу... Только вряд ли мне вслед донесется:
"А ведь прав был, поди ж ты, чудак-человек!"

* * *

Отвергнутый, чужой, я брел по злым пескам,
Моля лишь об одном: «Примите, небеса!»
Когда уже не ждал от муки избавленья,
Живительный родник в пустыне отыскал.

* * *

Счастлив тот, кто себя за глупца выдает:
Пей, гуляй, развлекайся, не зная хлопот.
Вот и я грешным делом подумал: на время
Не сойти ли с ума мне? Авось повезет...

* * *

Красота дуновению ветра сродни.
Ты не гурия — знаю... Зачем мне они?
Слава тем, кто из рая был изгнан однажды,
Чтобы мы на земле повстречаться смогли.

* * *

Дан язык — так зачем же я буду молчать?
Пусть слова мои сможет не каждый принять.
Пока жив — говорю, ну а после Всевышний
В Книге наших деяний поставит печать.

* * *

Среди многих жемчужин ты выбрал одну,
Безрассудно за нею нырнул в глубину...
Справедливо ли это, скажи мне, ныряльщик:
Задарма пополнять государя казну?

ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

Ты — мираж, услаждающий взоры вдали,
Обещая прохладу бредущим в пыли.
Зная это, готов обмануться еще раз
Ради чувств, что когда-то сберечь не смогли...

* * *

Не спешу я скорее вернуться домой:
Материнских объятий обманчив покой,
Непреклонен отец, наказавший сурово,
Мне и прошлого раза хватило с лихвой.

* * *

Вот паук свою жертву сволок в уголок:
Милосерден ли он, или может, жесток?
Эта муха, нелепо попавшая в сети,
Пусть послужит уроком, кому невдомек...

* * *

Я природы прекрасней твоей не встречал,
Слаще вод Агидели-реки не встречал.
С молоком материнским впитал твою мудрость
И горжусь, что зовусь твоим сыном, Урал!

РАЗГОВОР С АНГЕЛОМ

У последней черты я стою, чуть дыша.
Вижу — ангел ко мне подлетел не спеша
И спросил: «Что ты делаешь здесь раньше срока?» —
«То от ласк луноликой взлетела душа!»

ВЛЮБЛЕННЫЙ

Только трус устыдится пороков своих,
Лишь глупец не признает достоинств своих,
Лишь влюбленный наивно считает, безумец,
Что делится поровну все на двоих...

ХАЙЯМУ

Наблюдая извечную гонку светил,
Не жалел, что на свете так мало пожил.
Спустя восемь веков о тебе еще помнят?
Знать, бессмертие в душах людских заслужил.

КЛЮЧИ ОТ БЛАЖЕНСТВА

Провожая последние солнца лучи,
Не грусти, что от жизни не все получил:
Поцелуй любимой — нет лучшей награды
Для того, кто искал от Блаженства ключи.

ПАСЫНКИ ПАМЯТИ

Вы опаснее яда гремучей змеи,
Слаще сна, что ушел, не дождавшись зари;
Словно призраки, мне истерзавшие душу,
Черной памяти пасынки — мысли мои...

* * *

Сколько бед и страданий прошли б мимо нас,
Если б в юности знать то, что знаем сейчас.
И возможно, сложилась бы жизнь по-другому,
А потом повторилось бы все... но — без нас.

OFFLINE...

Мы с тобою online целовались не раз,
В море псевдоблаженства купались не раз.

Но однажды придется поверить в реальность:
Click — и выйдем из чата... и нет больше нас.

ДЛЯ ЧЕГО?

Если жизнь — капля в море — всего ничего,
Испытанья ниспосланы нам для чего?
Если мы умираем, порой не родившись,
Счастье свыше даровано нам — для чего?

* * *

«Ну же, друг мой, на мир посмотри веселей!
Помни о быстротечности жизни своей!»
Нет нужды лишний раз говорить мне об этом —
Уходил я не раз по Дороге Теней.

Я — БЫЛ...

Был огнем я — тебе не хватало тепла ...
Был золою — и вовсе, не глядя, прошла...
Целым миром я был — ты в лицо посмеялась,
Одиночеством стал... Лишь тогда — поняла...

* * *

Говорят, в этом мире ошибок не счастье,
Потому что он создан был суток за шесть.
Если б я был Творцом — провозился б неделю,
Но в итоге оставил бы все так, как есть.

ТЫ...

Лучик света во мраке души моей — ты...
Вольный ветер, унесший печаль мою — ты...
Подарившая сердцу усталому счастье
И пустыню-меня оживившая — ты...

* * *

Когда слезы сдержать уже не вмоготу,
Миру радуга явит свою красоту.
С нас довольно страданий — пусть небо поплачет,
Улыбнись, и я снова поверю в мечту.

ТЕБЯ РЯДОМ НЕТ...

Сердце стонет от боли — тебя рядом нет,
И душа опустела — тебя рядом нет.
Ад земной Одиночеством верно зовется:
И до рая дошел бы — тебя рядом нет...

* * *

Да, я пьян! Не вином, но улыбкой одной.
В пыль у ног твоих пал — от улыбки одной.
Умереть я готов, чтобы снова воскреснуть
На руках у тебя от улыбки одной...

ВЧЕРА. СЕГОДНЯ. ЗАВТРА.

Строить планы на завтра — идти сквозь туман;
Жить, оставшись «вчера» — сладкий самообман.
Существует лишь только «сейчас» и «сегодня» —
Все что «после» — за гранью доступного нам.

* * *

Холод страха в душе поселился твоей?
Камнем давит на плечи груз прожитых дней?
Так приляг, отдохни — не заметишь, как станет
Это тело приютом могильных червей.

* * *

Наша жизнь — колесо, мудрецы говорят.
Бесконечно оно, мудрецы говорят.
Коли так — почему мудрецы умирают,
Почему ни один не вернулся назад?

* * *

Одинокая старость — кромешная мгла:
Звон ручьев, соловьиная трель не мила...
В пустоту я шагну, как в объятья любимой —
Без нее сад души моей выжжен дотла!

* * *

«Кто свое потерял, тот чужому не рад,
Даже если подарок ценнее стократ».
Ты же этот урок для себя не усвоил:
Не проси снисхождения — сам виноват.

УСТАЛЫЙ ВОИН

Ветер лесу негромко шептал в тишине,
(А быть может, все это привиделось мне?)
Что врага, пощадившего в схватке неравной,
Притворившийся другом — опасней вдвойне.

БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ

Быть у власти — не значит добиться всего:
Мир к ногам твоим пал — удержи-ка его,
Своенравный глупец, возжелавший короны —
В волосах жемчуга, в голове — ничего...

НАСТОЯЩЕЕ БЕЗ ЗАВТРА

В темноту ваших душ я смотреть не боюсь,
Гнев, кипящий в сердцах, умирять не боюсь;
Не боюсь умереть, принося себя в жертву —
В настоящем без "завтра" остаться боюсь...

НЕ ЗАБУДЬ

Воспарив в небеса, о земле не забудь.
Будь готов оступиться. И встать не забудь.

Если ложь ослепила, подрезала крылья —
С благодарностью правду принять не забудь.

* * *

Одинокая чайка кружит над волной,
Предзакатный пейзаж украшая собой.
Райским островом кто-то назвал это место;
Если так — почему меня тянет домой?

* * *

Виночерпий, налей мне вина — я напьюсь!
Сердце просит свободы — нескоро вернусь!
С кубком влаги волшебной сойду я в могилу? —
Значит, так предначертано мне — ну и пусть!

* * *

Бриллиант, что достоин венца королей!
Я — безумец, любви возжелавший твоей...
День, когда был пленен красотой неземною —
И бесценный подарок, и худший из дней.

* * *

Окунись в мир Хайяма и в нем утони!
Жажду жизни стихами его утоли!
Все мы смертны, бессмертно лишь имя Поэта —
Пока дышишь, в себе его мудрость храни!

* * *

Не минуты — года, если некого ждать;
В каждом слове — слеза, если некого ждать.
В каждом вздохе сквозит сожаленье о жизни,
Если я не могу стан любимой обнять.

УСТАЛЫЙ ПУТНИК

О дожде я молился, в ответ — тишина...
О прохладе мечтаю, в ответ — тишина...

Пьяный ветер пустыни, ответь мне, бродяга:
Где приют мой последний? В ответ — тишина...

* * *

«Я — десница царя!» — мне один говорит.
«Фаворит королевы!» — другой говорит.
«Что великие? Прах! Не одни, так другие;
С головою дружите!» — мудрец говорит.

* * *

День прошел, приближая на шаг к рубежу,
За которым — Ничто, смерть — я проще скажу.
Но не стоит спешить на свидание с нею.
Впрочем — дело твое... а я здесь полежу.

* * *

Подаянье просившему дав золотой,
Вряд ли смоешь грехи свои, скряга скупой,
Добрым словом облегчи страданья другого,
И тогда не избежешь ты славы людской.

* * *

«Жизнь — мгновенье одно меж Вчера и Сейчас», —
Этот страх сидит в сердце любого из нас.
Пусть вино мне откроет в беспмятство двери:
Опьяненный любовью, воскресну не раз...

* * *

Тайну многих созвездий открыл я, мудрец;
В языках и науках я сведущ, мудрец.
Но Великую Мудрость познал лишь недавно
То не звезды, а сотни разбитых сердец...

* * *

Детский смех — чище горного он родника.
Дом, где счастливы дети, обходит тоска.
Сожалеть о былом не пристало сединам,
Но в душе я ребенком побуду пока...

* * *

Говоришь, что Хайям лишь о пьянстве вещал?
Мир загробный, похоже, не раз навещал?
Потому ль до сих пор не подвергнут забвенью,
Что с достойными только лишь пить обещал?

* * *

Пусть я шут, пусть — паяц! Жизнь — театр для меня.
Пусть я глуп, пусть — неправ! Научите меня
Жить по правилам вашим, прогнувшись под правду
Тех, кто прав, но неправ — усмирите меня!

* * *

Никогда не любил подлецов и лжецов,
Не прельщался речами надменных льстецов.
Правда нынче не в моде, но это ж не повод
Утверждать: «Это — шар!», если видишь яйцо.

* * *

В беспокойное время живем, господа:
Там, где были пустыни — теперь города;
Среди шумной толпы, одиночества пленник,
Я стою — вы бежите... скажите — куда?

* * *

Грозный лев среди стаи шакалов — вчера.
И весь мир — под ногами моими — вчера.
Тот, кем был я — остался на дне этой чаши,
Остальное потерпит, мой друг... до утра.

ПРАВДА ЖИЗНИ

Я однажды ребенка застал за игрой:
На песке воздвигал он, стена за стеной,
Неприступный свой замок, но вот незадача:
Через миг тот исчезнет, накрытый волной...

НЕ АНГЕЛЫ...

И страданиям людским объяснение есть,
И для радости поводов — не перечесть.
Да, не ангелы мы, но не в этом ли счастье:
«Быть» всегда интересней банального «Есть».

* * *

«Слово — перышка легче — без промаха бьет».
Лишь глупец с этой мудростью спорить рискнет.
Так случилось, что я был глупцом не однажды —
Поумнел, лишь молчанье услышав твое...

* * *

Как без солнца рассвета представить нельзя,
И росы без тумана представить нельзя;
Так и я — одинокий усталый романтик,
Чьих стихов без надежды представить нельзя...

* * *

Выбирать между тенью и светом устал...
Разрываться меж долгом и сердцем устал...
Среди сотен чужих покалеченных судеб
Отыскать бы свою, да зачем? Кто бы знал...

* * *

Да, я выпил немного... Присел отдохнуть
И подумать над тем, что хотел бы вернуть.
Говорите: «Ни шагу ступить он не может» —
Но сегодня к мечте я приблизился чуть...

* * *

Плачут звезды, сгорая в ночной тишине,
Плачут первые грозы на радость весне...
Как хотелось бы верить, что вот оно — чудо! —
Но увы, почему-то не верится мне.

* * *

Не ищите во взгляде былого огня:
Безразлична мне прелесть весеннего дня...
Я хотел бы иметь идеальную душу,
Но разбитое сердце лишь есть у меня...

* * *

Нет эмоций. Нет чувств. Крыльев нет за спиной...
Все что было — исчезло за серой стеной...
До смешного хрупки декорации жизни
Той, в которой я все еще счастлив с тобой...

ЦВЕТОЧНЫЕ ИМЕНА

Я по жизни иду, утопая в цветах.
Видно, так повелел Всемогущий Аллах:
Нет прекрасней букета, который собрал Он
В ваших светлых и сердцу родных именах!

* * *

Постоянно о смерти не думай — придет.
И о жизни не думай — сквозь пальцы пройдет.
Не печалься о хрупкости тела земного:
Вряд ли кто-нибудь лучше тебе подберет...

* * *

Скоро очи сомкну — ты со мной в этот час...
Прячешь слезы за мнимой игривостью фраз...
Жизнь моя — не дороже пустого кувшина.
Улыбнись! Пусть вино в нем сверкает сейчас!

* * *

Потаенного смысла искать не спеши
Ни в словах, ни в делах, ни в порывах души.
«Завтра» будет не прежде, чем сгинет «сегодня».
От рожденья до смерти — вся жизнь, не спеши!

* * *

Умирая, о Судном не думаю дне.
За мгновение *до* не увидеть бы мне
Твоих слез... А о том, что запомнится после,
Нам расскажет лишь время. И вишни в вине...

* * *

Дивной розой любуясь, не видел шипов...
Думал мимо пройти — крепче всяких оков
Удержала мой взгляд лепестков ее нежность:
И забыть не могу, и сорвать не готов...

* * *

Пусть в мгновение ока весна отцвела,
Золотистой печалью на сердце легла,
Буйство летней грозы вспоминать не устану —
За бокалом вина мне и вьюга мила.

* * *

В моем взгляде — лишь пепел забытых огней.
В моих мыслях — свист ветра бескрайних степей.
А слова же подобны брызжанью младенца,
Недовольного новой игрушкой своей...

* * *

Белый пепел седин уходящего дня
Красоту за туманом укрыл от меня.
Ночь мелодию жизни стихами украсит,
Что потомки споют, мою память храня.

* * *

Сотни судеб... Одна лишь владыки рука
Суд вершит — непреклонна, сурова, легка...
То — вчера, а сегодня — сама стала прахом,
Недостойным ни ветра, ни даже плевка.

* * *

Тот силен, кто на зло отвечает добром,
Кто дождю улыбается, слушая гром.
Слаб же тот, кто в минуту твою роковую
Молча рядом стоит, пекло чуя нутром...

О ВРЕМЕНИ,
или ПОЧЕМУ РОМАНТИКИ НЕ НОСЯТ ЧАСОВ

"Значит, время еще не пришло" (с) Н.Б.

Я за временем, знаешь, следить перестал
Лет пятнадцать назад: просто очень устал,
За стремительным бегом секунд наблюдая,
Понимать, что на целую жизнь опоздал...

О ЛЮБВИ

"Рифмуй..." (с) Н.И.

Я из сердца бы вырвал — была не была!
Да без сердца любовь и была — не была!
Даже к черту послал бы, да знаю — вернется
И милей, и дороже стократ, чем была!

* * *

Если слово — лишь ветра внезапный порыв,
Дай мне крылья — взлечу сотней огненных брызг!
Да — исчезну в ночи, миг спустя, ну и славно! —
Слово помнит безумца... и плачет навзрыд.

* * *

Мир пустыней безжизненной видится мне,
Пепелищем покинутым видится мне
Без вина твоих губ... к ним, дрожа, припадаю
И мгновение вечностью видится мне...

* * *

Тот, чье слово подобно кругам на воде:
Появившись, исчезло неведомо где,
Вряд ли лучше того, кто сражен тишиною,
Повинуясь невидимой крепкой узде.

* * *

Жизнь моя от *сегодня* до *завтра* течет.
День вчерашний — туманом укрытый — не в счет.
Был бы рад замереть в ожидании чуда,
Но остаться в *сейчас* не готов я еще...

* * *

Помни, кто ты, дрожа у чужого костра,
Как бы ночь пережить, дожидаясь утра.
Знай свой путь, ибо тени подобен бредущий
В даль без цели, и нет в нем ни зла, ни добра...

* * *

Веселись и наполни свой кубок вином!
Пусть тебя не тревожит метель за окном.
Вдох есть жизнь, выдох — смерть, удержи же дыханье —
Будь собою, пока не уснул вечным сном!

* * *

Не вчера и не завтра — сегодня живем.
От свистка до сирены — хоккеем живем.
Только в жизни, увы, овертайма не будет:
И смениться бы рад, но...
вот так и живем.

* * *

За глаза посмеялись — готовы терпеть?
Раз пощечину дали — готовы терпеть?
Все забудется — сплетни, пощечины, слезы...
Обреченность во взгляде — доколе ж терпеть?

НЯША-ТАНЯ, ИЛИ ФИЛОСОФСКИ — О МЯЧЕ...

Мяч уплыл? Ну и шут с ним, не думай о нем!
Грош цена нам, коль плачем мы над пузырем
Из резины, который всего лишь надули...
В свое время мы все по реке уплывем!

SECRETUM VITAE AETERNAE

Мир, которому многие тысячи лет,
Не откроет рабам вечной жизни секрет.
Ну и черт с ним! У нас есть "сегодня", а "завтра"
Мы увидим не раньше, чем новый рассвет.

* * *

В день дождливый о солнце мечтаешь зачем?
А в безоблачный день — о прохладе... зачем?
Видя только лишь белое с черным, однажды
Не заметишь, как жизнь стала серой совсем...

* * *

Днем ли, ночью ли — солнце едино для всех.
Меж «вчера» и «сегодня» — движение век.
«Завтра» можешь проснуться в объятиях любимой,
Иль уйти в никуда — выбирай, человек!

* * *

Наказанье прими без вопроса: «За что?»
И улыбку судьбы — без вопроса: «За что?»
Нам Всевышним ниспослано жизни мгновенье —
Проживи его так, чтобы было, за что...

* * *

Жизнь галопом проносится мимо — не жаль!
Застывает на месте порою — не жаль!
Веселитесь, цените ее ежечасно,
Чтобы даже расстаться с ней было не жаль".

* * *

Просишь новую тему — да где ж ее взять?
Нашу жизнь можно в несколько слов описать:
У поэта — вино, одалиски, веселье;
У меня же — депрессия, водка, кровать.

* * *

Пил вчера, пью сегодня, и завтра с утра
Я напьюсь непременно! Вино и игра —
Вот две радости жизни, ценимые мною.
Остальное — по ветру развеял, дурак...

* * *

Жизнь — ничто? Но ведь ты и не ждешь ничего.
Как, скажи мне, кусок отделить от него?
Если ты тот кусок — так и быть — отделяю...
Что в итоге осталось? Увы — ничего.

* * *

Доверяя перу и бумаге секрет,
Не надейся на жалость и мудрый совет.
Тень от камня — и та принесет пользы больше,
Чем песок, на котором остался твой след.

* * *

Знай врага, чтоб удар смертоносный отбить.
Знай себя, чтобы после — понять и простить.
О друзьях же — не больше того, что известно,
А иначе — увы! — обречен полюбить...

* * *

Об упущенном стоит ли мне горевать,
Коли греет очаг и удобна кровать?
Жизнь и так коротка, так зачем же пытаться
Из пустого в порожнее переливать?

* * *

Жил — скрипел, словно старой арбы колесо.
Пусть богатств не нажил, но не слыл и глупцом.
Уходя — улыбнись! Остальное неважно:
Сердце Вечности бьется с моим в унисон...

* * *

Пусть слова, словно жемчуг, нанизаны в ряд,
Пусть картины прекрасные радуют взгляд —
Совершенство — ничто. Я хотел бы остаться
Там, где души поэтов со мной говорят.

* * *

Что же это за души, коль грош им цена?
Что за ложь, коли правды желанней она?
Коли всюду — мираж, наважденье, за что же
Оболочка телесная им суждена?

ПАМЯТИ Ш.А.Ф.

Если мы — лишь игрушки в ладонях Его,
Кто в любимчиках ходит, скажи, у него?
Если дочь или сына призвал раньше срока,
Чем, скажи мне, отец так прогневал Его?

* * *

Ночь. Печаль. Одиночество. Ручка. Тетрадь.
Слово. Шепот. Луна. Тайна. Музыка. Мать.
Плач. Мечта. Тишина. Безмятежность. Блаженство.
Крылья. Ветер. Вино. Бред. Подушка. Кровать.

* * *

...Ошибаешься — мудрость сродни волшебству,
И не всякому мудрость дается уму:
Лишь тому, кто однажды, отринув сомненья,
Вдруг воскликнет: «Кому нужен я? Никому...»

УМ'и'РАЙ

Переводчиков тысячи, слово — одно.
В чем познания суть, где же правды зерно?
Мудрецы протоптали до рая тропинку,
Остальные — речное усыпали дно?

* * *

Ты признал свою слабость и к чаше принял.
Я, дожив до седин, ничего не достиг.
Но смотри: перед нею, как перед Всевышним,
Я — веселый юнец. Ты — усталый старик.

* * *

Если б мог муравей, что в ладонях моих,
Мир избавить от слез и печалей людских,
Вряд ли тот отплатил бы ему пониманьем:
«А тебе-то какое, — мол, — дело до них?»

* * *

Ну, допустим, поклялся я больше не пить,
Роз не рвать, не браниться и праведно жить...
За отказ от веселья бессмертьем накажешь?!

Ну уж нет! Лучше в рай на земле поспешить!

* * *

— Я в закрытую дверь постучаться боюсь.
Тишину я за нею услышать боюсь.
— Что ж по-твоему, лучше во власти сомнений
Потопаться у входа?
— Не знаю. Боюсь...

* * *

Как ручей невозможно в руках удержать,
Так за завтрашним днем бесполезно бежать.
Гладью озера горного стану — быть может,
Повезет ему звезды в себе отражать...

«Тех избегай, кто откровенен в словах»
(с) Менандр, греческий драматург

* * *

Утаившие истину — лживы вдвойне.
Обнажившие — поводом станут войне
Между долгом и совестью. Будь же мудрее:
Пей вино и не думай: «Тебе или мне?»

* * *

Коль еще одну жизнь подарил бы Творец,
Я бы ею с тобой поделился, отец.
Оттого ли душа горько плачет сегодня,
Не дозвавшись тебя у границы небес?

* * *

Сколько вёсен за птицами в даль унеслись!
Сколько зим, ручейками звеня, пронеслись!
А душа, пребывая в глубокой печали,
Ждет чего-то и плачет, и просится в высь...

* * *

Мы, боясь оступиться, на месте стоим.
Лжи боясь, лучше правду от всех утаим.
Мы, которым сиять бы, подобно алмазам —
Потускнели в угоду порокам своим...

* * *

Мудрость скрыта не в сотнях прочитанных книг,
Не в аскезе подальше от взоров людских.
Мудрость — в каплях росы, что блестят на рассвете.
В тихой музыке Вечности, длящейся миг...

* * *

Реки горные вижу я в капле вина.
И вулканы уснувшие — в капле вина.
Вижу все, что ушло, так и не попрощавшись...
Только капли вина в том какая вина?

* * *

«Если...», «Может быть...», «Кто-то...»,
«Когда-нибудь...», «Но...»
«Впрочем...», «Вроде бы...», «Кем-то...»,
«Кому-то...», «Давно...»
«Не...», «Наверное...», «Кажется...»,
«Где-то...», «Возможно...» —
И вот так потихоньку упали на дно.

* * *

Мимолетная грусть, что во взгляде твоём,
Мне напомнит костер под осенним дождем.
Лучше жить, чем дышать на остывшие угли,
Но увы, мы опять одиноки вдвоем...

* * *

Дни и ночи торопим, боясь не успеть.
Душу в небо, а сами боимся взлететь.
Закрываем глаза, убоявшись обмана.
Открывая и вовсе рискуем прозреть...

СМЕРТНОМУ

Из того, что могу я тебе предложить,
Только то, что позволит до завтра прожить —
Выбирай. Остальное бросай, не жалея:
В лучшем мире нельзя «на потом» отложить.

* * *

Так спешим, будто можно «вчера» обогнать
И о завтрашнем дне раньше срока узнать.
Так спешим, что забыли запомнить «сегодня»,
А оно, как ни жаль, не воротится вспять.

* * *

Боль рождает бессилие, душу гнетет.
Оступись невзначай, и оно прорастет

Сорняками сквозь мысли, слова и поступки
Так, что даже забвение нас не спасет.

* * *

Нежность слов — для молчания, не болтовни.
Сердца юность — для радости первой любви.
Ночь волос — для игры с ветерком на рассвете.
Не скрывай это чудо от мира — живи!

* * *

Поцелуй, пока губы алеют еще!
Пока руки кинжал не познали еще!
Искупайся во взгляде, пока еще слеп я!
Будь моей — нас рассвет не коснулся еще!

* * *

Не вино утолит теперь жажду мою,
Не глоток из ручья, что в небесном раю.
Что мне рай! Не о том я печалюсь сегодня:
Смех любимой не льется в пустынном краю!

*Небо — пояс загубленной жизни моей,
Слезы навших — соленые волны морей.
Рай — блаженный покой после страстных усилий,
Адский пламень — лишь отзвук угасших страстей.
(с) Омар Хайям*

Небо — взгляду, увы, неподвластная высь.
Слез вуалью не скроешь отсутствие лиц.
Рай — за дверью, что заперта ложью во благо;
Перед ней даже демоны падают ниц...

* * *

Навсегда разлучил Он закат и рассвет
И обрек на скитания девять планет.
С телом душу, скажи, почему не разлучит,
Ведь ни в чем остальном единения нет?

* * *

Слева — тучами скрытый заснеженный пик.
Справа — помыслов чистых звенящий родник.
Между ними песчинкой в ладони Пророка
Я возник было... и ухожу через миг.

В ТВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

(Ирине Л.)

Улыбаясь, встречаю я эту весну.
Но не хмель в голове стал причиной тому.
О вине размышленья Хайяму оставив,
О другом с ним сегодня поспорить рискну.

Семь планет — это Счастье, Любовь, Благодать,
Радость, Нежность, Мечта, что умеет летать,
И Судьба, что все прочие объединяет
Для тебя в этот час и спешит пожелать:

Будь дыханием ветра и вдаль унесись,
От всего ненадежного освободись.
Окунись в безмятежность небес, и обратно
Обновленной собою на землю вернись.

Будь дождем, чтобы влагой поля одарить,
Чтобы в души усталых покой поселить.
Чтобы чьи-то сердца, наполняясь надеждой,
Снова вспомнили, как это — жить и любить.

Будь огнем, чтобы люди без искры твоей
Не терялись во мраке холодных ночей.
День вчерашний дари заходящему солнцу,
А сегодняшний пусть будет лучшим из дней!

* * *

Ничего в этой жизни случайного нет.
Ни улыбки, ни взгляда печального нет.
Я спросил у небес: «Где ж тогда справедливость?»
«Между лестью и мстью» — услышал ответ.

ОСТАЛЬНОЕ НЕВАЖНО...

*(если бы О. Хайям написал текст
одноименной песни гр. «Metallica»...)*

Расстоянье — ничто для влюбленных сердец,
Ведь для истины вовсе не нужен гонец.
Доверяя — любите! Любя — доверяйте!
А иначе — зачем? А иначе — конец.

Я вчера в лабиринтах рассудка бродил
И случайно какую-то дверь отворил,
За которой томилось мое подсознание —
Этим холод сомнений в себе победил.

Ты одна не боишься довериться мне,
И взглянуть не боишься в лицо новизне,
Разум свой открывая для взгляда иного.
Остальное — ничто, остальное — на дне...

КОГДА БЕССИЛЬНА ДАЖЕ НАДЕЖДА...

Если слеп ты — прислушайся к пению птиц.
Если глух — наблюдай свет далеких зарниц.
Если нем ты — доверь свои мысли рассвету.
Если *мертв* — только черви глядят из глазниц...

* * *

В этом мире, что создан по Воле Его,
Только смерти боятся сильнее всего.
О, глупцы! Самый ужас не в смерти, поверьте!
Ожидание — вот что страшнее всего.

* * *

Хуже сказанных могут быть только слова,
Кои мы утаили не раз и не два.
Так скупой, напоказ выставляя богатство,
Запирает сундук, прикоснувшись едва.

* * *

Как узнать, что твоя «половинка» — она,
Если даже улыбка ее не видна?
Если взгляд ее, полный печальной надежды,
Бесконечность — меня может выпить до дна?

* * *

Не от зноя спасаюсь я, в тень уходя,
Не луну я приветствую, в тень уходя.
Если прожитый день летним солнцем остался
В вашей памяти — счастлив я, в тень уходя.

* * *

Я махровый халат износить не спешу.
Мудрецом, кстати, тоже прослыть не спешу.
Свежий воздух я пью, как вино молодое,
От души... Потому захмелеть не спешу.

* * *

Выбирая одно, о другом не жалею!
О воде, что сквозь пальцы бежит, не жалею!
Влагой жизни, прошу, утоли свою жажду,
И улыбок для близких своих не жалею!

* * *

Тишина... Где-то замерли стрелки часов.
Лишь стучит мое сердце с твоим в унисон.
Через миг шестеренки продолжают движенье,
Оставляя нам эхо несказанных слов...

* * *

Камнем был — камнем будешь, о том не грущу.
О скале, породившей тебя, не грущу.
Счастье камня — в ладонях, но ты выбираешь
Только те, что тобой заряжают пращу.

* * *

О, вино! Ты мой разум туманишь опять!
Ты мгновеньем беспамятства манишь опять!
Я вчера еще трезв, завтра — мучим похмельем,
Но... «сегодня» куда подевалось опять?

* * *

У всего есть начало и будет конец.
Кто сегодня блаженный — тот завтра мудрец.
Все в течение жизни, увы, примеряют
И лавровый венок, и терновый венец.

* * *

И в зиме своя прелесть найдется, поверь!
И сугроб согревает кого-то, поверь!
За один только взгляд и улыбку готов я
Переждать леденящую Вечность, поверь!

* * *

Да, метель обожгла поцелуем своим.
Затуманила взор покрывалом своим.
Прочь умчалась весна, и апрель не вернется.
Может, зимнее счастье в душе сохраним?

* * *

Юность, где ты? К тебе я вернуться хочу!
Падать в грязь под ногами любимой хочу!
Закурив, проклиная промокшие спички,
В том костре под дождем я исчезнуть хочу!

Я УМРУ НА РАССВЕТЕ...

Вдоль обрыва по краю иду — ну и пусть!
Оступиться рискуя, упасть не боюсь.
Улыбаюсь рождению нового утра,
Зная: больше сюда не вернусь...

АПРЕЛЬ В ОКТЯБРЕ

В ее взгляде весеннее небо сквозит.
Он осенней грозой обернуться грозит.
Двое — вместе. Назло? Вопреки или к счастью?
Эту тайну апрель в октябре сохранит...

AMISIT CONSCIENTIA — MORITUR

Не ищу я сегодня ни неба, ни дна.
Одиночества жажду сильнее вина.
Даже совесть — души моей страж неусыпный —
На сегодня безмолвствовать обречена...

* * *

Из земли пробивается к солнцу росток;
С высоты низвергается горный поток.
День и ночь, дно и небо — две крайности жизни.
Я б застрял в середине, да кто бы помог...

* * *

День минувший туманом покажется мне.
День грядущий виденьем прорвется во сне.
День сегодняшней выпью неспешно, до капли —
Пусть улыбкой любимой запомнится мне!

* * *

Сном, что видел я прежде не раз и не два,
Ускользнуть норовишь, прикасаюсь едва.
Бред хмельной, наваждение или реальность?
Чтобы это узнать, мне б проснуться сперва...

* * *

Что бы ни было в чаше сегодня твоей,
Изнывая от жажды, до капли испей
И не жди виночерпия с полным кувшином:
Выпил сам — сам до края наполнить сумей.

* * *

Есть стихи, что избавят тебя от тоски —
Для души безутешной во тьме маяки;
Есть слова... Но поэт во мне пишет лишь буквы,
Недостойные даже заборной доски.

* * *

*«Три вещи нельзя скрыть: солнце, луну и истину»
Будда*

«Невозможно закрыть двери, если их нет.
Долетает до нас свет далеких планет.
Правда, спящая в сердце, проснется однажды» —
В этом жизни счастливой великий секрет.

О ВЛИЯНИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ НА СУДЬБУ

Без «едва ли» — другая ждала бы судьба.
Без «возможно» — была б моя жажда слаба.
Я рассчитывать мог на случайность, и только:
Нить клубка моей жизни довольно груба...

* * *

Первый вдох, и подумалось мне: «Я живу».
Вдох второй: «Не во сне это всё, наяву!»
С третьим — скинул на землю мешок свой заплечный,
И с последним я выпью небес синеву...

* * *

Знать бы туче, что ливнем прольется она...
Знать бы капле, что в море утонет она...

Знать бы ветру, что в скалах он музыкой станет...
Знать бы мне, что ту музыку слышит она...

* * *

Пусть не всякая туча прольется дождем,
Пусть не всякое слово вернется копьем,
Никому этот путь без ошибок не дался —
Знаем это, боимся и... снова идём.

* * *

Чтобы части мозаики верно сложить,
Иногда нужно просто на шаг отступить
И, дождавшись, когда снова выглянет солнце,
В странном танце теней красоту уловить.

* * *

Не жалейте о том, что прошло мимо вас,
Словно туча, что ливнем прольется сейчас.
Словно камень, готовый с обрыва сорваться;
Словно ночь, где рассветы скрываются с глаз...

* * *

Мне ли небом в глазах твоих быть суждено?
Мне ли словом в устах твоих быть суждено?
Мне ли рядом с тобой, в тишине предрассветной
Облака обнимая, парить суждено?

RELICTO — RELINQUERE

По уснувшему саду пройду в тишине.
Погрущу с облаками при полной луне.
*О мечты мои, все вы свободны отныне:
Улетая, не смейте вернуться ко мне!*

НИЩИЙ И ПУТНИК

*«...а чтоб сердцем
возвыситься — к упавшему нагнись»
(с) О.Хайям в переводе И. Тхоржевского*

Я, шатаясь, упал в придорожную грязь —
Поднимусь и пойду, спотыкаясь опять.
Руку мне протянул ты — не лучше ли было
Тем, кто молча прошёл, не позволить упасть?

* * *

Розу нёс я в руке — облетала она.
Ложкой мёд зачерпнул — вдруг упала она.
Крошку хлеба случайно смахнул, а назавтра
Головою моей оказалась она.

* * *

Взгляд твой дарит мне
*(холод усталых небес,
вальс опавшей листвы, засыпающий лес...)*
А в улыбке я слышу
*(за грустью осенней
отголоски давно позабытых чудес...)*

ЛЕЙЛЕ

Среди множества нужных и важных вещей
Ничего нет ценнее улыбки твоей:
Летний зной и прохлада весеннего утра,
И осенняя мудрость мне видится в ней!

* * *

Облетела листва — не об этом грущу.
Неизбежна зима — не об этом грущу.
Не грущу я о том, что вернется однажды.
День ушел безвозвратно — об этом грущу.

* * *

Можжевательник однажды у камня спросил:
«Почему ты меня под собой приютил?»
«Чтобы ветру однажды в лицо рассмеяться:
Вечность был просто камнем. Мгновение — жил!»

* * *

Сколько вёсен рыдал и смеялся — вчера...
Сколько звёзд, пролетая, погасли — вчера...
Сколько грёз, для которых проклятием стало
Это мёртвое, страшное слово — «вчера»...

* * *

Твое имя — в таинственном блеске луны;
Твои песни — в размеренном плеске волны;
Твое сердце — и то среди звезд отыскалось,
Почему же слова твои так холодны?

Игорь Джэнджера
Владивосток

СНЕГИРЬ

Посвящается Ермаку Тимофеевичу

Пассионарность — это характерологическая доминанта, это непреодолимое внутреннее стремление (осознанное или чаще неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели, причем достижение этой цели, как правило, иллюзорной, представляется данному лицу ценнее даже собственной жизни... Она не имеет отношения к этническим нормам, одинаково легко порождая подвиги и преступления, творчество и разрушения, благо и зло, исключая только равнодушие...

Лев Николаевич Гумилев

Нет-нет, Андрей даже в детстве болел редко; в общем и целом предки умудрились в череде столетий, не прибегая к откровенным методам жёсткой выбраковки, выпестовать, в конце концов, человека с редким по нашим временам здоровьем, разумеется, и в душевном смысле. Однако, в тот первый день лета, который совпал с тёплым, солнечным выходным, прогуливаясь с семейством по набережной и, несмотря на статус уважаемого гражданина, ответственного избирателя, а также при полном психическом благополучии, посетив по понятной причине общественный туалет во второразрядной харчевне, он злодейским способом вынес из него маленький рулончик туалетной бумаги, припрятав его в барсетке. И речь в данном случае вовсе не шла о навязчивой kleptomании! Никакого охотничьего инстинкта, никаких непреодолимых позывов — всё объяснялось и даже имело свою неутешительную историю! А с кем не бывало: заскочишь этак в долгожданную клетушку с литерой «М» или «Ж», вздохнёшь облегчённо, приготовишься, расположишься, рассеяно блуждая взором, и... замрёшь от ужаса — а главного-то нет! Самая что ни на есть немая сцена и целое душевное потрясение, какой вам Гоголь! Вот и породило нечто подобное у зрелого на тот момент мужа некое странное увлечение, носившее прежде исключительно утилитарный характер, но через определённое время, переросшее в слегка болезненный процесс накопительства этих окаянных рулончиков. А тут ещё глава и собственник родного до слёз предприятия, уважаемый г-н директор, будучи, разумеется, строгим, справедливым и генеральным до мозга костей, прикупил себе пафосный сейф, рассчитанный на самые серьёзные по коварству и хитроумности потуги взломщиков. Старый же кованый ящик, помнивший ещё и сталинские дензнаки, работодатель торжественно перепоручил Андрею Вениаминовичу, который с блаженной улыбкой благодарного подчинённого расшаркался, как положено, брезгливо отгоняя въедливые мыслишки о беспримерной щедрости начальствующей особы. После неловкой пантомимы рабочие перетащили раритет в положенное место, где ему и предстояло покоиться под грудой бумаг десятой очереди. Однако, после пары месяцев простоя и почтенному аксессуару нашлось, конечно же, достойное приме-

нение — добытые в разнокалиберных уборных остатки туалетной бумаги (толще 5 см он не брал) разместились, словно боеприпасы, на двух железных полках ровными, аккуратными рядами. Разумеется — понятно на какой случай — один из добытых артефактов всегда находился при новом владельце постоянно и до естественного истощения. Домой, надо сказать, ничего эдакого не заносилось, дабы жену не травмировать, не шокировать и не углубляться с ней в тягостные объяснения.

Понятно же всем, а также, как известно каждому: у любого разумного субъекта непременно должно быть личное пространство, не подверженное сторонним изысканиям, вторжениям и, как обычно бывает, предвзятой оценке — эдакое своё собственное баронское поместье или страна, может даже галактика, а у некоторых и целая вселенная, имеющая, правда, надёжные границы, в пределах коих встречаются чудные, но чуждые внешнему миру реальности и, как водится, мало кому интересные интерпретации коренных постулатов, включая даже такие, как закон всемирного тяготения, энтропию и аксиомы эволюционного учения — интерпретации, как сообщалось выше, иной раз чудачковатые, но в большинстве своём вполне невинные и безобидные, как у Андрея Вениаминовича — уважаемого...

Дядька попытался усмехнуться, но обветренная верхняя губа вдруг лопнула ближе к середине, боль приструнила мышцы лица, и те обречённо расслабились... А и действительно, чего ж это сейчас он вспомнил свою давешнюю жизнь, застывшую уже навечно в собственном музее целлулоидных форм, разукрашенных угодливой памятью в неестественно-яркие цвета? К чему, например, среди чёрно-белой обыденности и стужи второй половины зимы видения безумного буйства красок, звуков и даже запахов всегда шумной, всегда нарядной и непременно призывной набережной далёкого Владивостока? Или о чём у реального, украинского поля, промёрзшего насквозь, могли заявить призраки вальжных до неприличия чаек залива Петра Великого, беззлобно, но строго поучавших беспечных отдыхающих, совершавших под присмотром летнего солнышка свои неспешные променады у самой кромки прибоя? А ещё кому здесь могла бы дать отеческий приют роскошь клубящейся зелени из прибрежных скверов и парков — зелени прошедшей путь от майской

пронзительно-девичьей сочности до состояния спокойной и уверенной женственности в июле? А чем занята сейчас супруга, а дочка и как дела на работе? А почему нет никакой тоски по всему тому огромному, синему небу, припудренному золотом лучей животворящего светила?

В затуманенном сознании мужчины представилось, что это именно оно со своим толстым, непроницаемым куполом, накрывшим любимый город и его удобные окраины, не позволяло десятилетиями какой-то другой — подлинной! — жизни вливаться в вечные и неутомимые, но вполне понятные и предсказуемые перипетии центра русского Дальнего востока... несомненно оно и было во всём виновато! Но в чём конкретно?

Определённо, связь времён периодически распадается, порождая, между прочим, и некое подобие раздвоения личности, вот только не всегда одномоментное, а иное, при котором одна часть остаётся в прошлом, владея всем нажитым богатством безраздельно, оставляя второй половине лишь ужас текущего положения, как это случилось с Андреем, получившим пару серьёзных ранений...

Да, его хорошенько подстрелили. И вот его таки подстрелили! Как-то нелепо всё вышло — не на позициях, не в бою. Вообще, как он попал сюда? Выбрал дорогу через поле, потому что она была короче? Да нет же, не из-за этого. Отвлёкся. Задумался. Так случилось! Минут двадцать пути, почти от самого блиндажа, его сопровождал снегирь — этакий шустрый бездельник-краснобай чёрно-алой масти, который словно собачонка буквально приклеился к нему, он даже подождал бойца, когда тот ввязался в спонтанный разговор с курившими однополчанами, возвращавшимися в подразделение. Пернатый шарик с рубиновой грудкой улетал шагов на десять-пятнадцать, усаживался на куст и, словно карауля Андрея, принимался строчить свою незамысловатую песенку, больше походившую на пронзительный свист или скрип металлических петель дачной калитки. Ситуация повторялась и повторялась, в чёрствой душе заматерелого вояки что-то блеснуло, что-то похожее на привязанность к тихим домашним глупостям; у развилки снегирь уместился на придорожной рябинке, склевал пару ягод, повернулся к бойцу хвостом, после чего замер на миг — ветерок качнул ветку — и

без оглядки полетел в сторону поля. И ноги, повинувшись загадочной магнетической силе, как-то сами свернули за румяной пичугой в неприютный простор бывшей пашни, в так называемую серую зону — туда, куда и гражданские-то не ходят в тех гиблых местах, далёких ныне от мирных сюжетов.

На пташку бы стоило взгромоздить приличную долю ответственности за произошедший кровавый казус, но плюгавость её параметров и убогость вокальных данных на фоне грандиозности тихоокеанского купола небес как-то уж слишком принижали значимость всей цепочки событий, начиная с отъезда из Владивостока и заканчивая сегодняшним днём. Нет, пичугу пока оставили в покое... А вот человеческий гомункул, по барски обосновавшийся в главах предыдущей жизни, с паспортными данными мёрзнувшего ныне подранка, мог бы прояснить ситуацию, однако, самому встраиваться в список обвиняемых против себя же любимого не было никакого желания. Меж тем сейчас, владея лишь болью, холодом и ознобом, от жути возможной развязки Андрей вдруг ощутил свою сиротскую нищету. Нечто похожее происходит с младшенькими, беззастенчиво обобранными взрослыми членами семейства, после кончины состоятельного батюшки!

* * *

Всё так и протекает, всё так и длится, длится тихо и степенно. Милая сердечку рутина, чтобы под ней не подразумевалось, способна любого завлечь в своё тёплое, материнское лоно! Она ничего не обещает, она всегда даёт вкусное здесь и сейчас, ведь она наша цель и великое достижение, она обволакивает спокойствием, рассудительностью и предсказуемым будущим. И так приятно находиться годами во взвешенном состоянии, без вредных грызунов на сердце, без мук и терзаний, под присмотром мудрой ответственности. Любимое, родное болотце поглотит, наконец-то, пухнувшее тельце окончательно, оставив на поверхности лишь выпученные от счастья глазки, да раздутые от удовольствия ноздри. Ноги и руки съжмутся до состояния рудиментарных лапок, а весь организм превратится в отлаженный пищеварительный тракт с чудными придатками в виде половых орга-

нов и мозга, который по величине, форме и качеству больше напоминает грецкий орех.

Но этот волшебный мир простоты и гармонии остался где-то там далеко, среди тесноты серых в розовых разводах багульника, морщинистых сопок Владивостока — в роскошном, ярком городе первых тридцать пять лет жизни Андрея, к которым почти зрелый мужчина зачем-то прибавил ещё полгода войны.

Шесть месяцев в боевой обстановке для новобранца — целая вечность! Занесло — не плошай! И тут главное — сломать свои собственные мозги и ломать их придётся сразу, быстро и очень сильно, безжалостно и тотально! Иначе, в лучшем случае, ты сбежишь, иначе ты сдохнешь, иначе превратишься в дёрганого психопата, готового резать и жечь всё живое, и тебя опять же убьют, свои ж и пристрелят, как это делают с обезумевшим от внезапной неопределённости медведем-шатуном, волею судеб покинувшим уютную берлогу в канун Нового года... Даже трижды освободительная война — это сплошная мерзость с обеих сторон, там абсолютно все до единого являются джентльменами удачи и во всех смыслах, а одноглазая, однорукая, одноногая братия, сочинившая: «Пятнадцать человек на сундук мертвеца. Йо-хо-хо, и бутылка рому! Пей, и дьявол тебя доведет до конца. Йо-хо-хо, и бутылка рому!», знала, о чём сообщала. Не самая весёлая песня, из спетых на планете Земля, не самая... совсем, однако, не гимн, утверждающий бескорыстие, почитание к отеческим и прочим гробам, а также к богобоязненной умеренности.

Дорогу по кратчайшему пути к деревне проложила и пользовалась всё ещё грозная, но совершенно обшарпанная боевая техника, которая, прикрывшись бронёй, всегда могла огрызнуться на дерзость близкого супостата. Птичка же, не изменяя своему обыкновению, всё летала, всё присаживалась, скрипела-пищала себе самозабвенно, поела какую-нибудь семечку и, дождавшись попутчика, отправлялась дальше; вот только, по известной ей одной причине, с импровизированного тракта сворачивать как-то не желала. Погода при почти полном безветрии благоприятствовала походу, правда, небо с утра затянуло сплошь угрюмой пеленой непроницаемых туч, превративших, сиявшее ещё вчера солнышко в мутное пятно желтого цвета с неясны-

ми контурами, но температура, однако, не опускалась совсем уж до стужи, что позволяло чувствовать себя вполне комфортно.

И вот сейчас он лежал на снегу в середине какого-то украинского поля, промеж сухих стеблей редкой полыни, с прострелянными ногами. Первая пуля раздробила кость правой конечности сразу ниже колена, две других попали в левую — одна насквозь прошла голень, а вторая застряла в бедре. Крови вытекло в первый момент много, лужица даже образовалась алая, неестественно яркая на фоне белого наста, совсем как тот окаянный снегирь. Но в течение часа всё самопроизвольно прекратилось, видимо, очень крупные сосуды не задело. Передвигаться, во всяком случае, не было никакой возможности — любое шевеление будило притихшую боль, переводя её из режима саднящей дремоты в нечто свирепое, рвущее нервы и жилы аж до самых скул. Оставалось только ждать и надеяться, что к вечеру парни опомнятся, заметят отсутствие воина, посланного на подмогу сельской десятилетке — туда утром подвезли стекло из гуманитарной помощи. Они непременно хватятся его и обязательно отправятся на поиски! Иначе и быть не может.

Вероятно, директорша уже даже подняла шум, ведь командированный так и не явился для выполнения важного задания. Она, будучи — по слухам — племянницей одного из героев той самой Молодой гвардии, а также вечной несгибаемой коммунисткой, к своим шестидесяти годам полагалась лишь на чувство долга, которое забрало у неё и семью, и быт, и всё остальное, а ещё позволило теплица жизни в трёхэтажной школе со сгоревшей крышей и посечёнными осколками фасадом. Уж кто-кто, а эта седая фурия со взором горящим и крепчайшем металлом в голосе не преминет сделать выволочку командиру роты, мол, защитник наш дорогой, где ж твоя пара рабочих рук, вырванная с болью из суровых боевых порядков? Вот только бы ротный не подумал, что Андрей заблудился или, того хуже, набрёл на хитрую хату с самогоном и с развесёлыми хохлушками-хохотушками, всякое бывало... Война есть война, и вроде бы сто лет, как разогнали маркитанток, но, глядь, прибилась к воинству одна, другая, третья красавишны. Да, всякое бывало... За это сейчас не расстреливают, но загул мог стоять, например, недельной чистки сортиров, если они были, вообще-то...

Андрей усмехнулся своим мыслям. Ему ничего такого не требовалось. Подружка, как приехал, нашлась быстро, даже стремительно. Муж у милашки раньше был, как и многое другое к чему как-то само клеилось это подлое слово «раньше». Обычное дело, в воюющих местностях всегда нехватка гражданского сильного пола, — разбегаются — а тут ещё Россия рядом, и граница открыта для братьев по крови и по исторической правде...

А где-то на берегу взбалмошного Тихого океана продолжала обретаться его законная жена — годами ухоженная красавица, которая ничегошеньки не поняла, когда однажды утром он, собрав вещички в их пёстрый семейный рюкзак, предназначенный исключительно для шашлыков, заявил, что вот прямо сейчас отправляется воевать в Донбасс. Зачем? За всё наше! Она, будучи большим финансистом в федеральной компании, с мозгом тренированным на рублях, не могла связать воедино смысл прозвучавших слов с образом незабвенного супруга. Они ни при каких обстоятельствах не должны были соответствовать друг другу! Подумав, видимо, что ослышалась, барышня вкрадчиво переспросила, но получив ответ однозначный и безапелляционный, как-то рассеяно улыбнулась, пошла куда-то, вернулась и, покрутив пальцем у виска, замерла напротив зеркала. Но ступор длился недолго! Мужичонка же её незадачливый как тогда выяснилось, явно готовился к разговору, и вот в период творческой паузы разума своей благоверной он винтом прошмыгнул в подъезд и неистовую истерику с причитаниями насчёт баб и безумия услышал уже за дверями лифта...

* * *

Как-то Вито Корлеоне — беспримерный персонаж всех времён и народов — поучал со знанием дела своего переросшего отпрыска: «Беспечными могут быть дети и жена, но не мужчина». Бог мой, да на войне это известно всем — всем живым и половине умерщвлённых... Но вот Андрей, только пройдя целую треть просторного, заснеженного полуторакилометрового поля, внезапно опомнился — сообразил, осознал, прочувствовал, что сегодня он вытворил совсем уж нечто несуразное! Исполнять роль мишени на стрельбище всегда сомнительная затея, а ещё глупая до беспредельности, особенно, если учесть, что стрелки

матерятся на одном с тобой языке и пьют ту же водку. Надежда лишь на их лень, ротозейство, обед супостата, ужин, но уж точно не на благородство. Сторожевая собака дежурной тревоги, придремавшая было на том самом уютном плече безмятежно-открыточного вида от милейшей птички, как от пинка хозяина встрепенулась, очнулась мгновенно, накрыв воина смятением до удушья, до дурноты с отчаянным стуком в висках! Едкие капельки предательского пота уже устремились к глазам, следом взмок и затылок...

Ополченец даже круги с перекрестьем диаметров представил на собственной одежде, почти ощутил всей своей кожей — этакие с десяткой в области сердца, обезумевшего от полновесной порции адреналина! Это, однако, чтоб хлопцам сподручнее целиться было. Быстрый шаг не помог и разные-прочие упования тоже; у мужиков с той стороны то ли харч закончился, то ли аппетит пропал — его обнаружили, и напряжение разрядилось ожидаемо...

Как водится, сначала последовал удар, он пришёлся в автомат, закинутый на спину, после прилетел звук — кто-то полосонул очередь в направление путника; метрах в десяти от куста отскочила сражённая веточка, чуть поодаль свистнула срикошетившая пуля. Боец уже падал, когда по нему стали бить куда как более прицельно, фонтанчики снега замелькали буквально в полуметре. И тут в правую голень буквально ввинтилось что-то неумолимое; словно взявшийся ниоткуда мерзкий паразит, пробуравив мышцу, вмиг перекусил кость, осколки которой врезались в ткань нервов, отозвавшихся пронзительной болью и хаотичными конвульсиями. Мускулатура то сжималась до судорог, превращаясь в черепаший панцирь и выкручивая суставы, то в мгновение расслаблялась до старческой немощи. Но неистовый вопль воина-подранка не перекрыл самодовольный автоматный стрёкот и не порвал в клочья всю эту убогую с царских времён окрестность! Зубы инстинктивно и намертво впились в ледяной наст, смешанный с травой и почвой, его кусок, на вдохе забившийся глубоко в гортань, позволил Андрюше лишь несуразно хрипеть и беспомощно кашлять. Затем была черед жалобных стонов, после чего мир померк и пропал воздух... Как в вакууме грудная клетка дёрнулась дважды, не получив кислорода, об-

мякла на пару секунд, в мозгу помутнело, но организм тут же, не желая сдаваться, встрепенулся, пришёл в себя. И правильная мысль колотилась в вернувшемся сознании: «Не двигаться! Не двигаться! Не двигаться!». И это был единственный выход — ближайшее природное укрытие в виде небольшого овражка находилось с левой стороны, наверное, метрах в тридцати; спринтер бы живым не добежал, а тут ещё раны. И... Уловка сработала! То ли неподвижная фигура в камуфляже вышла из разряда заманчивых целей, то ли энтузиазм стрелявших поубавился, то ли подвезли горячий обед, который тут же и безоговорочно перевесил долг перед ихнем Отечеством, но пальба прекратилась. А вот острая боль в правой ноге осталась и относительно терпимая в двух местах левой, спина же, к удивлению, чувствовала себя — на их фоне — вполне прилично, всего лишь будто кто-то ударил дубиной между лопаток. А ещё, падая стремительно ничком, пятой точкой к небесам, Андрей совершенно разбил телефон, находившийся в нагрудном кармане, что было скверно и обидно до слёз!

Приблизительно через полчаса ополченцу совсем стало туго, видимо, от потери крови; особенно сложно дышалось, лёжа на животе. Он приподнял отяжелевшую голову — белый свет померк на секунду! — и тут же встретился взглядом со снегурём, по всей видимости, с тем самым снегурём, который, совершенно нагло преисполнившись беспечностью, сидел себе на какой-то веточке в полутора метрах от раненого и с любопытством, но, ясное дело, без зависти рассматривал его.

— Заманил, сволочь! — впрочем, как и предполагалось ранее, размеры пичуги явно не соответствовали серьёзности эпитета, и Андрей тут же поправился, — негодяй, — однако, и это показалось чрезмерным, и тогда прозвучало не самое масштабное, но всё же достаточно оскорбительное:

— Дрянь такая!

Сознание вновь исказилось не то хаотичной зыбью, не то объёмной деформацией пространства своего внутреннего формата, заполненного иллюзорной кристаллической решёткой, позволявшей прежде мышлению держать себя в границах, признаваемых личностью и обществом допустимыми. Сейчас же идеи, не связанные между собой и с текущими событиями, внезапно

рождались в сюрреалистических муках, возникая из презренных по размеру яйцеклеток-догадок. Затем они выросли мгновенно до размеров, гипертрофированных по величине и значимости, пытаясь моментом отвлечь от чего-то очень скверного, неумолимого и, определённо, траурного, чего-то, что, не смотря на мельтешение остального, буквально подавляло своей жуткой грандиозностью и кровавой непреклонностью. У этого явления было своё собственное, режущее слух имя, знать которое бойцу совсем не хотелось! Однако ж оно звучало, а ещё и натужно, и с измывательской усмешкой, не оставлявшей надежды. Нехитрые по смыслу слова слышались не в вибрациях ушных перепонки, а доносился откуда-то из глубин души, измазанных за полгода чужой сукровицей, и их чёрная прорва осознавала безжалостный, но правильный ответ: «Так выглядит твоя смерть, дружище»!

Доброволец, перевернувшись с большим трудом на спину, притих. Его глаза, с покрасневшими белками, без особого смысла обратились к пасмурному небу. Лежал же он под нескончаемой пеленой неухоженных туч, на забытых Богом чёрно-белых задворках огромного мира, который уже как-то без него справлялся с суетой и весельем — бурлил самозабвенно, клубился на фоне и внутри радужной иллюминации алюминиевых, стальных и стеклянных мегаполисов. Здесь же ворона подала голос, а вот и вторая, и третья... Раны, как положено, ныли, иногда боль, словно встрепенувшись, простреливала то одну, то другую ногу и, уходя куда-то в область паха, сдавив судорогой, превращалась в тошноту и головокружение, после чего стихала, отпускала, и хотелось спать. Периодически приступы повторялись, выматывая душу, вызывая матерщину сквозь стоны — они тоже завершались сползанием в следующую дрёму. Очнувшись в очередной раз, мужчина отчётливо понял, что всё же потерял много крови, что она, скорее всего, сочтётся ещё, что, если всё так и останется, жизнь его, действительно, продлится лишь до ночи, с которой придёт лютый мороз, а уж он-то знает своё дело! Холодно было уже сейчас, но вот думать об этом не хотелось. Андрей как-то разучился думать за эти месяцы, обычно приходилось действовать: стрелять, бежать, укрываться, ещё рубить дрова, чистить картошку, да много чего, а, главное, ему это всё несказанно нравилось. Растерянность и ужас начальных боёв, кото-

рые пришлось на жаркий август, как-то незаметно и самопроизвольно распались на настороженность, осторожность и какую-то вечную тревогу, приятно, однако, бодрившую — нечто походившее на безотчётную радость от опьянения после первых двух рюмок. Появилась, наконец-то, долгожданная седина, об отсутствии коей так сокрушалась супруга! Кроме того деловитостью компенсировались рвотные позывы после первых убийств и при виде развороченного человеческого мяса, рефлекс, которые, впрочем, не так уж часто и проявлялись, что в реальности отличало их от многозначительных описаний из поучительных книжек о запредельной чистоте и сердобольности кровавого человечества.

Последовали часы, принесшие много страданий, но всё же не страха перед возможной кончиной, — удручала не сама гибель среди мёрзлого поля, а её очевидная бездарность и гнетущая несущественность. Ещё и другое заботило и заставляло сосредоточиться... Где-то в отяжелевшей голове, видимо, сразу за глазницами, так и мозолило чем-то неуловимым, но настойчивым, чем-то, что упрямо требовало мыслями уходить в ставшую безмерной даль своего прошлого, где обеспеченный прежде, определённо, состоявшийся индивидуум, не чуравшийся социума, посмел покинуть светло-санаторное Приморье с его пафосной столицей. И вот этого ради? Прошли уже и новизна, и порождённая ею эйфория, и даже какой-то быт боевой наладился, подружка завелась опять же. Однако, нагрянул беззастенчиво тот самый проклятый момент, предназначенный кем-то для оценок, и он как-то умудрился поместить одного из возможных визави в место и в положение, при коем уж точно никто не помешает произвести следствие всё же над сами собой, дабы зафиксировать в сознании миг, когда распалась очередная связь времён, и на свет Божий, явно без зачатия появился некий иной человек, в то время, как прежний сгинул в прошлом, не умирая... Получилось чистейшее раздвоение личности, породившее как бы двоих, один из которых был тяжело ранен к обеду и потерял сколько-то крови, а где-то в прошлом остался кто-то предшествовавший всему, и ему положено было бы взирать с удивлением и страхом на творившееся здесь форменное безобразие, конечно, с точки зрения пошлейшего мирного бытия. Но свершившая-

ся биография зачем-то поглотила своего расслабленного владельца, не позволив ему интересоваться, с позволения сказать, приемником, непременно желавшим обсудить чреду не самых сакраментальных вопросов!

В голове опять поплыл туман, который как-то вдруг утратил своё депрессивное уныние. Наоборот, он стал совсем тёплым, несмотря на усилившийся мороз, — тёплым, как добрый парок в доброй же баньке, после которого обязательно будет стол с коньяком, с колечками лимона, с незамысловатыми салатами, с сочными котлетами и с бесконечными в ночи, задушевными разговорами. Так это бывало с друзьями почти каждую неделю, кажется, лет тысячу назад в его любезном Владивостоке! Да, где-то очень и очень далеко, у самого обреза своенравного Тихого океана, расположилась на века его непревзойдённая, как говорят, малая, но, по сути, такая большая Родина! Дома в ней с царских времён всё продолжают карабкаться по строгим склонам, вгрызаясь в беспримерную крутизну гранитных скал, а дороги, мосты и немислимые эстакады серпантинами и безумными узлами соединяют то, что Господь никак не планировал сводить воедино. Залитая солнечным светом, просторная, ажурная вяз творений рук человеческих в иррациональном ландшафте приморских сопок, неподвластная ни одному из мыслимых штормов, как ясный дворец, как твердыня без ненужных эмоций и поныне молча ждёт своих рыбаков, моряков, бойцов всех званий и рангов, а ещё прочих бродяг да скитальцев. Теперь вот и он попал в их число немалое. Да, всё же стоило вернуться к каменным берегам русского Золотого рога, к неугомонной Светланской, к патриархальным вагончикам фуникулёра, а ещё на ту самую развесёлую набережную у стадиона «Динамо». Пройтись бы сейчас там, съесть кальмара на гриле или осьминога, можно взять пакетик с чилимами и щёлкать их вместо семечек, да и с хорошим пивом во Владивостоке всё также благополучно.

Любой, в паре шагов от зловонья собственной могилы, оглянувшись на самую постылую обыденность, в её повседневных заботах обязательно узрит и райский флёр, и даже божественное сияние. Андрей же и ранее не числился в рядах наивного электроата, а уж теперь и подавно не испытывал никаких иллюзий, в том числе и в отношении разлюбезного прошлого — оно цели-

ком осталось в распоряжении того самого гомункула, чьей переждённой, но отторгнутой репликой он себя вдруг ощутил. И вот именно сейчас требовалось обозначить родство двух генетических копий, которые одновременно-то и не существовали никогда — ради справедливости обязательно требовалось, иначе не избавиться ни от унижительного сиротства, ни от зависти к расчудесным событиям своей предыдущей жизни! Зафиксировать же сей факт можно было, лишь найдя точку разлома, когда именно произошла та дивная метаморфоза, забросившая, в конце концов, добровольца и в Донбасс, и на это промороженное поле.

Скорее всего, начинать следовало издалека, как поступают профессиональные дознаватели, которым страждущее общество поручило отслеживать и зарождение, и даже зачатие суровой правды...

* * *

Война с родителями и прочими признанными авторитетами мира серьёзных людей и занятий, как водится, закончилась тотальной победой, за фейерверком которой призывно маячил уже свой собственный мир. Вот именно собственный, и пределы его ограничивались лишь личной фантазией, а также ежемесячной платой за съёмное жильё, нескромно наречённое студией, но являвшееся, по сути, мелкой и убогой малосемейкой, куда тараканы если и заглядывали то до крайности редко и, видимо, исключительно из сочувствия! Однако, на этих дивных двенадцати квадратных метрах имелось столько сказочных «зато», что все предыдущие годы, проведённые в, казавшейся теперь непомерной, трёхкомнатной квартире предков, представлялись тюремным заключением под присмотром родненьких надзирателей, отдалившихся ныне на расстояние достаточное для счастья!

Вольница длилась положенное время, но рано или поздно приходят они, вернее, последней является именно она, которая та самая, и оказывается, что нынешнего объёма личного пространства тебе вовсе не требуется, и делишься ты им совершенно бескорыстно, на добровольных началах и с радостью! А ещё, где-то через годик, когда известный животик у известной особы уже совсем округлится, обнаруживается, что та самая, отвоёван-

ная с таким упоением вселенная, состоящая из подлинных ценностей, таких как крутая кофеварка и кондиционер, теперь подлежит модернизации! Выясняется, что гнёздышко, ставшее однажды уютным, необходимо укомплектовывать ещё и детской кроваткой, какими-то ковриками, манежем и прочей всячиной, которые никак не желают втискиваться ни в личные каноны мироустройства, ни в «просторы» малосемейки. Мама и папа, с общечеловеческим опытом смиренно ждавшие где-то за углом, встрепенулись, всё объяснили и помогли должным образом; и появилась первая своя настоящая квартира, правда, отягощённая ипотекой, с которой, впрочем, быстро расправились. А у родителей, которых к тому моменту, естественно, стало вдвое больше, случилось особое оживление, местами граничащее с экстазом, вызванное формированием и образованием в черед ордынских захватов этого — следующего человеческого существа! И почти тут же выяснилось, что, в самом деле, форма не определяет содержание, так как этот комочек живой плоти, легко располагавшийся на двух ладошках, умудрился сразу подчинить себе уже даже не только просторы личного космоса, но и самого создателя местного отделения галактики Млечного пути, ставшего, наконец-то, подлинным отцов семейства. И тут к Андрею, в его счастливую, но рассеянную от недосыпа голову, заявила самая, что ни на есть банальность, нашептавшая предательским образом, что вот этот слюнявый, беззубый ротик с аккуратными, коралловыми губками ещё извергнет много упрёков в адрес своего создателя. Сей факт случается у всех обязательно, и в этот раз он обязательно случится и займёт почтенное место в истории очередного *Homo sapiens*... как только матушка и батюшка материальными вливаниями и душевным теплом, в целом, сформирует для взрослой жизни свой вариант человека разумного.

И... крошке мгновенно всё простилось на многие десятилетия вперёд! Включились правильные инстинкты, которые, не оглядываясь, сгребли и выкинули на свалку своего невеликого прошлого практически все юношеские изыски и фантазии, связанные как с самоидентификацией среди сверстников, так и с фортификацией от вездесущего опыта старших поколений. Особенно досталось цинизму, внешность коего в одночасье потеряла и остроту провокативности, и золотые блёстки нигилизма...

Возникшая же осмысленность бытия под сенью бриллиантов своей драгоценной короны сгруппировалась, надулась и не позволила скандалить даже самым противоречивым чувствам, настроениям, влечениям — всё распалось, улеглось в виде удобрений и заполнило собой формы, заранее припасённые природой.

Нет-нет, уходя в праведную эпоху возмужания, боец явно хватил от времени лишнее. Те прекрасные годы с чувствами ясными и чистыми до святости горного хрусталя шли ещё в непрерывной череде открытий области доступного пространства, где познанное, как и достигнутое, озарялось сиянием молний удивления и интереса. Так бывает при доброй грозе поутру — вот мир и умыт, а озон натуральной свежестью ещё щекочет ноздри, ещё бодрит и опьяняет. Нет, это не то прошедшее далёко, которое захочет быть к тебе жестоко, определено, не то...

И тут опять на сцену вышел, не представившись, юркий красногрудый сорванец, с коим уже сроднились и, возможно, до той самой пресловутой гробовой доски! Глупышка, козыряя апломбом, бессовестно осчастливил округу неожиданно зычным, но жёстким вокалом; окрестность же, навсегда потонув в вековой серости и придремав было к обеду, скромно промолчала. Андрей немного развернулся в сторону непотребного скрежета и застал снегиря уж за трапезой; певун, не услышав должных оваций, потрясённый такой несправедливостью, решил, видимо, подкрепиться для успокоения. Он склёвывал что-то с веток, частично глотая, частично роняя на снег, и на небольшом расстоянии было отчётливо видно, что благодатный процесс поедания сопровождался ещё и не менее благодатной и почти непрерывной дефекацией. Казалось, пред очи раненого бойца предстала не ничтожная птаха, а хорошо отлаженный механизм по переработке более или менее упорядоченной органики в неструктурированный гумус. Пернатое существо ж, неподдельно увлечённое процедурой, моментами поглядывало-таки на подранка, как бы предлагая ощутить всемирную важность момента, при коем, вот прямо на его глазах, происходило формирование того самого — сказочного! — украинского чернозёма, доходящего местами до метра и более. Мол, смотри, и мы тут непросто так, и мы образуем вековое богатство священной Родины!

* * *

Как-то в минуту откровенности очаровательная снайпер Айгуль поведала о некоторых своих ощущениях. Мол, подготовка к первому бою сродни поцелуям перед потерей девственности — и возбуждает, и страшно до жути, а ещё влечёт, но, главное, уже никуда не деться. В тот солнечный день, на вторые сутки после прибытия в Донбасс, оставив в истории истерику маеты, новобранец, дабы не свихнуться от волнения, вызвался добровольцем в команду поиска. В группу кроме него входил один бывалый боец из местных и командир взвода — бывший прапорщик, охранявший некогда границу в армянских горах и посевший ещё в эпоху первого Карабаха. Шли медленно, озираясь, приглядываясь, приносясь, прислушиваясь, и через пару часов блужданий по округе, измаявшись на жаре совершенно, нашли-таки и расстреляли из переносных гранатомётов бивуак вражеских горе-воинов, решивших в боевой обстановке позагорать и выпить у мутной речушки. Фронт с чёткой линией окоп в то время ещё не сформировался, и вот глупцы, возомнив, что их не в дозор отправили, а на пикник, не только охранение не выставили, но ещё и вооружение своё с амуницией побросали, после чего разделись до трусов и устроились этак на полянке. Вражины говорили и двигались, совсем не таясь, а в тени деревьев, подальше от воды, вообще, расстелили старую, совсем истёртую скатёрку, уложив на неё пару бутылок водки, несколько баночек пива, колбасу, хлеб ломтями, разрезанного сухого чебака приличного размера и вездесущее сало в двух исполнениях. Воины, видимо, уже и слюну пару раз сглотнуть успели...

Трое из пятерых погибли сразу, четвёртый рванул было в поля, буквально мелькая пятками, но его достала короткая очередь взводного. А вот последнего взрыв по-настоящему изувечил — ему оторвало правую руку выше кисти и совершенно располосовало живот, но сознание дядька не потерял и боли, кажется, не чувствовал. Сидел несчастный, прислонившись боком к берёзе, и всё пытался схватить кулеть, лежавший рядом, автомат, шлёпая по нему лохмотьями кожи, осколками кости и чем-то ещё, чем-то отвратительным, из чего толчками изливалась тёмная кровь. Раненый неприятель, видимо, не осознавал, что пальцев у него в нужном месте больше уже никогда не бу-

дет, и что для него, вообще-то, жизненная эпопея закруглялась, делая это самым чудовищным образом. Примерно через минуту из разорванной утробы солдата, на жёлтые плавки, большим комом поползли кишки и прочие внутренности, местами измазанные сукровицей поверх тошнотворно-синюшного перламутра. Скопище жуткой органики двигалось как бы нехотя, медленно переваливаясь и переворачиваясь, а ещё отвратительно лоснясь под лучами родного малороссийского солнца. И вот в эту бесформенно-бугристую массу вдруг запрыгнул кузнечик! Обескураженное существо, измазавшись мгновенно в человеческой слизи, попыталось продолжить свой путь, но тщетно, подвижное месиво, подобное трясине, безжалостно засасывало козявку. Насекомое кто-то смешно дёрнулось несколько раз и повисло на своих длинных задних лапках, после чего попыталось выпустить крыльшки — и это не помогло...

Андрей стоял и смотрел, не отрываясь от жутких последствий своего первого боя, и жалость в нём почему-то не шевельнулась, лишь бабушка, давно умершая, вспомнилась, как режет она старым кухонным ножом подмороженное мясо на кубики и бросает их на скворчащую сковороду. Кусочки у неё всегда получались чистыми, аккуратными и почти идеальной формы, что удивляло в далёком детстве. И вот теперь растерзанная, окровавленная плоть вражеского бойца на фоне, давно минувшей, кулинарной гармонии выглядела раздражающе и вызывала стойкое отвращение — спрятать бы всю эту безмерную грязь куда-нибудь... Тошнота подступила-таки к горлу.

Раненый внезапно осознал, что перед ним кто-то стоит, он протянул неповреждённую руку, брови поползли вверх и сложились в трогательный домик по детскому типу, однако, глубокие морщины совершенно испортили впечатление — опять всё как-то плохо у него выглядело, несуразно для такого ясного, солнечного дня, предельно отталкивающе...

Из-за спины Андрея раздался пистолетный выстрел, пуля вошла под левый глаз умирающего, голова дёрнулась, ударилась о ствол дерева, отскочила вперёд; солдат тут же обмяк и завалился к своим ногам, сложившись пополам глупо и совсем неестественно. Последнее движение драмы, видимо, что-то изменило в клубке вывалившихся внутренностей — из-под шеи на ок-

ровавленную ногу убитого выполз помятый, чумазый кузнечик с оттопыренным, наверное, сломанным крылом, он остановился, присел и попытался прыгнуть — получилось плохо, насекомое упало набок, после чего скатилось и пропало в траве...

Затошнило ещё больше!

— Ты что рассматриваешь, Андрюха? Человек мучается, не видишь — таких добывать нужно, так надо. И у них тоже так. Сам можешь на его месте оказаться, не дай Бог. Закругляемся, автомат его забирай, и пулемёт с гранатами понесёшь. Сергеич, за тобой цинки и те автоматы, уходим, — командир последний раз глянул в сторону побоища и скорым шагом удалился.

Второй боец, совершенно буднично закинув в рюкзак трофейную водку, колбасу, сало и прочий харч, обвешался своим и чужим оружием, после чего смачно сплюнул на одного из погибших и отправился вслед за старшим. Андрей же медленно подобрал автомат, взял подсумок с полными рожками и только когда отвернулся от трупа, понял, что действительно попал на войну, и что они несколько минут назад убили пятерых человек... и вот — он сегодня стал убийцей.

Именно с того дела ему не хотелось думать — мозги сломались вдруг, тотально, бесповоротно, и за них уже не стоило беспокоиться. А в свой первый день он, не обращая внимания на мертвецов, осторожно, рискуя, но всё же вернулся на поле боя! Пришёл дабы забрать нож — финку идеально правильной формы, воткнутую кем-то из супостатов в девственный ствол молодой берёзки. Конечно, предварительно пришлось отпроситься у взводного, который глянул на добровольца с интересом и командовал: «Давай! Мухой! Мы не ждём — курум и уходим». Похоже, новобранец, быстро сориентировался и как-то интуитивно скопировал стратегию опытных солдат: любой, приехавший воевать, обязан убивать, а это очень опасная и, определённо, самая серьёзная работа мужчин. И тут требуется лишь высочайшее качество, ценимое окружающими и достижимое исключительной деловитостью, которая у всех и всегда состоит из профессионализма, вымученного прилежанием, и рационального подхода, а иначе глупая смерть, и по чарке водки молчаливым товарищам за твоё упокоение. Повезло Андрею — инстинкты странным образом сработали быстро, разъяснив подопечно-

му, что нет в Донбассе эксклюзивного сафари с романтическими зорьками, с похотливыми девчонками и с доброй выпивкой...

И сейчас не хотелось думать. Хотелось, лёжа в украинских снегах, смотреть в небо, созерцать его огромное, свинцовое безразличие и такую же брезгливость, а оно даже плевать на него не собиралось. Надменный купол попросту не замечал ни этого поля, ни истекающего на нём кровью солдата, и, вообще, ничего, что не было связано с воздушными потоками, влажностью и прочей синоптической ерундой. Какой-то другой мир, параллельный войне и всему остальному существу, нависнув над ним, плыл себе и плыл в непонятные дали из таких же далей. Андрей вспомнил своего тезку из «Войны и мира», оказавшегося в аналогичной ситуации под Аустерлицем. Он в своё время готовил выпускное сочинение о том знаменитом сражении и даже дал себе зарок, что как-нибудь полежит вот так на спине и попытается вызвать в себе восторг Болконского — интересно же. Но здравая идея как-то затёрлась текущими делами, а дежурные выезды на природу со товарищи больше походили на набеги варваров, припасших, правда, свой, хорошо промаринованный кусок мяса. И вот всё, в конце концов, сбылось, но в той самой замечательной форме, которая суеверно рекомендует бояться своих желаний!

Спесивые же серые тучи с понятным умыслом, умыкнув у солнца лучезарную корону, превратили величавое прежде светило в позорное пятно, походившее моментами на заветренный желток протухшего яйца. Они, как и все занятые исключительно небесными проектами, пренебрегли, не откликнулись на призывный взор очередного смертного, и, увы, никаких торжественных эмоций в душе жалкого подранка не возникло. Боец усмехнулся: «И небо у нас какое-то не такое! Что ж всё так плохо на Руси?». Он сокрушённо поморщился, мысли его в очередной раз рассеялись и улетели в тот самый, заветный ныне для многих, далёкий Аустерлиц. Ему представился утопающий в зелени, уютный городок с разукрашенными в разные цвета, нарядными домиками наподобие пряничных, высотой не более трёх этажей, одетыми, словно в чудные шляпы, в красные черепичные крыши. На центральной площади, мощённой гладким природным камнем, жители расставили длинные столы с лавками из стру-

ганных досок, на них расселись пузатенькие бургеры почему-то в шортах на помочах и в тирольских шляпах с фазаньими пёрышками. Светясь от улыбок, камрады поедали горы дымящихся сосисок, начинённых рубленным мясом, — это обязательно! Запивалась же снедь благоухающим чешским пивом, которое совершенно бесплатно разносила орава грудастых Гретхен в белых крахмальных чепцах и в цветастых платях с совершенно бесстыжими декольте. А ещё духовой квартет в придачу с еврейской скрипкой играл незамысловатый мотивчик из четырёх нот. Стая изящных ласточек, перекрывая оркестр, сочно пищала о счастье и благоденствии родного края — они устроили сущую кутерьму, то падая к столам, то взмывая ввысь чистого, лазурного неба, которое уж там точно было тем самым и нужным — правильным, а также отзывчивым!

Из забытья его теперь вывела не боль, она уже с час буднично копошилась в осколках костей голени, подёргивая мелкие мышцы, и не особо досаждая, видимо, от анестезии холодом или от потери крови, что беспокоило, конечно, но не до паники. А вот со стороны просёлочной дороги, идущей параллельно полю, прежде едва слышно, а через пару минут уже вполне отчётливо донеслись звуки пыхания и позвякивания — так работал их древний БМП-2, чьё старческое бурчание, ставшее вдруг одой радости, Андрей распознал бы из сотни подобных! Машина, судя по звуку, двигалась со стороны подразделения и с очевидной целью — найти его! Ребята следовали тем путём, по которому должен был идти он, иначе, если бы их отправили в посёлок по другим делам, они бы пошли полем — по кратчайшей траектории, прикрывшись от пуль и мелких снарядов бронёй надёжного аппарата; серьёзной артиллерии у противника в данном секторе не наблюдалось. Минут через сорок парни доедут до школы и, не обнаружив ни его, ни следов боя, возвращаться будут своей обычной дорогой, где в подмороженной лужице собственной крови и лежал раненный, измученный, обессиленный боец. Вера и её подруга Надежда, обойдясь пока что без Любви, из созданий эфемерных мигом трансформировались в нечто более надёжное и с вполне осязаемой плотью, состоявшей из выдавшей виды боевой машины с очень даже крепким экипажем.

Его ищут, про него не забыли! Да кто б сомневался — свои своих на войне не бросают... трупы из-под огня выносят! Примерно так звучит один из обычных постулатов на войнах с русскими, украинцами, белорусами; определённо, ждать оставалось недолго! Можно выдохнуть, немного расслабиться и опять отправить свои ободрённые мысли в погоню за той самой идеей, мастерски сейчас ускользящей, однако, умудрившейся ранее столь лихо изменить бытие вполне себе самодостаточного, должным образом упакованного мужа со всеми положенными атрибутами... Довольный Андрей усмехнулся, прислушавшись к лязгу гусениц уже удаляющегося БМП. Ищут, его определённо ищут, и он бы отправился на поиски, случись всё это с другим.

Как-то у коллеги жены загулял сынок подросткового возраста — загулял и домой к полуночи не вернулся, что вызвало самый бурный ажиотаж у пары десятков семей Владивостока. Народ принялся с энтузиазмом созваниваться, что-то поминутно выясняя друг у друга, у товарищей горемыки и в полезных службах города. Возбуждённые доброхоты, как это принято, прямо-таки сияли самозабвенно и бескорыстно! И вот часа через полтора совместной нервотрёпки всех вдруг пронзило ощущение небывалого прежде единства, даже почти родства, что буквально вплеснуло целый тазик чистой энергии в деятельность поисковиков! Но парень как-то внезапно и обескураживающе быстро нашёлся, причём абсолютно неповреждённым — сей факт не позволил дядям и тётям добаться-таки до черты, за которой начинались уже самые высоконравственные позывы к решительным действиям. Так что никто никуда не двинулся, и всё ограничилось интенсивными переговорами в параллели с поеданием традиционных вечерних закусок и созерцанием в телевизоре мельтешения сериалов, а также досточтимых политиков, искусно наряженных в свои светлые образы. Разумеется, причастной к истории тусовкой, молодой человек был сурово осуждён, родителями как-то наказан, а поисковое братство, зевнув перед сном, тут же распалось, оставив, правда, в воспоминаниях ощущение дивной общности, способной вызвать чувство сопричастности к чему-то, определённо, значимому...

Но все эти красоты души и вдохновения могут цвести где-то там, тут же стреляют и нередко попадают, рана и убивая. Разумеется, общий враг тоже основательно объединяет, но делает он эту полезную работу у гражданских — далеко от линии фронта, а именно среди бабулек с досужим временем, среди мамаш и папаш у песочниц и в мирных звуках перестука клавиатур на столах brutальных офисов. Сидя тогда у костерка, после первой своей боевой вылазки, неспешно употребляя трофейную водку, закусывая её хлебом с жареной колбасой, слушая под тихий треск дровишек какие-то истории, что-то рассказывая, уже теперь обстрелянный воин ощутил тепло и не только от огня, но и от некой другой — воинской сопричастности. Не отличаясь философским складом ума, пропуская замысловатые тексты даже в интересных книжках, его сознание как-то вдруг смогло осмыслить природу происходящего, причем, не заискивая перед высокой фразой об отечестве, но и не погружаясь совсем уж глубоко в липкий цинизм. Бесспорно, объяснение всегда зависит от целеполагания, которое в случае с Андреем помогло сформулировать парадоксальную мысль, гласящую, что война для солдат с обеих сторон, прежде всего массовое соучастие в массовых убийствах тех, кто провозглашён супостатом, порой непонятно зачем! Творят же сие, что иронично, именно и прежде всего те царства-государства, что запретили из сердобольности смертные казни даже для самых отпетых насильников и душегубов! Именно ответственность за совместное методичное и неуклонное умерщвление людей, за превращение их в свежие трупы, делает из ранее чужих, даже чуждых индивидуумов спаянные коллективы, именуемые вдали от бойни братствами. Ещё восторженные поэтессы любят называть эти братства боевыми и святыми или же подобным грешат те, кто морально готовит очередные партии героических парней к новейшим кровавым ристалищам — к вполне себе мужской работе. Разумеется, размышления бойца не касались великих войн за выживание народа, речь шла лишь о конфликтах последних десятилетий на всей планете Земля, в которых почти всегда доблестных сослуживцев, однопольчан и соучастников стоило бы именовать банальными поделельниками...

А ещё, определённо, у огонька в тот вечер сидел уже не просто убивавший, а именно стремившийся к этому качеству человек, не сумевший, однажды не пожелавший сохранить логику мирной жизни, и от пункта размежевания с прежним гомункулом он к тому моменту отошёл уже на вполне приличное расстояние... Если, в поисках загадочного перелома личного бытия, мысленный экскурс к временам возведения семейного благополучия являлся очевидным перелётом, то рассуждения о первом бое, с последовавшей релаксацией у сакраментального костра, видимо, можно было рассматривать как недолёт, что, однако, не являлось большой бедой, ведь область поиска уже определилась с границами — и то хорошо!

* * *

Чуть поодаль от бойца расположился затрапезный кустик без единого листочка, его тоже посеколо пулями; унылый остов растения игриво трепал ветерок, поднявшийся после обеда. Скудный объект не находился в фокусе глаз, от чего усталый мозг дорисовал его контур до этакого скелета, принадлежавшего обглоданной рыбе, который кто-то, как бы в насмешку, пристроил в центре поля, черепом вниз. И вот на это форменное недоразумение опять уселся снегирь со своей алой грудкой-выпендрёж! Птица была или та самая, или же их тут развелось как голубей на вокзале. Сорванец немного передохнул после полёта, беззастенчиво разглядывая лежащего человека, деловито попрыгал по хлипкой веточке и как-то уж очень осмысленно развернулся в сторону звука удаляющегося БМП, затем замер, будто оценивая значимость новой переменной. На таком расстоянии глаза пичуги терялись на фоне чёрной головки, однако, её профиль, с изогнутым в верхней части клювиком, напомнил Андрею одного бунтаря в глухой балаклаве с таким же, рельефно выпирающим, вполне характерным носом — мелкая тварь бойцу окончательно перестала нравиться!

— Что? Прислушиваешься, присматриваешься? На мертвечину перейти решил? Не дождёшься! Они вернутся! Обязательно, — снегирь не услышал последних слов, он, распластав крылья, скользнул над раненым и помчался в сторону вражеских по-

зиций, что опять же выставило его в глазах добровольца в самом невыгодном свете.

После очередной встречи с ничтожной пичугой прошло минут двадцать, и тут со стороны подразделения прилетел сдавленный звук взрыва, кажется, это был выстрел с РПГ, за ним последовал второй, третий, в дело вступил крупнокалиберный пулемёт, его поддержали сразу несколько автоматов, и вот уже от унылой тишины не осталось и следа. Андрей точно знал, что с их позиций ничего такого не планировалось, значит, это противник открыл пальбу или, грешным делом, пошёл в наступление, что вряд ли... А, возможно, это кто-то из своих приметил вражеского снайпера или разведгруппу и решил отыгаться или же, Бог знает, что ещё, но перестрелка явно затягивалась. Как и прежде ситуация развивалась волнами, то почти прекращаясь, то вдруг переходя в разряд высочайшего ожесточения. При подобном раскладе больших потерь не случалось — пара раненых, в крайнем случае, мог быть один двухсотый. Нечто похожее происходило периодически, но после того, как большие начальники с обеих сторон что-то там подписали, масштабные боевые действия не велись — в целом, конечно.

И тут опять прилетел досточтимый снегирь — ну что ты будешь делать! Отчаянная птичка, с вызывающей для тоскливых красок зимы расцветкой, уселась ровно на то место, откуда спорхнула какое-то время назад, и также пристально, а, главное, без боязни и нагло уставилась на измождённого воина, который уже начал шарить рукой по мёрзлому снегу в поисках чего-то наиболее достойного для броска в тушку обнаглевшего соглядатая, но... Однако, судьбина в очередной раз распорядилась по своему — произошло непоправимое...

— Бум-бум-бум, — за лесополосой, отгородившей поле от просёлка, послышались ляг гусениц и пыхтение того самого — ихнего — БМП, который поравнявшись с местом, где лежал раненный, дал короткую очередь причём непонятно куда. Линия фронта находилась в километре от дороги, а попусту стрелять, у них было не принято и подобное не приветствовалось. Но что совершенно очевидно — боевая машина шла на повышенных оборотах, явно спеша к окопам — в бой, и... оставляя Андрея и без Надежды, и уже, похоже, и без Веры, которые, обернувшись

призрачным туманом, заспешили в сторону не менее иллюзорной Любви. Боец даже рассмеялся в полголоса от растерянности, тут же, правда, прикусив с досады губу.

И вот в пичугу всё же что-то полетело, но был то не смёрзшийся ком земли или снега, а короткоствольный автомат Калашникова со складным прикладом, который, похоже, спас жизнь Андрею, приняв первую пулю в свой спусковой механизм, отчего тот заклинило окончательно и бесповоротно. Но надёжный друг и соратник не долетел до крылатого проказника. В последний момент, при замахе, раненый, приложив в сердцах чрезмерное усилие, как-то неудачно развернулся корпусом, перебитая нога пошла на излом в том месте, где раздробило кость, в голени что-то щёлкнуло, и нервы сотнями разорванных окончаний, мгновенно возбудившись, полосонули молнией всё тело, пальцы разжались, и оружие всего лишь выпало из руки рядом с несчастным, даже не спугнув красногрудого негодника, который с ещё большим интересом присмотрелся к очередному акту драмы. Однако, уже не ожидая от распластанного гастролёра ничего доброго, пернатое существо через минуту, беззастенчиво справив нужду на заиндевевшую пашню, умчалось в сторону далёкой школы.

Доброволец же от боли, от отчаянья попытался расплакаться, но вздорные слёзы не спешили ни окроплять чумазое лицо несчастного калеки, ни успокоить обнажённую рану его несчастливой души. Закрытые глаза метались под веками, не желая видеть этот несправедливый свет Божий, грудь несколько раз дёрнулась, издав звуки, походившие и на кашель, и на манерное рыдание разобиженного подростка. Он никогда не курил, но сейчас захотелось — захотелось второй раз за все годы. Впервые такое случилось, когда жена, выйдя в холл роддома, передала ему маленький розовый сверточек, в котором лежало какое-то чудо — живая куклолка с микроскопическими губками, ушками, глазками и, как потом выяснилось, всем остальным. Именно размеры и почти полное отсутствие веса потрясли тогда молодого папашу; он ещё удивился тому, что люди могут быть такой величины и такими хрупкими, что, конечно, пугало и тут же ставило на годы понятную задачу.

Андрей, совсем не таясь, стал отчаянно орать в сторону улетевшего подлого снегиря, помогая искажённой речи кулаками, которыми молотил по снегу, по мёрзлой земле, ёрзая в придачу и рая лицо о знаменитый украинский чернозём, превратившийся для него ныне в камень:

— Ты! Это ты всё подстроил! Ты зачем летал к их окопам! Я всё понял, тварь ты мелкая, — после чего, конечно, шли отборные маты, в целом провозглашавшие анафему много кому, включая и серьёзных персонажей из той самой книги книг...

* * *

Боль, стихающая моментами, порождала апатию, которая уже привычно норовила затащить в очередной сеанс полубессознательной дремоты, чтобы после полного расслабления обжигаяще прострелить от осколков кости голени до самых потаённых отделов совершенно обессиленного сознания, что будило беззастенчиво и издевательски. И что, вообще-то, было благом для мёрзнувшего бойца, который рисковал заснуть, и его окочневший труп, возможно, предстоящей ночью не занесло бы снегом, а однополчане нашли б его не в раскисшем весеннем чернозёме. Стратегия спасения, основанная на ожидании помощи, не сработала — не вспомнят о нём сегодня, а, даже вспомнив, не отправятся искать после боя. Мужики как минимум до утра ощепятся стволами и позицию держать будут во что бы то ни стало, и это правильно, это нормально! Мысли о прошлом вдруг показались до раздражения глупыми и несвоевременными — сейчас жить нужно, сейчас самому уже выбирать придётся! И какая, к чёрту, разница, за чьим лихом отправился он в это проклятое судьбиной государство, умудрившееся за два десятилетия самоедства, выстоять, брюзжа на всех и громыхая обглоданными костями...

План собственной эвакуации родился быстро и без всякого зачатия. Заключался он в том, что следовало дожить до темна, а уж после ползком тащить себя на руках к дороге, где придётся найти палку, опираясь на которую и на относительно целую ногу, ковылять в подразделение, надеясь всё же на встречных вояк родимой армии. Двигаться по-пластунски придётся метров пятьсот, миновав по пути овраг, на что может уйти часа полтора, ес-

ли использовать только локти, а больше нечего. И вот тут, главное, не потерять сознание — Дед Мороз не пожалеет, а он у них ночами любит шархаться, трещать да изморозь замысловатую вить на корявых ветках сухостоя. Конечно, можно и сейчас попробовать поиграть в движение — кто-то бой начал и большинство вражеских босяков ушло на опасный участок, однако, что не гарантирует отсутствие наблюдателей. Если же они его приметят, то, возможно, и минами начнут долбить со страху, да и одного пулемёта может хватить! Нет, стоило ждать заката — в сумерках всё и начнётся, а сейчас требовался отдых, чистый отдых, расслабление, но не сон!

И вот опять осмелевший рассудок, в поисках момента распада времён, принялся скитаться по минувшим дням и событиям, которые в странностях отяжелевшего подсознания Андрея представились вдруг нагромождением сверкающих кристаллов всевозможных форм и окраски, ближайšie из коих ещё росли, правда, с разной скоростью, отвечая, видимо, за дела и процессы незавершённые. Играя в иллюзорных лучах внутреннего света, их сочность, свежесть и красота настырно заслоняли хаос предшествовавших формирований — формирований в большей степени уже бесцветных, а то и вовсе вызывавших досаду своей грязноватой блёклостью. Так, например, совсем не хотелось разглядывать детство, давно покрывшееся паутиной и пыльным налётом. Естественно, в нём безраздельно царили родители с их замысловатой манерой проявлять заботу о грядущем поколении! Почтенная пара, расположившись однажды на Олимпе бытия своих отпрысков, засияла на десятилетия ярче самого чудесного бриллианта, ослепляя игрой и безукоризненностью граней пытливые глазёнки наивных сына и дочери! Между тем, как водится у деток, внезапно повзрослевших, способы и методы воспитания предков вынуждено покинули реестр священных заповедей, способных как-то вдруг вылепить очередных гомункулов, достойных жизни без позора. Кроме прочего, лавируя в нахлынувших потоках сомнительной информации по психологии, удалось выяснить, что большинство из нехитрых постулатов и словесных построений, поседевших ныне, но досточтимых мамочки и папочки, происходят из пошлейшего набора примитивных манипуляций. А ещё предательски честная память, козыряя безу-

прочной правдой, то и дело высвечивала моменты, когда незамысловатые увещевания и прочие изыски не срабатывали, и передача векового опыта переходила в разряд рукоприкладства. Обычно всё ограничивалось банальным подзатыльником, но процедура могла скатиться и к более серьёзным «аргументам», что, очевидно, основывалось уже на всемирной глупости традиций, приправленных непрерывным стремлением к самоутверждению. Но благородство в отношении старших, предусмотрительно передаваемое из поколения в поколение, заставило и Андрея не концентрироваться на прискорбных моментах собственного воспитания — родители как-то внутренне были прощены и даже оправданы. Оправданы, в свою очередь, фактом появления на свет Божий собственного дитяти, на котором то ли от безграмотности, то ли от любопытства, то ли по наитию отрабатывались всё те же методы — единственно знакомые методы. Да, конечно, всё именно так и произошло какое-то время назад, и обиды никакой не осталось, и счёт матушке и батюшке не предъявлялся, однако, кристалл, отвечавший за воспоминания о них, потерял-таки предательски и блеск, и радужный колорит, превратившись в невзрачный аксессуар из прошлого, засиженный вездесущими мухами. Увы...

Но нет! Определённо, его старики с их нынешним стремлением накормить от пуза каждого, не могли претендовать на должность коварных разрушителей уютной обыденности! Напротив, сомкнувшись когда-то золотыми узами колец, они, бредя сквозь перипетии ещё советского быта, тащили то один другого, то наоборот, а то и вовсе резво мчались куда-то, вдохновлённые партией и правительством, мечтая исключительно о прочной норе с полновесным складом имущественного благополучия, начало коего положили железная кровать и алюминиевая кастрюля. Как генералы готовятся к прошедшей войне, так и родители, произведя на свет отпрысков, изо всех сил пытаются в их будущем клонировать собственную жизнь, испытанную и получившую, по их мнению, все необходимые сертификаты и свидетельства, что исключало мамочку и папочку из числа подозреваемых в злонамеренном осушении комфортабельного болотца прежней жизни Андрея.

В иные места стоило заглянуть воину и непременно, а то ведь счастливый гомункул — владелец его прошлого — продолжал бубнить и требовать суда с неременной расправой над виновными в раздвоении некогда цельной личности, что моментами вызывало отторжение — богатство лет бойца и собранный по крупницам опыт позволяли к стороннему давлению относиться с пренебрежением. А вот, в отместку за принуждение, в ворохе желаний, основательно подпорченных пулями, дядька попытался выбрать нечто сказочное, запланировать яркое, интересное и будоражащее. Однако сегодня, как и в предыдущие шесть месяцев, у подобных мечтаний возникало непреодолимое препятствие, суть которого сводилась к тому, что именно в тот самый момент он и находился в наивысшей точке самого захватывающего в нашем мире действия, а именно пытался спасти свою жизнь! Правда, в ходе процесса сего периодически требовалось отбирать чужие юдоли, что, безусловно, было фактом прискорбным, но всё же не определяющим! А тут ещё — вот ведь незадача! — надежда на помощь однополчан рассеялась, правда, уступив место собственному ядрённому адреналину, способному и кровь загустевшую взбить должным образом, и тестостерон из мошонки впрыснуть прямым в дряхлеющие мышцы — спать уже не хотелось.

Доброволец посмотрел в сторону солнца — оно всё таким же бледно-жёлтым пятном продолжало катиться за нечёсаной пеленой серых, клочковатых туч, пройдя уже и зенит, и даже три четверти своего дневного пути. Оставалось совсем немного, не более двух часов, а дальше вновь наступит эпоха мероприятий и действий.

Теперь же, преисполнившись ожиданием и утихомирив несколько внутренний ажиотаж, Андрей свернулся калачиком, не тревожа, насколько получилось, раненные конечности и, в который уже раз, попытался сохранить как можно больше тепла и на более длительный срок. Сознанию меж тем позволили отправиться к очередной порции дотлевающих страниц личного архива — сидела где-то там неприятная заноза, требовавшая известных объяснений.

И стынувшая душа с заиндевевшим телом опять потянулись к тому мирному фронтовому костерку, который разожгли после

боевого крещения новобранца. Тем вечером ещё разношёрстая, нестройная военная братия приняла очередного добровольца как равного, буквально раскинув свои объятия, — они выпили и трофейную водку и ещё от себя добавили столько же! И всё говорили, говорили, говорили под тихий треск дровишек, под оголтелое безумие кузнечиков, рассеяно взирая на изнывающие в пляске языки пламени, вдыхая запах прелого сена и сырости от уже подступившей росы, смешанные с аппетитным ароматом добротной обжаренной колбаски. Однако, речь не зашла о бое и убийствах, словно их и не было — народ пытался делиться чем-то своим, даже совсем пустячным, но обязательно мирным и понятным для каждого, например, об автомобилях, о прошлых туристических поездках, о ремонте квартир и прочем. В минутах отдыха и передышек от военной жути потрясала именно эта будничность, словно, вернувшись из боя, все дружно вылезали из своих экзокостюмов, облакавших воинов в свирепость, а дальше их складывали в сундук с самой плотной крышкой, что позволяло говорить ровным голосом и даже понемногу улыбаться...

Андрей пригнул голову к груди, расстегнул куртку и, спрятав под неё лицо, потянул застёжку замка-молнии вверх, чтобы даже выдыхаемый воздух оставался для обогрева. Ткань, как кузнечные меха, то раздувалась, то с шорохом сжималась — надёжный камуфляж не пропускал ни лучика, и ситуация напомнила детские шалости, когда они с сестрой забирались под одеяло и, выдумывая всяческие страсти, пытались напугать друг дружку. Старая, добрая забава, позволявшая нервишки пощекотать чем-то взрослым. Да! До чёртиков зачем-то хотелось вырасти и получить самостоятельность, да такую, чтобы окружающие, воистину, могли лицезреть твёрдую поступь без опоры на хлипкие плечи дряхлеющих родственников! Ну, и удалось-таки дожждаться мановения волшебной палочки приблудившегося ангела — возник кружок археологии от местного университета, где не только читались лекции, готовились доклады и посещались запасники краеведческого музея, но ещё и практиковались летние выезды на раскопки!

Полевые условия предполагали поселение в больших солдатских палатках, пищу из импровизированной кухни с запахом

дыма, а ещё алюминиевые тарелки и кружки, кучу комаров и предварительные прививки от клещевого энцефалита. Из удобств имелся умывальник длиной в несколько метров с десятком стальных сосков, ещё из горбыля построили уборную для девочек, а дальше — кто на что горазд...

А раскапывали они под руководством и нестрогим надзором уважаемых научных работников одно из городищ государства чжурчжэней Восточное Ся. Андрей дважды попадал на эти сборы, от чего впечатлений и значимости в глазах одноклассников хватало на всю первую четверть учебного года! Ничего сверхъестественного откапать, конечно, не удалось, но там был явный дух крепкой казачьей вольницы, которая, как им сразу объяснили, заключалась не только в отсутствии понуждений и досужего присмотра, но ещё и в ответственности, как за самого себя, так и за товарищей. И это срабатывало! Дежурные с энтузиазмом таскали воду и на кухню, и в палатку к девчонкам, ещё рубили дрова, убирали мусор, а девушки после трудового дня дружно чистили картошку, напевая как текущие шлягеры, так и песни из глубины столетий русской жизни.

Ну, и, разумеется, их знаменитые посиделки у костра — первого серьёзного костра в жизни Андрея. Звонящий насекомыми, тёплый, недвижимый воздух наполнялся степенными рассказами седовласого профессора, вещавшего о жизни прошлой, канувшей в вечности, — чем занимались люди в вековых даях, о чём думали, какую утварь делали и как мастерили нехитрую одежду, а ещё и о многом другом, что, как оказалось, не особенно-то отличает нас нынешних от далёких пращуров. Девчонки и мальчишки заморожённо слушали про Александра Македонского, про Чингисхана, Ивана Грозного — и вот ведь всё явно было из школьной программы, правда, с существенными дополнениями, но старенькому учёному как-то особенно удавалось преподать историю, и каждая новелла врезалась в память и осталась в ней без утомительной зубрёжки. Расходились глубоко за полночь.

Однажды речь зашла о том, как уважаемый ныне научный работник, самостоятельно в далёкой молодости, во время раскопок, возглавляемых его учителем, обнаружил обширную помойку, куда остатки жизнедеятельности выбрасывались несколько

столетий, и какой в том был восторг. Девушки стали брезгливо фукать, парни тоже скривили лица, но профессор, улыбаясь, доходчиво объяснил:

— А с чего такая реакция? Брезгуйте? А вот скажите, мои уважаемые друзья, сколько отходов продуцирует человечество? Цифры тут не очень имеют смысл, — он пылливо рассмотрел молодёжь поверх толстой оправы очков и, не получив внятного ответа, подняв указательный палец, сообщил, — так вот! Отходы нашей жизнедеятельности равны один в один всему тому, что мы произвели, построили или добыли, конечно же, с незначительной коррекцией по времени. Одна вещь служит неделю, а другая десятилетия. Но с нашей точки зрения, по истечению веков и тысячелетий, всё обстоит именно так, как я заявил! Кто-то хочет опровергнуть меня? А куда деваются вещи, вышедшие по той или иной причине из употребления? Правильно! На помойку, на свалку — туда им и дорога. Это сейчас мы что-то пытаемся переработать сразу, тогда тоже не всё выкидывали, к примеру, металлы, но большая часть утвари именно там — в этих сокровищницах для настоящего археолога, которые сообщают нам абсолютно всё о материальной культуре, проживавшего в этих местах народа! Вы только представьте, что, найденную вчера треснувшую пуговицу, один носил, а изготовил её какой-то ремесленник, которые и умерли уже лет семьсот тому назад, и кости их давным-давно рассыпались в прах, а изделие всё ещё с нами — может это и есть вечная жизнь? Если кто-то из вас свяжет свою судьбу с нашей наукой, желаю тому помойки находить каждый полевой сезон...

Однако, никто с пожилым профессором спорить не стал и никто из той школьной команды не пошёл в археологи — другие времена настали! Известный своей капризностью наш народ, ещё ранее бывший богоносцем, вот и теперь, побросав алые стяги и хоругви, из пролетарского братства с головушкой занырнул в страстную пучину капиталистической охоты на золотых тельцов, которые, как известно, среди осколков древней керамики в последнее столетие совсем замечены не были. Меж тем слова уважаемого в своих кругах учёного возымели-таки действие как минимум на Андрея, который, осознав важность помойной теории, стал с уважением относиться к выбрасываемому мусору.

До момента окончательного взросления он даже, в виде послания далёким потомкам, на случайно разбитой посуде несколько раз наказывал своё имя, наивно мечтая, что когда-нибудь и оно займёт достойное место на полках музея истории чего-то там! А кому не хочется запечатлеть себя в вечности, хотя бы даже и таким несуразным образом? Впоследствии все эти потуги, конечно, прекратились — кругом же разумные и адекватные люди! — но серьёзность к отбросам собственного функционирования осталась, и в момент погружений в мусоропровод очередного пакета с семейными отходами нет-нет, да и подмигнёт тайком незнакомый археолог с помойки будущего...

Кислород под многослойной курткой исчерпался быстро, и к прочим бедам добавилось удушье, что заставило раненого опять предъяснить своё лицо реальному миру сквозящего холода. К вечеру воздух и в самом деле всем своим огромным объёмом начал неуклонное движение в известные лишь ему дали, что породило не самый резвый, но всё же неприятный, ледяной ветер, в вездесущих потоках которого, словно чумазные детки из цыганского табора, тут и там вихрями кружилась снежно-пылевая позёмка. Как только отяжелевшая голова вернулась в бесприютную действительность пониженных температур и такой же социальной ответственности, так мгновенно — кто бы сомневался! — обнаружился давешний снегирь. Но прилетел ныне назойливый наглец не один, а прихватил с собой ещё и премиленькую самочку — судя по небольшому размеру, это была именно она. Паршивец, по мыслям Андрея, притащил подружку, явно планируя похвастаться, изображая из себя этакого альфа-самца, который с помощью своей иезуитской хитрости смог заманить и завалить невероятную добычу! Пернатый беспрерывно что-то пищал своей милашке, то и дело, поглядывая на пострадавшего, как бы предлагая ей самой оценить величину и значимость трофея. Но крылатая дамочка явно не спешила придаваться восторгу — дородный представитель человечества её, понятно, интересовал мало! А что с такой прорвой мяса делать пичуге из бросового семейства вьюрковых, у которой природой определены пределы и нет ни единого шанса выбиться хотя бы в вороны, не говоря уже о премиальном сословье гербовых орлов-падальщиков?

Внезапно сладкая парочка насторожилась, после чего испугано встрепенулась и наконец, придавшись положенной истерике, свойственной их презренному племени, огласила ближайший радиус звуками, напоминавшими скрежет пенопласта. Далее, они, одновременно взлетев, стремглав понеслись в сторону тощей лесополосы. Однако, траектория их позорного бегства по лихой дуге пролегла над распластанным добровольцем, к самому носу которого упала какая-то красная ягода, склёванная с одной стороны — недоеденный полдник, разумеется, выскользнул у пичуги ненамеренно, что никоем образом в предвзятых глазах Андрей не уменьшило степени греховности этакого послания! Боец чертыхнулся беззлобно, забыв тут же глупую несуразность; со стороны оврага прямёхонько к нему, низко наклоняя лопухую морду, бежала большая собака грязно-белой расцветки с характерно чёрной спиной — издали казалось, что это ей кто-то зачем-то приладил шутовское седло, забыв, однако, водрузить потешную куклу. Раненый на миг зажмурился, вздохнул и достал финку — привычным движением извлёк из ножен свой первый трофей своей первой войны. Между тем, приблизившись метров на двадцать, в лежавшей куче тряпья псина распознала живого человека, отчего раздосадовано заскулила, остановившись. Бродяжка внимательно осмотрелась, обижено поджав хвост, да так сильно, что он, пройдя меж задних лап, оказался у живота, который, при следующих движениях, заколыхался худой тряпицей, бесстыдно выставив ряд крупных сосков.

— Что, сука, не повезло? Иди в другое место харч искать, а то, смотри, сама до весны не доживёшь, попадёшь в окопный гуляш, и сдохнут тогда твои щенки. Угораздило же тебя — дуру — к зиме залететь, — дядька сочувственно поморщился, понимая, что, несмотря на перебитые ноги, однозначно даже в лежащем положении, руками и ножом справится с этим голодным существом.

Собака тоже сообразила, что расклад не в её пользу. Она, вынюхивая и шныряя мордой из стороны в сторону, обогнула большим полукругом свою несостоявшуюся добычу и, не оборачиваясь, отправилась в сторону вражеских позиций.

— Ох, и сожрут же тебя, милая, — Андрей с сомнение посмотрел вслед животному. Он слышал, как о сопредельной сто-

роне рассказывали, мол, с едой у них всё очень нестабильно, и что они давно поели всю живность в округе, что никак не мешает, в свою очередь, уже им придумывать о своих врагах нечто подобное...

Не понравилась ему эта псина с её голодными детками, скулящими где-то под заброшенной хатой. А ещё раздражали предыдущие посетители — вздорные птицы-снегири, которые от щедрот своих неопикуемых поделились с ним обглоданной ягодкой! Как-то так поступают в зоосадах взрослые, выбрасывая в застенок медведям недоеденное мороженное, окончательно растаившее от избыточной доброты солнца.

До начала эвакуации оставалось около часа, и дело, очевидно, обещало быть до безнадёжности нетривиальным, а, возможно, и последним в жизни. Но именно своё бытие хотелось всё же считать состоявшимся или хотя бы значимым, для чего требовалась отвлечься от мыслей о предстоящем и о возможном и найти тот самый миг, когда от него нынешнего, предательски отреклось его такое замечательное прошлое. А ещё, возможно, это позволит понять причину попадания собственной персоны в студёную Украину, и если уж судьбина заставит сдохнуть тут в одиночестве, то стоило осмыслить, за какие такие высокие идеи сие произойдёт, и как они закрались в его кругом благополучную голову. Воин, пытаясь сохранить тепло, укутался, как смог, шапку натянул до бровей, кисти рук убрал в рукава, но голову под куртку прятать не стал и финку положил рядом с собой — с такими гостями нужно быть начеку!

И вот в который уже раз за нынешний день он мысленно попытался восстановить цепочку событий и образов, благодаря которым покинул Владивосток — по-настоящему замечательный, светлый и искрящийся город, ввергнув теперь себя со всем своим славным организмом в состояние близкое к коллапсу.

* * *

Раньше, до своей войны, Андрей воспринимал родной город совершенно утилитарно, как местность достаточно удобную, ненавязчиво урбанизированную, где волей судеб обитал сам, а также примкнувшая к нему семейными узами супруга, с зачатой почти в браке дочкой. Дальше плодиться они не отважились, од-

нако, для комплектности приобрели герань, кактус якобы из Мексики, ещё нечто в горшочках и, после не затяжного спора, всё-таки завели котика! Принесли в дом этокое вынуждено ласковое существо. Котейка, присматриваясь к окружению, как и все его племени, рассчитывал на свой звёздный час, когда с помощью хозяйского корма удастся-таки достигнуть тигриных размеров, чтоб уже открыто и с нескрываемой свирепостью высказать наболевшее, предъявив остальным жильцам квартиры, а коль придётся то и подлым соседям, вполне законные претензии, накопившиеся за тысячелетия угнетений хоть и пушистого, но, определённо, негибавшего в веках народа! А как же — кошачьи жизни имеют значения!

Обычной чередой менялись машины нужного размера и статуса, удвоившись однажды одномоментно, дабы не вызывать взаимную зависимость в городской толчее и сутолоке; оставалось решить поутру или с вечера, кто везёт, а кто забирает отпрыска в садик — из садика, в школу — из школы. Девочка получилась, между прочим, действительно премиленькой и совсем неболезненной — настоящая принцесса-ангелочек с огромными карими глазёнками на вдохновенном лице с аккуратным, прямым носиком и с ямочками в нужных местах; вся эта прелесть находилась в обрамлении неизменно искусной стрижки из белокурых волос в природных завитушках. Похоже, именно тогда жизнь и наладилась, она как-то естественным образом включила и следующее расширение жилой площади, и серебряные приборы к званым застольям, и, разумеется, профессиональный рост с неминуемым достатком выше среднего.

Но вот именно тогда, когда простое человеческое счастье заполнит душу совершенно и разольётся по членам окончательно, вожделенная обыденность зачем-то вдруг блекнет и выцветает, доводя природное буйство красок до положения грязно-белого мирка с невероятно редкими вкраплениями застиранных клякс. А ещё как раз в ту пору в любимые клубы мирного вечернего марева понемногу вплетётся сладковатый запах трупного разложения собственных мыслей и того, что принято у нас называть желаниями, переходившими ранее в те самые высокие чувства поэтического свойства. И работа вроде не сложная, и быт обустроен, и средств достаточно, и силы не на исходе... Но

та самая подлая рутина, ради коей, собственно, всё и затевалось, принимается самостоятельно рисовать для неспешного движения дорожную карту, которая, уподобившись шагреновой коже, сжимается из года в год, убирая якобы несущественные направления, а за ними и степени свободы. Самое смешное, что мы — то есть состоявшиеся люди с твёрдым достатком — даже не пытаемся в большинстве своём спорить с подобным положением вещей! Тем более — если уж совершенно прижмёт! — можно позволить себе эрзац приключения, с радостью отправившись на пару недель во Вьетнам или на пару дней в Рим. А ещё — есть мнение! — годится завести любовницу, или бросить любовницу, что, в принципе, одно и то же, но по частоте применения всё же уступает перестановке или частичной смене мебели. И тут, главное, пол свой не трогать... и в квартире тоже.

А ещё наиболее продвинутые или же, попросту говоря, неугомонные личности, дабы бытие своё несколько усложнить, пускаются во все тяжкие, например, в плане алкоголя поднимаются до уровня профессионалов или же, припомнив знаменитое «седина в бороду — бес в ребро», пытаются изо всех сил охватить шефской помощью интимные потребности максимального числа женщин. Другие же, как вариант предыдущего, и вовсе создают параллельные семьи, в тщетном стремлении пригвоздить вечность своим, как правило, никчёмным генетическим кодом. Много чего граждане придумывают на том сомнительном и неблагодарном поприще. Однако, на все эти и им подобные компетенции Андрей смотрел с нескрываемой усмешкой и свысока, воспринимая их как забавные игрища недалёких персонажей из типичной пошлятины дешёвых сериалов ВГТРК или НТВ! Кажется, у супруги всё в этом смысле тоже было благополучно; оставалось дальше вести совместное хозяйство, не умирая раньше времени, опять же дочку на ноги ставить нужно, ну и не забывать про выволочки любимому коту за мелкие, но постоянные пакости.

Но в плотном клубке трасс хаотичного движения человеческих особей у кого-то на мужчину возникли иные виды, и звёзды таки сошлись однажды удивительным образом! В тот день, не заезжая на работу, Андрей оставил свою машину для диагностики в руках эскулапов правильной СТО, что периодически

требовалось для собственной безопасности и для поддержания гарантии производителя. После, поболтав немного с мастером, он отправился в офис уже на такси, надеясь не выходить из кабинета до самого обеда, когда и планировал забрать свой автомобиль. Но вот именно тогда всё пошло по чужой программе...

Руководство, не мудрствуя лукаво, взяло и отправило доблестного во всех отношениях работника на встречу с выдающимся по платёжеспособности партнёром, а так как переговоры назначили на территории заказчика в пяти-шести остановках от родного предприятия, то и добираться туда мужчина решил всё же не на такси, а автобусом. Передвижения подобным способом с деловитыми гражданами, как известно, происходят до крайности редко! Однако, плохая идея игнорировать державный наш народ, бывший некогда и богоносцем, и богоборцем, — стоит изучать уже сейчас его образ жизни и сленг, а то ведь и сказать будет нечего, когда он — болезный — опять возомнит себя вершителем судеб да возьмётся за ржавые вилы ручищами своими заскоруждыми...

И вот высокооплачиваемому пособнику провинциального угнетателя стало неуютно в несвойственной для него обстановке — к середине рабочего дня салон наполнился едва на треть, находившиеся же в нём сограждане выглядели как-то уж очень странно. Люди совершенно точно в офисах, в известных местах улиц и в соответствующих магазинах такими не бывают! Здесь же все персонажи сидели с какими-то каменными лицами, однозначно выражавшими тревогу и настороженность, предполагавших даже возможное наличие за пазухой компактного огнестрельного оружия, например, укороченных версий автомата Калашникова или же обрезов времён кулацких разборок. Складывалось впечатление, что это всё не мирные обыватели, а какой-то десант, и если сейчас вдруг транспортное средство охватит жаром пламени, то присутствующие без всякой команды и совершенно без паники покинут его, не оставляя потерь. А ещё они постоянно двигались — как только освобождалось место, преимущественно поближе к водителю, обязательно некто вставал и пересаживался на него, меняя дислокацию с победоносным видом. Действо, напоминавшее тихую, но непрерывную экспансию в рамках отдельно взятого салона. Андрей, дивясь

происходящему, проследил за пассажирами, покидавшими автобус, и оказалось, что, как только их ноги касались тротуара, то напряжённость с вояжёров чудесным образом улетучивалась, и они гармонично вливались в нашу всеобщую суету незлобивого характера. Нет, среди окружения его и его семьи подобные экземпляры явно не водились! И, между прочим, правительству нашему трудолюбивому, видимо, стоило отдать должное — сограждане-то в транспорте одеты были вполне прилично, так многие барышни даже в норковых или мутоновых шубах, а мужички в пафосных дублёнках. Болоньевые же и прочие куртки тоже имели место, но вполне приличных покроев и расцветок, в том числе и от престижных производителей. Пособник угнетателя как-то вдруг озадачился и задумался о прибавки жалованья...

Однако, на фоне почти фееричного народного благополучия выделялась одна миниатюрная старушка в совершенно ветхом пальтишке тёмно-серого цвета с выдавшим виды нутриевым воротником и в войлочных сапогах давно устаревшего фасона. На крашенных хной, редких, беспорядочных волосах бабульки расположился оранжевый берет из мохеровой нити от рукастых барышень ещё Советского Союза, создававших одними спицами в прошлом тысячелетии вещи самого достойного вида и потребительских свойств. Пожилая женщина, войдя в автобус, как-то сразу растерялась, стала что-то выискивать взглядом, присела на самый краешек свободного места и обратилась к соседнему пассажиру:

— А где касса и сколько нужно платить?

Ей пояснили и про стоимость проезда, и про то, что деньги отдают водителю при выходе. Казалось, она немного успокоилась и лишь пытливо рассматривала улицу по ходу движения, когда же услышала, что идёт объявление остановок, так и вовсе заулыбалась. У Андрея заиграл телефон и он тут же забыл о странной попутчице, а ещё автобус прибыл к месту назначения, кроме того звонившим оказался мастер из СТО, который стал, как обычно, канючить и рассказывать о вещах неутешительных и про тормоза, и про масло, и о прочем. Мужчине пришлось, установив раздражение на средний уровень, твёрдо выказать своё неудовольствие вечными поборами, но цена оказалась приемлемой, и инцидент был исчерпан. Тогда же ноги его подхватили и

решительно понесли голову с остальным телом в направлении дел важных, неотложных и, конечно же, финансовых.

И вот тут опять возникла та самая бабулька, которая уже на правах старой знакомой буквально швырнула в глаза своей колорит и совершенную нелепость, демонстрируя в очередной раз абсолютную неадекватность времени и месту. Болезная стояла в уголке прозрачной остановки и тихо плакала, вытирая слёзы скомканным носовым платочком. И ещё у неё дрожал подбородок, а в глазах было отчаяние младенца, только что исторгнутого из уютного и понятного материнского лона. Будущий борец за всё ховшее не смог не остановиться:

— Матушка, что случилось, я могу вам чем-то помочь?

— Милый человек, я тут заблудилась! В автобусе сказали, что это Столетие Владивостоку, но совсем ничего тут не узнаю. Вот ведь какое горе!

— А куда вам нужно? Адрес можете сказать?

— Восьмая поликлиника нужна, — и она решительными движениями стала из потёртой сумки доставать какие-то медицинские документы в большом количестве, последнем на свет Божий появился рентгеновский снимок формата А2, где даже неспециалисту был виден перелом плечевой кости со смещением.

Интересы родного предприятия и серьёзная зарплата эксплуататорского приспешника предписывали Андрею противоположное направление, да и со временем, как обычно, всё обстояло не самым лучшим образом... Однако, уже погрузившись в бабушкину проблему, он вторично не смог развернуться и просто исчезнуть.

— Хорошо. Я вас отведу туда, только давайте поспешим — меня ждут!

— Ой, да конечно, конечно, давай пойдём, давай, — старушка одной рукой раздвинула чёрное жерло старой сумки, а второй буквально стала запихивать свои бумаги, которые мялись, пружинили, но возвращаться во вместилище не желали, что вызвало раздражение уже и у Андрея, однако, он спокойно взял документы прибрал их аккуратно и предложил:

— Раскройте сумочку шире, сейчас мы всё сложим!

А дальше серьёзный и действительно занятой мужчина повёл свою спутницу через длинный подземный переход с облупившимся потолком и влажным, неопрятным полом из потрескавшейся плитки красноватого цвета. Где-то сразу за ступеньками их встретил сапожник из Поднебесной с сигаретой во рту, за ним на картонке сидел традиционный бомж, просивший милостыню, картинно демонстрируя тёмно-малиновую культю левой руки. Справа от него, за парой столов, загруженных аляповатым ширпотребом, расположилась барышня с эпическим бюстом, не позволявшим приталенной куртке застегнуться хотя бы наполовину. Бабулька по проходу шла медленно, как в музее, и всё-то ей было вновь, интересно и удивительно — она цокала языком, озабоченно качала головой. К середине студёного подземелья спутники увидели патлатого дядьку лет пятидесяти с акустической гитарой, пытавшегося заработать своим антикварным обликом, а также наследием то Высоцкого, то Макаревича, то ещё кого-то, с ныне утерянными именами. Когда же старушка услышала незамысловатые аккорды, то по-доброму оживилась, разулыбалась, как при встрече со старым знакомым, сделав витиеватый жест рукой и что-то в такт отбив стёртыми, но ещё звучными каблучками. У противоположного выхода, почти у самого подъёма, пожилая женщина, поравнявшись, ревностно осмотрела другую пенсионерку, не сказав, правда, ни слова, — та за сущие гроши продавала самосвязанные пинетки для младенчиков. Стояла она тут уже не один год, товар у торговки менялся, неизменной оставалась улыбка самой доброй волшебницы, видимо, зарабатывавшей на хрустальные башмачки для какой-нибудь Золушки. Андрей тут часто бывал — последнее жилище располагалось в пяти минутах. И он всегда жалел этих, как казалось, несчастных людей, но денег ни нищим, ни музыканту почему-то не давал. И ничего не покупал, разве что кто-нибудь вынесет ставший ненужным хрусталь или другую посуду, статуэтки, картинки, металлическое литьё из прошлых времён — вещи иной раз попадались эксклюзивные, их стоило приобретать.

Поднявшись к свету и вздохнув облегчённо, они так парочкой и направились в ту самую поликлинику, которая за последние сорок лет не сменила, слава Богу, ни свой статус, ни номер. Ходу до учреждения для взрослого человека оставалось минут

пять, но бабушка уже не спешила. Она, совершив неожиданно любопытную экскурсию в подземную галерею самых бестолковых, из ныне легальных, способов добывания средств, а также имея в качестве надёжной опоры — очевидно для всех! — руку успешного мужчины, решительно успокоилась. Теперь ей захотелось поговорить, что не является новостью для стариков. Андрей же, невзирая на дефицит времени, почему-то не перебивал и не торопил спутницу, которая, вернувшись в своё обычное состояние, тихо вещала. Именно вещала, а ещё двигалась без опаски и как-то плавно, в странном режиме человека, давным-давно закончившего свой большой труд и совершенно точно имевшего ныне постоянную защиту, прочный кров и достаточный стол.

Были, были некогда у той старушки и кутерьма желаний, и множество событий и их, конечно, забавляясь, можно извлекать из прошлого в качестве старых, но добрых безделушек, рассеяно перебирая в ладонях, разглядывая, определяя на вес стоимость и значение, а ещё всю эту пыльную мелочь можно смело показывать другим, не опасаясь подвоха. Всех где-то поджидает свой долгий день в настоящем, без ожидания будущего...

По дороге, неспешным шагом занявшей порядка двадцати минут, пенсионерка поведала, что ещё весной она сломала руку, да так сильно, что потребовалось часть кости заменить пластиком, прижившимся, между прочим, хотя доктора и сомневались — такой-то возраст! Обычно сюда на своей машине её возил старший зять или младшая внучка, а сегодня — глянь-ка! — все оказались заняты до чрезвычайности, вот и пришлось добираться сначала на электричке самостоятельно, а потом и на автобусе. Хотя дочери предлагали записаться на другой день. Живут же они за городом, в красивом коттеджном посёлке, и её точно никто не обижает — своя комната есть и рыжий, лохматый пёсик Топа, неустановленной породы, но с замашками от высоких кровей. А ездить нужно именно сюда, так как тут ещё квартира лично её находится, где она и прописана и от неё приписана к той самой поликлинике номер восемь. Жильё же пенсионерки, как выяснилось, добрые родственники сдают, тратя полученные деньги исключительно на неё — а как же...

Андрей с сомнением ещё раз осмотрел, мягко говоря, заслуженное одеяние пенсионерки, но спорить не стал; хотелось ус-

корить шаг, однако, язык бабушки и её голова работали вполне сносно, чего не скажешь о ногах! Как оказалось, у неё был мобильный телефон, правда, в кнопочном исполнении, но без интернета, что пожилую женщину очень беспокоило! Однако, на Новый год родня собиралась сброситься и подарить своему самому старшему и уважаемому члену семьи достойное устройство. Она так и сказала: «достойное устройство». Тут уже выдавшему виды мужчине пришлось округлить глаза от удивления и улыбнуться — и ведь действительно есть женщины в русских селеньях, и возраст им, похоже, не помеха! А между тем они пришли в нужное место. Время, как представлялось, уже во всеуслышание щёлкало секундами, словно хлестало пощёчины, нещадно требуя вернуться в заданный ритм! И тут пенсионерка схватила провожатого за запястье своей по-домашнему тёплой рукой и быстро заговорила:

— Дальше я сама. Вот у меня талон есть — внучка записала на той неделе, она у нас красавица. А потом зять за мной заедет. Я ему позвоню, как раз будет конец рабочего дня. Пока очередь, туда-сюда, — бабулька достала свой гаджет и потрясла им для убедительности, — а скажи, у тебя детки есть?

— А что такое? — вынужденно проникнув в семейные обстоятельства спутницы, о своих личных делах мужчина рассказывать не планировал, однако, зачем-то соврал, — совсем взрослая дочь.

— Ага, понятно! А матушка ещё, я думаю, жива?

— Жива, слава Богу!

— Вот и хорошо! — старушка погрузила вторую руку в потайной карман своей сумки, не отпуская меж тем Андрея, и достала оттуда маленькую-премаленькую шоколадку с изображение девчушки в платочке с размашистой надписью «Алёнка», — возьми, мамочки от меня отдай. За сына ей спасибо большое! И тебе, конечно, спасибо! Выручил, а то б горе со мной случилось...

Дядька от неожиданности впал в редкостный для него ступор, в то время как пенсионерка освободила его кисть, вложив в ладонь свой бесхитростный подарок и не оборачиваясь, засемила к регистратуре. А он остался стоять у дверей холла без всякой мысли и даже без намёка на возможную реакцию. Люди же,

походившие в большинстве своём на давешнюю спутницу, всё заходили в поликлинику, выходили из неё, двумя потоками огибая мужчину, стоявшего между ними словно топляк посреди мутного водоворота щепок и старого, ненужного мусора.

* * *

К вечеру и без того непроницаемая пелена облаков, перестроив свои ордынские порядки, разрослась и уплотнилась до состояния одной сплошной тучи свинцового окраса, которая явно планировала недоброе — утащить, как вариант, в непроглядную ночь и стужу весь мир чётких линий и хоть какого-то тепла. Однако же, и в самых что ни на есть организованных армиях случаются казусы, в том числе и со строевой подготовкой, а ещё во время неудержимых атак свирепых воинов, что позволяет уже кучке смельчаков противостоять захватчикам, обрекая себя и на смерть, и на завидное бессмертие. Так и в небесных ватагах, не самого счастливого для Андрея дня, внезапно произошла досадная заминка; то ли приказ с ещё большего верха прозвучал неубедительно, то ли, внезапно народившись, обратный ветерок своей природной лихостью и вредностью закрутил воронку, сотворив ближе к западу прореху в серых покровах небесного свода. И вот оттуда, как в прорванный фронт, ринулся неудержимый поток светлых витязей — солнечных лучей необычайной насыщенности, походящих издали на тончайшие струи золотого дождя, лавиной бьющего самозабвенно, стремясь в последнем отчаянье отвоевать у грядущей тьмы хотя бы ломтик пространства, замершего уже в преддверии ужаса.

Давешняя собака не ушла уж совсем, она, видимо, имела опыт по добыче человеческой мертвечины и вот теперь, присев у недалёкой воронки, ожидала момента, когда, объединившись, холод и время, очевидно, работавшие на неё, исполнят положенное! Тварь, как забредший в ресторан посетитель, после заказа смело могла рассчитывать на то, что сегодня ей достанется совершенно свежее мясо, а её деткам насыщенное чужими белками и витаминами молоко — так, глядишь, и зиму протянет. Для кого война, а для кого мать родна! Когда же в облачную брешь животворящее светило наше обрушило поток света, зверюга приподняла понурую морду, пытаясь, видимо, осмыслить значи-

мость происходящего, а также возможную от события пользу для себя и своих малявок, но, не найдя ничего заманчивого, быстро потеряла интерес к дивному пятну, заглянувшему ненароком в её постылое существование среди чёрно-белой рутины голодного января.

Андрей вслед за собакой развернулся в сторону позорной бреши в рядах небесной рати пособников угрюмой тьмы. И тут измученные глаза раскрылись с наивностью младенца в зоосаде почти до самой последней анатомической возможности, и отвести их от неожиданной феерии красок, чудных в тягостном пейзаже малороссийского поля, казалось, не было никакой возможности. Приворожённый естественным волшебством природы, взор в пантомиме светила не пытался отыскать ничего сакрального — сознанию требовалась опора для сосредоточения, в роли чего и выступило проявление силы родной звезды.

В целом типичный для человеческой памяти хаос бойцу удалось структурировать за последние часы, разбив события на до и после факта размежевания с призрачным гомункулом самого себя предыдущего. Это странное существо, ныне злодейски владевшее прошлым, в нём же и оставалось всегда, не позволяя, однако, череде событий минувшего объединиться с текущей реальностью и эпизодами новейшей истории, что вызывал смятение. Доброволец вынуждено созерцал прежние дни как бы со стороны, как не про себя, словно разглядывал в чужих руках шкатулку с набором, украденных у него, драгоценностей. Ощущение жестокой несправедливости поселилось где-то под ложечкой и сосало, сосало, сосало... Но не только обида потерпевшего заставляла рыться в собственном архиве — подступавшая кончина, ставшая после внезапной стрельбы вполне вероятной, требовала оправданий, желательно произрастающих на сакраментальной ниве высоких понятий. Не хотелось просто так подышать среди засохших стеблей украинской полыни...

И вот именно теперь, за миг до озарения мрачных окрестностей лучезарным веером, подступило понимание того, что момента-то, при котором распалась подлая связь личных времён добровольца, скорее всего не существует, и именно потому, что всё значимое в биографии любой значимой системы есть процесс, а не сказочная трансформация по шучьему велению! А

ещё припомнилось, что мысли сии совсем нехитры и не являются большим открытием, так как умудрённые ненужным в повседневности опытом дяди и тёти с различных кафедр университета пытались и пытаются поныне внушить этот факт всем и каждому. Ну и болезненный мужичок, беспомощным положением обречённый на размышления, кажется, нащупал ту самую окаянную цепочку событий, и следовало замереть на некоторое время, дабы она ловким образом не ускользнула от усталого, рассеянного внимания подранка, для чего взгляд и упёрся в единственно яркое пятно текущего мгновения, растянутого бессовестно до состояния вечности.

Да, последовательность определённо существовала, но выглядела она совсем не как неподвижный пазл, сложенный из множества фрагментов-картинок, а походила на часовой механизм, где одно событие-шестерёнка цеплялось за следующее или даже за несколько, приводя их в совместное движение. Место в устройстве нашлось всему, включая припомненное за нынешний день и даже забытое навсегда, — там же, между прочим, оказались осколки посуды с именными посланиями археологам будущего и даже забавные рулончики туалетной бумаги, похищенные в преимущественно общественных туалетах; аксессуары так и остались лежать в старинном сейфе, подаренном заботливым руководителем...

Теперь уже, напротив, казалось, что разрозненный набор событий прошлого совсем не хаотичен и, определённо, пронизан и причинно-следственными связями, и особым — глубинным смыслом! Всё в сознании Андрея внезапно сложилось в некое исполинское устройство, занявшее более тридцати лет и вытолкнувшее его, но не на это бесприютное поле и даже вовсе не в Донбасс, а к той самой маленькой бабульке, заблудившейся в новейших интерьерах Владивостока.

И когда чётко определилось направление для дальнейшего движения мыслей, хмурые тучи, видимо, не считаясь с потерями, ликвидировали солнечный прорыв, и мир до утра или навсегда погрузился во мглу и в отчаянье, не оставив утомлённому сознанию воина надежды на дальнейшее сосредоточение, и оно потеряло-таки стезю, обрётённую с такими муками.

Дядьке от отчаянья захотелось взвыть, но в следующее мгновение — совершенно не к месту! — вспомнился советский документальный фильм, предназначенный, как бы сейчас сказали, для пропаганды. В нём честным труженикам страны Советов, для возведения чего-то грандиозного в дебрях зимней тайги и под таким же серым небом, требовалось убрать нечто лишнее. Для этого они заложили взрывчатку, протянули провода, спрятались, а диктор за кадром почему-то торжественным голосом вёл обратный отсчёт... И вот вместо взрыва на фоне строителей светлого будущего опять всплыло морщинистое лицо старушки, отблагодарившей его за услугу миниатюрной шоколадкой «Алёнка». Тогда нехитрую сладость не хотелось выпускать из ладони — она почему-то казалась очень значимой, достойным вознаграждением за никчёмную любезность.

Задумавшись, Андрей в тот день, поминутно силясь втиснуться в годами выверенный ритм, всё же купил пинетки у улыбчивой пенсионерки-волшебницы и тут же попытался избавиться от них, оставив на ближайшей лавочке, но, пройдя шагов десять, вспомнил про сотрудницу, у которой недавно народилась внучка, вернулся и забрал, действительно, искусное рукоделие. Подарок работнице понравился до чрезвычайности, а с ним и внимание интересного мужчины, с которым она попыталась тут же расплатиться, поинтересовавшись стоимостью самоделок. Опытный коммерсант мог бы сделать наценку, но мысль о перепродаже то ли носочков, то ли ботишков отчего-то показалась кощунственной, и он отказался от денег совсем, дивясь самому себе. Нет, дядька не отличался повышенной меркантильностью, но и никогда ранее не совершал бессмысленных поступков — акт мелкой спекуляции хоть как-то мог реабилитировать собственное неадекватное поведение, но нет же, и этого не случилось!

Впоследствии, естественно, происшествие забылось, затёрлось о шероховатости неотложного и необходимого, лишь шоколадка в кармане напоминала о чём-то, что требовало продолжения. А ещё мужчина сам не съедал подарок и не хотел его отдавать ни дома, ни на работе — гостинцу чётко определили адресата и он был через пару недель доставлен матушке с рассказом о происхождении. Старая женщина сразу же оценила значе-

ние нехитрой сладости, а ещё поведала историю супругу, который, будучи в прошлом токарем и коммунистом в третьем поколении, безапелляционно заявил:

— Видишь, мать, какого достойного члена общества мы воспитали! Жаль, что в наше время таких товарищей в среде руководства не было, не распался бы ни Союз, ни социализм, — и опять погрузился в чтение буржуазной прессы.

Но на этом образ пенсионерки, значительно истончившись, таки не покинул Андрея окончательно, он скреб зачем-то сознание, пытаясь акцентировать внимание менеджера среднего звена на значимости его поступка, который в повседневности и выеденного яйца бы не стоил! А тут такая назойливость, которая, между прочим, обосновалась на совокупности внутренних ощущений явно положительной направленности, безапелляционно утверждавших новый для мужчины постулат, гласящий о наличии у него обязательств, связанных не только с родимым семейством или таким же предприятием, но и в отношении, как минимум, людей, говорящих с ним на одном языке. И эта идея ему понравилась совершенно точно, а ещё её было приятно смаковать перед самым сном, обнявши за талию свою собственную женщину!

Результатом всех этих самолюбований и прочих патетических переживаний стал поиск волонтеров, опекающих избытками душевного тепла и чьих-то денег обширный класс неимущих сограждан. Болезных в доступной сети интернета оказалось так много, что от числа их не только разбегались глаза, но ещё складывалось впечатление, будто они присутствуют, как минимум, за каждым углом, ну, уж точно у каждого банкомата с тугими пачками банкнот. После пары-тройки звонков дядечку пригласили на участие в кормлении местной братии бродяжек, бомжей и прочих деклассированных элементов. Ещё как-то была раздача поношенных, но крепких и, очевидно, стиранных вещей и поход в детский дом на утренник, где около двух десятков бесхозных детишек один за другим норовили утащить в свой уголок любого свободного взрослого, авансом провозглашая того то мамой, то папой. Одна молодая барышня, студентка видимо, от души разрыдалась, при виде такой детской непосредственности и бесприютности, а державшая её за руку девчушка, решив, что дело

сделано, побежала собирать игрушки для последующего переселения в рай душевности и уюта. Когда же выяснилось, что дяди и тётки совсем не планируют никого забирать, а явились в заведение то ли подразнить разношёрстую мелюзгу, то ли успокоить свою слезливую совесть, начался одновременный плачь половины воспитанников. Та самая малышка, сходявшая уже за своими скудными пожитками, сообразив, что и ей мало что светит, попыталась всё же подкупить предполагаемую маманьку розовым рюкзачком со смешной заячьей мордашкой, но затея не удалась — девушка взятку не приняла и от дочки такой отказалась.

Были ещё поиски кота и поиски старушки, которую всё же удалось найти — обнаружить у одинокого дедушки, которого, как выяснилось, та любила всю жизнь, но только сейчас отважилась вторгнуться в приватность уже вдовца. Однако, гуманитарный период пособника эксплуататора длился всё же недолго! Эпопея закончилась в день, когда во время раздачи пищи на каком-то пустыре, их атаковала шайка беззлобных, юных мажоров, влетевших на площадку с нарочито чудовищной скоростью на пафосных мотоциклах. Они, гарцуя на ревущих аппаратах, гогоча от души и гикая, кружили вокруг нехитрого стола с термосами двумя встречными вереницами и обстреливали из пейнтбольного оружия нищенствующих и их кормильцев. Безоружные люди, не ожидавшие подобных вспышек общественного внимания, в первый момент оторопели, но когда краска, без всяких шуток, как минимум, неприятно захлестала по открытым частям тела, народ, от греха подальше, стал разбегаться! Вслед бомжам полетели и очереди зарядов, а ещё и пинки от граждан Российской Федерации, изъяснявшихся на русском языке без всяких акцентов.

Андрей также, не особо задумываясь, ретировался с места ристалища, и, кстати, его совсем не самый простой автомобиль нападавшие не тронули как и пощадили владельца, возможно, причислив того к своей когорте, к числу личностей сноровистых и успешных. Он же, сбежав, отправился зачем-то в ресторан, расположенный в центре и славившийся явной предвзятостью аристократических цен и, видимо, от того малым числом посетителей, что импонировало тихим состоятельным парочкам и задумчивым бизнесменам. Мужчина заказал у модельной офици-

антки приличных размеров стейк, естественно, из мраморной говядины, нарезку из тропических фруктов, салат на основе даров моря и полбутылки самой дорогой водки. Будущий доброволец правильное мясо отрезал предельно маленькими кусочками, окунал их в дежурный соус, пережёвывал и уже после отпивал понемногу из рюмки напитков, имевшийся не во всех магазинах, но располагавшийся исключительно на полках с товаром для демонстративного потребления. Однако, неспешное смакование добротной еды в замечательных и удобных интерьерах никоим образом не урезонило чувство стыда, возникшее совсем не от того, что не смог или не захотел дать отпор великовозрастным хамам; к досадному состоянию, видимо, от паров алкоголя прибавился ещё и страх — страх быть опознанным в ходе раздачи скудной пищи малоимущим. В него же никто не стрелял и даже не пытался, что может говорить о присутствии среди нападавших, например, сына кого-нибудь из друзей, сослуживцев, да и некоторые из молодых коллег также относили себя к бесшабашным байкерам.

Перед одиноким застольем пропахшую куриным варевом и прогорклым маслом куртку, Христа подальше, пришлось выкинуть в урну где-то у входа, а ещё, уже дома, он около часа бездумно лежал в ванне с горячей водой, после чего, не прикасаясь к мылу, вытерся и отправился допивать виски и коньяк, оставшиеся после недавней посиделки. Супруга пару раз заглядывала на кухню, что-то попыталась выяснить, но, в конце концов, на глаз определив значимость и степень опьянения своего мужчины, спокойно отправилась спать; разобранный и застеленный в зале диван дождался ненужного в эту ночь суженного. А у дядьки в потемках, да ещё и без талии родной женщины, а также с изрядно захмелевшей головой, случилась огромная логическая точка в душевных метаниях среди дивного и такого противоречивого русского мира.

* * *

Давешняя захудалая сука от нетерпения и от распоясавшегося ветра тихонько поскуливала, всё плотнее прижимая к пузу хвост, маячивший бесприютно меж задними лапами. Изголодавшееся животное уже бы давно попыталось счастье в схватке с

обессиленным подранком, запах крови которого ощущался вполне отчётливо — он то и вызывал спазмы в пустом желудке, а также поток тягучей слюны, которую приходилось поминутно слизывать с заиндевевшей морды. Да, она бы ринулась из последних сил в надежде на удачу и на своего пёсего бога, но человек ещё достаточно активно жестикулировал, двигал головой и о чём-то почти в голос говорил, обращаясь к неведомому собеседнику. Но главное и самое опасное, по мнению псины, заключалось в финке — её зеркальный клинок опытный боец постоянно демонстрировал окружающему миру, перекладывая из руки в руку. Чем чреват стальной клинок, в деревнях известно каждому от рождения.

И Андрей слышал тихие скулёж и стенания отвратительной бродяжки, а ещё он осознавал, чего такого ждёт возле него непотребная тварь из числа записных друзей человеческих, кстати, не особо впечатлённая поднявшимся к ночи ветром. Однако сделать ослабевший боец ничего не мог, и двигаться в сторону дороги ещё не пришло время — за полем, очевидно, присматривали, запустив с момента наступления сумерек уже вторую осветительную ракету. Доброволец с большим удовольствием поменял бы соседство с голодной собакой на саркастический скрип и щебет задорного снегиря, уснувшего уже, видимо, где-то в тепле чердака одного из домов ближайшего селения.

Ситуация, вероятно, не собиралась как-то самостоятельно меняться в лучшую сторону, что, в числе прочего, никогда не было особой новостью для подранка. Он и в мирный период жизни не особо надеялся на стечение благоприятных обстоятельств — каждый момент, каждое направление требовали внимания, а то и подзадориваний, особенно если к процессу подключали персонал, мотивированный исключительно купюрами. Многолетнее положение руководителя, кои, как известно, являются не более чем начальствующими диспетчерами, породило не только постоянное ощущение собственной востребованности и, как результат, собственной же значимости, но ещё и сформировало стойкую зависимость от возможности решать хоть какие-то задачи — уточнять, согласовывать, принуждать. Или же, на худой конец, при дефиците объектов для воздействия, оставалось отдавать распоряжения себе и с честью их же и выполнять.

В противном случае, а также при отсутствии интернета, телевизора, хорошей компании с коньяком, приходилось в муках и с удивлением изучать сонм собственных мыслей, которые, уподобившись неумолимому сердцу, не останавливались даже во сне! Да, именно они, при вхождении сознания в дрему, перемещались в совсем уж загадочные области человеческой сущности и неведомо зачем, пытаясь срастить и склеить обрывки, выбранные из памяти в случайном порядке, режиссировали дивные по форме и содержанию, а то и чудовищные до дрожи постановки и даже целые эпопеи.

Нечто аналогичное интеллект, обескураженный вынужденным бездействием, пытался сотворить именно сейчас и, между прочим, наяву, рекрутировав в процесс и разум бойца, и его самосознание, которое с превеликим энтузиазмом принялось вытаскивать из нагромождения пыльной документации личного архива если не идеи, то уж точно события сверхценной значимости. Подобный вид деятельности не предполагает особых вознаграждений и в основу фильма, облагороженного Оскаром, явно не ляжет! Кроме того и распространяться о схожих терзаниях знатоки российской действительности не рекомендуют, а то ведь заботливые жёны, тёщи, сёстры и прочие родные, а ещё и преданные друзья с работодателем — дай им волю! — запросто организуют заблудшему упоительное собеседование с медицинским специалистом известного профиля.

Но всё это касалось той части жизни рода человеческого, которая с промёрзшего украинского поля, для истекавшего кровью воина, выглядела как нечто сомнительное, неуместное, а ещё и абсолютно расточительным в свете глупых огней тщетной рекламы, не говоря уже о вымученных чувствах праздношатающихся; именно подобным образом на ухоженных питомцев элитного клуба собаководов мог взирать волк с перебитыми лапами, доживающий в делянках зимнего леса. И дело вовсе не в способе добычи пропитания, а в степени обострения изначальных инстинктов, когда у одних они и в предсмертных муках задействованы ровно на сто процентов, в то время как у городских бездельников всё или позорно стремится к нулю, или же требует указующего перста мудрого хозяина. Меж тем и Андрей вырос совсем не в девственной части природы и до тридцати пяти лет

не ощущал никакого зова со стези доблестного Маугли... или всё же права русская поговорка с её серой братией, которую сколько бы ни кормили, она всё равно известно куда смотрит?

Когда нестойкие и сомнительные рассуждения измученного бойца случайно вышли на звериное племя, ему вдруг припомнилась жестокая возня двух подвальных котов с молодым голубем, только что вылетевшим из гнезда и опробовавшим свои некрепкие крылья.

* * *

О, это была шикарная история, начавшаяся за несколько недель до одного кровавого происшествия! В утро летнего, выходного дня прежде они с женой, а за ними и дочурка проснулись от какого-то истошного то ли писка, то ли визга. Звук совершенно определённо издавало живое существо и делало оно это на самых пакостных нотах, которые своей отвратительностью могли бы смело конкурировать со скрежетом железа, трущегося о пенопласт. Лохматая со сна папина любимица запрыгнула под одеяло, между супругов, и по-детски раскрыв от удивления карие глазёнки, произнесла:

— У нас на балкон приземлилась баба Яга в ступе, и она поймала курицу и собирает её съесть живой, — с фантазией у девочки всегда всё было хорошо, на что неоднократно указывали преподаватели её школы, школы финансируемой вот совсем не из бюджета социального государства.

Сильному полу пришлось отправиться на лоджию, дабы или злую волшебницу изгнать, или установить принадлежность скверных звуков. Но только мужчина открыл дверь, как с улицы послышалось хлопанье крыльев и в щель между балконами, принадлежащими его семейству и верхним соседям, скользнул голубь, и гнусный писк через минуту прекратился. Стало ясно, что в указанном промежутке парочка сакраментальных птиц мира сотворила себе птенчиков, вылупившихся совсем недавно. Сейчас же они, оголодав, своими требовательными голосами устроили внезапную побудку с концертом, обещавшим своей регулярностью затмить самых истовых реперов и прочих фигурантов эстрадного бомонда! Конечно, неспешное возмужание пернатых можно было и прекратить, тем более и смежное се-

мейство также решительно возражало против вокальных экзекуций, и у них таки был лиходейский план по физическому устраниению мелких птах с изгнанием навечно их родителей. Однако и у соседей был малолетний ребёнок — мальчик, с которым дружила дочка Андрея, а бездушное злодеяние запросто могло проявиться как-нибудь, что, определённо, подорвало бы авторитет взрослых раньше времени. В результате непродолжительных обсуждений возник консенсус, позволивший птицам не только гадить от души, но ещё растить и воспитывать потомство до полного его созревания и выпуска в мир реальных страстей, но не человеческого свойства. В перспективе же запланировали и ликвидацию зазора меж плитой одного балкона и крышей другого, путём создания какого-нибудь непреодолимого препятствия сверхнадёжного свойства, дабы сей промежуток не превратился в родильный дом для всяких голодранцев из множественной плеяды братьев меньших *Homo sapiens!*

Однако с хартией свободы для пернатых, кроме прочего вмнявшей людям длительные мучения, не согласился кот, волею судеб разделивший своё жильё с человеческими особями, которые — неблагодарные — вот теперь, когда возникла реальная возможность выйти на охотничью тропу, взяли и закрыли все подступы к добыче, буквально взывавшей к цепким когтям и мощным зубам. Естественно, семейная пара совсем не стремилась ни к видам с окровавленными птичьими тушками, ни к стенам дочурки, обязательно бы расстроившейся от всей этой суровой правды жизни, а потому пушистому любимцу путь на балкон оказался заказан на долгие и мучительные дни... И животинка по имени Барсик страдала всё это, достаточно продолжительное время! Нет, с пищей у домашнего питомца дела обстояли, по его предвзятому мнению, достаточно сносно, но обескураживала несправедливость, суть которой сводилась к нарушению людьми тысячелетнего соглашения, гласящего, как известно, и ныне, что коты смело могут рассчитывать на уют и тепло очага двуногих в обмен на защиту их жилищ, а ещё и амбаров от грызунов и вредителей всех мастей, к коим голуби относились, без всякого сомнения. И вот к чему ж теперь свелись взаимные отношения сторон в истории конкретного котика? Крышу над головой таки никто не удалял, корм не отнимал, но и

предназначение, на века впечатанное в генетический код огромной популяции, осуществлять отдельно взятому её члену не позволяли, что портило настроение и заставляло задуматься о протестах, таких, например, как демонстративное выдёргивание ниток из штор, пары лужиц у ночной лежанки взрослых! Но, главное, это пренебрежение во всём, начиная от закапывания невидимым грунтов остатков еды, регулярно дозируемой людишками, и заканчивая переходом в параллельное существование с их вероломным родом — не слышать, не обращать внимания, не подходить даже на зов!

Но обижаться на весь белый свет, определённо, утомительно, и в ощетинившиеся пределы личного пространства Барсика местная девочка, конечно, допускалась, правда, лишь в качестве подопечной, с которой, как ни крути, следовало играть, развивая подвижность ребёнка, а ещё и воспитывать лёгкими тычками лапой. Кроме того малышка имела доступ к еде котика, и когда выкладывала ароматное лакомство в миску, без всякого угрызения совести допускалось тереться о её ножки-ручки, мурчать и даже пытаться выхватить, как бы играючи, заветный кусочек до окончания процедуры. В сложившейся ситуации, к парочке коварных взрослых подобное дружеское расположение, естественно, никоим образом относиться не могло! Один кошачий вседержитель знал, каких усилий стоило животному флегматичное выражение мордочки, в момент получения корма уже от родителей девчушки — он даже отворачивался от них в такие моменты, а уж трапеза в присутствии нарушителей известной конвенции исключалась полностью и без обсуждений. Как известно, таков путь!

Тем временем семейство голубиное, состоявшее из пары старших и двоих птенцов, благоденствовало в своей уютной щели, как бы специально созданной заботливыми строителями для продолжения рода пернатых. Никто не мешал крылатой живности наслаждаться нехитрой рутинной — корма, как водится в летние дни, хватало, какая-то уж слишком жуткая непогода не пыталась в очередной раз разорить-расстроить хозяев и хозяйство Владивостока, даже свирепому котуку ограничили доступ к гнездовью, а уж он бы нашёл способ добраться до заветной до-

бычи — только открой балкон да распахни остекление! Вот и росло потомство, и мужало.

Меж тем, недаром Барсик имел шёрстку демонически-чёрного окраса, что, определённо, способствовало доставке проклятий, вынуждено направленных в адрес несостоявшейся добычи, к чутким ушам известной рогатой головы, а может речь шла о богах, где кошачьи оказались сильнее птичьих. Короче говоря, к пернатой братии постучалось банальное, житейское горе.

Не секрет, что всем нам рано или поздно предстоит покинуть отчий дом или родное гнездо, или же то будет родовое логово. Первые шаги всегда важны, но ещё и интересны, особенно когда, загрузившись суровым опытом, разглядываешь чужую поступь со стороны, находясь в мощных границах собственной вселенной! Это и произошло в день первого вылета совсем уже повзрослевших птенцов.

Пятиэтажный дом ополченца, построенный чуть ли ни по личному распоряжению забавного кукурузника Хрущёва, углом наглухо соединялся с таким же жилым зданием, что на земле образовало незамысловатый скверик, в былинные времена засаженный кем-то всяческой таёжной растительностью, включая и дивные деревья с заповедных урочищ. Дальше шёл тротуар, за ним межквартальный проезд — знать о подобных, слава Богу, суждено не каждому, что благословляло земляков и на чистый воздух, и на спокойные вечера! Вплотную к автомобильной коммуникации в те же годы, что и жилище воина, расположили небольшой детский садик с аккуратными площадками, беседками, горками для воспитанников, истощавших вечный восторг и устраивавших пёструю кутерьму в период прогулок. С тылу учреждение обрамлялось, как это ни странно, достаточно бойкой железной дорогой, ниже насыпи которой, у самого синего моря, состоятельные граждане образовали некий безымянный клуб яхтсменов с надёжной охраной и искусственной заводью. Именно тут в основном и располагались те самые голубые и белоснежные аксессуары владетельных личностей, призванные беззастенчиво вопиять о сказочной жизни своих владельцев!

Андрею нравилась его, очевидно, не самая огромная из возможных квартира, нравились её удивительно толстые стены, сложенные из старомодного, странного по форме жёлто-розово-

го кирпича, коего давно не сыщешь в сжавшихся пределах Родины. Нравились деревянные полы и почтенные радиаторы, отлитые из чугуна ещё в эпоху заветов Ульянова (Ленина). Кроме того патриархальность улицы, по доброму советскому типу, пробуждала неповторимое в иных частях города ощущение надёжности и спокойствия с какой-то непостижимой уверенностью в завтрашнем дне. А ещё прельщало место расположения дома — не центр, конечно, но вполне достойное и престижное, где стоимость квадратного метра умудрялась соперничать и с некоторыми столичными районами!

Часть окон жилища и тот самый балкон выходили в сторону Амурского залива, за гладью которого в зимнее время хорошо просматривались далёкие сопки, местами синеющие, иногда заснеженные, что зависело и от предыдущих осадков, и от времени суток, а ещё и от настроения вездесущего солнышка, ответственного за прочие синоптические причуды приморских горизонтов. Ближе к новогодним праздникам море покрывалось уже надёжным льдом, позволяя автомобилистам лихо гонять по его белому панцирю; скромные по размеру корабли и прочие кораблики загодя разбегались по уютным портам и заводам, предаваясь дрёме в клубах пара и мелкому ремонту. Рыбаки же с восходом, до бровей укутавшись в тёплое, самозабвенно буравили застывшие покрыва студёного залива; с возвышенного берега и с третьего этажа все они за дальностью расстояния теряли руки и ноги, превращаясь в группки по полтора-два десятка существ неочевидного происхождения, коих, при достаточной фантазии, можно было отнести к популяции мурашей или мошек, тем более, что и они изредка, но всё же перемещались. Заядлые удильщики с маниакальной страстью практиковали своё увлечение, погружаясь в него буквально до гробовой доски, о чём гласила статистика, согласно которой каждый сезон подлёдного лова собирал ещё и скорбную жатву, унося к Нептуну десятки несчастных.

Но все эти прелести с их студёным простором, высью небес и сказочной далью в оранжево-малиновых лучах заходящего солнца наблюдались лишь с поздней осени до середины апреля, до момента, когда белоглазая зимушка-зима сбегала-таки в сторону Берегового пролива, оставляя мироздание на попечение

легкомысленной палитры тёплых красок. Уже в конце марта деревья, расположившиеся на пяточке сквера, покрывались почками, далее цвели и, в конце концов, одевались в зелень, прежде совсем невинного, трепетного цвета и размера, но процесс возмужания и перехода к состоянию зрелости занимал непродолжительное время; лёгкая паутинка листвы уплотнялась, мечтая, видимо, о статусе таёжных дебрей. И вот уже за кронами совсем не видно ни моря, ни тех далёких сопок — пространство однажды сжималось, и явь за окном, необъятная ещё недавно, обрела ту камерную замкнутость, где тихо властвовали старческий уют и безмятежность.

Вот именно в такой, ничем непримечательный день дочурка Андрея со своенравным котом устроили очередную незлобивую возню на широченном подоконнике общей комнаты. Откровенно говоря, животинка уже подзабыла, что собственно привело к разладу с вездесущими взрослыми; ссора тяготила, но в целом настрой на конфронтацию пока сохранялся, правда, без дорогостоящей порчи имущества и без прочей обструкции — дело явно шло к традиционному примирению.

После того, как родители оценили внешний вид чёрного котика с алой лентой, с величайшим трудом повязанной на шею, — сочетание цветов было вполне уместно! — девочка, опять раскрыв глазёнки, сообщила новость:

— Смотрите, смотрите! На краю крыши балкона сидят голубки, они крыльями машут, а не летят, наверное, это птенчики уже выросли и вышли погулять! Мама, папа, смотрите же...

Родительница, смакуя удовольствие, должного энтузиазма не проявила; её ухоженные ступни расположились в пафосном устройстве, заполненном отваром ромашки с добавлением чего-то санкционного — от вражеских производителей с противоположного берега Тихого океана. Массажный механизм с деловитым урчанием разминал ножки от самых пальчиков до щиколотки, что к удивлению отражалось и на лице женщины, сочетая одновременно и отстранённость, и сосредоточенность. А вот будущий ополченец, невзирая на забавный сюжет в домашнем кинотеатре, подошёл-таки к окну и, действительно, увидел, как две молодые птицы, цепляясь коготками за верхний карниз, беспрядочно хлопали крыльями, не осмеливаясь, однако, совершить

первый вылет. Там же, но чуть в стороне сидела белая голубка — очевидно, их матушка — и с неподдельным интересом наблюдала за своими чадами, отец же с искрящейся грудкой, положенной всем приличным парням, кружил неподалёку, как бы призывая отпрысков броситься, в конце концов, в небо, к облакам и к новому качеству жизни.

Барсик, смерившийся на время с алой удавкой, как только подошёл мужчина, принял положение незабвенной копилки, обратив в сторону улицы свой нарочито флегматичный взор, но и ему пришлось неким образом оживиться, ведь за окошком, буквально в трёх метрах, производила суету и шум пара пернатых, имевшая с известного времени статус его законной добычи! Животное немного напряглось, но уже через минуту резким движением приблизило мордочку к стеклу, как бы пытаясь более внимательно рассмотреть жанровую сценку из жизни голубей, за этим последовали ещё какие-то ужимки всем чёрным тельцем, пассы передними лапами, после чего, осознав тщетность своих притязаний, кот, в качестве успокоительной меры, стал вылизываться.

И тут птенчики-тинэйджеры одновременно, не сговариваясь, камнем ринулись вниз, но, недолетая до земли, замахали крыльями с такой силой и отчаяньем, словно это завзятые театралы разразились аплодисментами, что и девчущку подвигло к восторгу и хлопкам в ладошки. Очередная суматоха и гвалт обескуражили сурового кота, и он таки прекратил омовение, замерев в низком наклоне, ещё и ротик забыл прикрыть — язычок так и остался торчать меж острых зубов. Малышка, заметив такое безобразие, не упустила возможность и пальчиком засунула кусочек розовой плоти в маленькую пасть пушистого друга, за что получила лапой, но не расстроилась и с радостью отправилась сообщать маманьке забавные новости.

Барсик же с Андреем так и остались созерцать воздушные фортели и пируэты новейших асов. Птицы, меж тем, продолжали вить свои замысловатые петли, то взмывая почти к облакам и теряясь на их фоне, то падая к матушке-земле, да так, что в комнате слышался свист воздуха, с бешеной скоростью проходившим сквозь перья! Полёт, очевидно, до предела вдохновлял голубей, но и он не мог длиться бесконечно. Молодые особи, в

конце концов, уселись на ветку ближайшего к балкону дерева, через минуту к ним присоединились и родители, которые тут же заворковали, как бы выспрашивая детишек о первых впечатлениях, и чада таки с энтузиазмом отвечали — беседа оказалась оживлённой и достаточно продолжительной.

Выпускной пернатых уже было подошёл к завершению, и наблюдатели, потеряв интерес к улице, намеривались вернуться к своим делам и заботам, но тут на стриженую травку у дома заявили два кота; в любом российском подвале найдутся подобные красавцы, славящиеся неуёмной бесшабашностью и уркаганскими наклонностями! Например, эти подельники-близнецы, народившись прошлой осенью, уже умудрились довести буквально до инфаркта престарелого пинчера, которого с наслаждением и регулярно гоняли по двору, а ещё у пожилой женщины разодрали пакет и утащили вполне себе приличный кусок краковской, пока болезная, оставив покупки без присмотра, оживлённо разговаривала по телефону! Местные бабушки, дедушки, конечно, должным образом обсудили происшествие, но в целом... в целом ребята показали бойкость того полезного разряда кошек, что не позволят никаким грызунам оккупировать родные пенаты, за что фигуранты колбасного дела получили вечную индульгенцию на безобидное баловство.

Барсик, лицезревший парочку регулярно, когда-то давно поделил всех живых существ на четыре неравные категории, где, во-первых, царил он сам — существо, устанавливающее правила, во-вторых, изредка появлялась добыча — к ней, увы, относились лишь мухи, бабочки и птицы. Другие божьи твари со среднего этажа плохо опознавались, однако, смекалистый кот подозревал о более существенном разнообразии возможных трофеев, он даже догадывался, что в сокрытии сего богатства виноваты эти люди — третий и, так сложилось, необходимый вид живности! У двуногих была основная функция, определённая творцами изначально, которая заключалась в доставке откуда-то корма, в его сохранении и в постоянном выкладывании аппетитной консистенции в очень специальную чашечку, кушать из коей, между прочим, запрещалось даже девчужке. Каким образом они находили еду, животное не заботило — это была их задача, и они, в целом, с нею справлялись! И, наконец, в сей мир, непо-

нятно зачем, а ещё непонятно кто, поместил собак, ведущих совершенно недопустимый образ жизни — это вечное виляние хвостом, радостное снование за какими-то предметами, которые подлые хозяева кидали, требуя вернуть, что делалось, определённо, ради унижения, в то время, как эти бестолочи, очевидно, преданы своим людям до самой последней степени! Котофей отнесил всё это племя идиотов к четвёртому виду — к самому низшему и абсолютно непотребному... Но, увы, к нему же пришлось причислить и своих сородичей, а именно бродячих котов, которые имели наглость перемещаться по улице без спроса и без всякого ограничения, а ещё и охотится, и — о подлость! — спариваться... и было-таки с кем!

Вот и сейчас появились эти бродяжки в своих пустышных шкурках, типичного для подвалов серо-полосатого стандарта «А-ля Васька». Домашняя животинка уже давно приглядывала за несчастными, но лишь в полглаза, расположившись на высоте, к слову, недоступной для всякой гольтьбы! В итоге наблюдений выяснилось, что даже если кто-то из фигурантов изначально прогуливался или шалил в одиночестве, то неизменно, в течение совсем краткого времени второй к нему обязательно присоединялся, что выглядело непонятным и подозрительным! А как они этак осуществляли коммуникацию, а и с какой такой тайной целью не расстаются? Возможно, следят друг за другом из-за какого-нибудь угла, помеченного собаками, страдающими, как издревле известно, недержанием. А что если так и есть то, сие не лезло уже ни в какие рамки и, стоит заметить, у британских соплеменников, с достойным прикусом и прочими заслугами, выслеживание считается полнейшим моветоном. Любое антиобщественное хулиганье не догадывается, что практически всегда находится под присмотром с неизменными подозрениями в приступных деяниях или, как минимум, в тех же намерениях. Но если бы дружная парочка знала о наличии соглядатая, то уже, в свою очередь, удивилось до чрезвычайности — и без того хватало забот, например, что делать с несметным числом кузнециков, налетевших откуда-то, их же, как вариант, срочно следовало съесть, но сил-то уже никаких нет. И что ж прикажете теперь делать? А тут ещё эта чёрная рожа с третьего этажа...

Но Барсик, как в тот день оказалось, не один разглядывал дворовых бездельников — на них обратили внимание и молодые голуби, спланировавшие на землю, как нарочно, где-то в полтора метра от котиков, чем очень и очень озадачили полосатых. Птицы беззастенчиво и с наслаждением принялись выклёвывать плоды бессловесной флоры и ту часть фауны, которая, по своему обыкновению, ползала и прыгала. Но владыки ближайшего подвала и его окрестностей не сомневались и минуты в том, что, как минимум, эти козявки являлись исключительно их и только их добычей, и всякое покушение на действующий статус-кво может быть приравнено к разнузданной провокации или даже к агрессии, что никоим образом не могло остаться без надлежащего внимания. Именно так: никоим образом! Наглецов следовало должным порядком и показательно покарать или хотя бы выгнать за пределы личного суверенитета животных более высокого и ответственного порядка. И случилась-таки атака!

Пушистые сорванцы как-то по-особенному переглянулись и, обходя с флангов нарушителей, пригнувшись до самой последней возможности, краткими перебежками начали наступление! Но и их визави оказались не так уж глупы и заметили изменение в дислокации недоброжелателей. Одна из птиц, видимо, с психикой непопорченной едкими брызгами тестостерона, предпочитая гарантированно не числиться в трофеях, вспорхнула и скрылась в кроне ближайшего дерева, в то время как её сородич всего лишь отбежал в сторону, да и то без особой энергии. Однако, скучный манёвр оставшегося смутьяна был понятен охотникам и не оставил на сосредоточенных мордочках и усмешки — не такое видели, не с таким справлялись, о чём могли бы поведать многочисленные грызуны, но, увы, участь всякой добычи — молчание. Ближайший от пернатого кот попытался зайти совсем уж в тыл упряма, в тот момент как другой привстал, отвлекая внимание, но и это несильно сработало — голубь, поднявшись в воздух на несколько сантиметров, спланировал за фронт нападавших и мирно продолжил трапезу.

Суэта с перебежками, краткими перелётами и прочим метанием, правда, не имевшая определяющего разнообразия, повторялась многократно, задержав и заставив Барсика и Андрея с любопытством разглядывать незамысловатые, но всё же нестан-

дартные для сонной дворовой жизни события. Мужчина непонятно с чего, но проникся уважением именно к паре охотников и, очевидно, находился на их стороне, взбудоражившись, словно речь шла о финале чемпионата мира по хоккею, где в бескомпромиссной сшибке отчаянно схлестнулись канадцы с нашими мужиками. Сложно сказать за кого болел домашний любимец, но и его история, творящаяся, увы, вне зоны прямого доступа, вероятно, заинтриговала — животное от возбуждения сновало туда-сюда по подоконнику, а в наиболее острые, по его мнению, моменты приподымалось на задних лапах, буквально припадая к стеклу.

В целом наивная пантомима сводилась к издевательствам героинствующей птицы над незадачливыми кошками и, наверно, рано или поздно разрешилась бы отлётом пернатого подальше от назойливой парочки, тем более, что растительной и животной пищи уже вполне хватило. Но тут случилось непредвиденное, непоправимое и, определённо, страшное... Так сложилось, что кто-то из жителей дома или прохожих, распотрошив старую магнитофонную кассету, забросил размотанную плёнку на газон, чем оказал голубю скверную услугу — одна из лапок попала в петельку из крашеного целлофана. Понятное дело, у пернатого подростка, вылетевшего из гнезда полчаса назад, напрочь отсутствовал всякий опыт, и, обнаружив путы, тот попытался ретироваться, но удавка как-то вдруг затянулась на коготках, и разворот лишь усугубил ситуацию, связав уже обе конечности. Сизокрылый символ мирных намерений подпрыгнул с досады и попытался упорхнуть в родное гнездо — такое близкое и такое безопасное! Но не тут-то было — крепкий полимер не желал обрываться и, в натяг, последовав за птицей, ожидаемо зацепился за какой-то сучок, от чего пернатый дёрнулся и камнем рухнул вниз, повиснув над самой травой. Все попытки улететь, так или иначе, приводили несчастного к одному: он, падая к земле, раскачивался на проклятой привязи, отчаянно хлопая уже подуставшими крыльями.

Андрей такого поворота не ожидал! Лёгкая комедия стремительно превращалась в самую настоящую драму, где мужчина, разволновавшись от напряжения, вспотевшими ладошками потирал как-то вдруг покрасневшую шею, и мысленно призы-

вал к действию и подбадривал котиков: «ну-ну, ребята, ловите же его, а то уйдёт же». Но пушистые сорванцы не поняли, что это такое чудное тут происходит, и с озадаченным видом разглядывали мучительные метания бедной птицы — она в миг из ряда нарушителей суверенитета и возможной добычи трансформировалась в персонаж, походивший на циркового артиста, который крутил сказочные пируэты, поражая зрителей своей смелостью, ну и мастерством. Будь такая возможность, они бы и аплодисментами разразились, но подобные проявления восторга животным, как известно, не свойственны, а вот инстинкты таки берут верх над прочей глупостью; один из котов, выпрямившись, несмело подошёл к измученному пленнику и стремительно нанёс удар куда-то в область головы, прибавив пернатому ажиотажа. Голубь истово захлопал крыльями, и случайно возникшая подъёмная сила позволила несчастному взлететь ещё раз, но пленка, как и прежде, натянулась, и опять произошло досадное падение — в этот раз уже в лапы охотника, который запрыгнул на живой трофей и с силой вцепился в него всеми бойцовскими когтями и зубами.

Андрей в момент триумфа кошачьих с торжеством победителя как доброго друга обозрел Барсика; с ним вместе они наблюдали за стоящим матчем с феерической развязкой! Животинка ответила странным кивком и, словно лев в клетке, продолжила снова по подоконнику, ещё и истерично мяукая, царапая стекло, видимо, надеясь попасть к собратьям, бьющимся за честь всего рода. На улице же драма перешла к своей основной — кровавой части! Полимерная удавка, не выдержав все двух тел, лопнула, но волю птица, лишённая свободы крыльев, — своего чудо-оружия! — не получила. Кот, свалившись несуразно и неудобно, всё своё раздражение выместил на несчастном сизаре, которого в дикой эйфории принялся грызть и рвать, особенно усердствуя задними лапами. Второй из пары безродных хулиганов в свару не лез и не мешал сородичу, он лишь ходил вокруг живого клубка из шерсти и перьев, флегматично обнюхивая что-то в траве. Через пару минут остервенения из шеи жертвы брызнула-таки кровь, крылья почти тут же перестали хлопать, а свирепое животное, поняв, что всё кончено, отпустило безнадежно гибнущий символ мира и надежды, который, не-

много подёргавшись, затих окончательно, словно речь шла о надвунной игрушке, проткнутой спицей... ради забавы, конечно.

Коты к поверженному врагу подошли парой и с большой осторожностью. Осмотр взерошенной тушки происходил с очевидным интересом, говорившим об уникальности добычи. Каждая часть птичьего трупa выглядела и нелепо, и как-то пугающе — голова с открытым клювом на сломанной, очевидно, шее оказалась закинутой назад таким образом, что в остекленевших глазах отражались и спина с крылом, торчащим веером в небо, и обе розовые лапки, крепко накрепко спутанные старой магнитофонной лентой. Процесс обзора трофея сопровождался обнюхиванием, а ещё они каждый по разу аккуратно коснулись несчастного: то ли пытались разбудить бывшего недруга, ради продолжения, то ли хотели удостовериться в качестве своей работы, мол, сдохла ли божья тварь или же ей ещё добавить...

Мужчина, меж тем, совсем разволновался к финалу, ощутил себя кем-то вроде патриция на гладиаторских боях; он бы обязательно опустил большой палец вниз, голосую за скорую и безусловную расправу. Однако, находясь совсем не в античном Риме, будущий доброволец не смог реализовать свою, внезапно возникшую страсть к крови, да и ситуация с голубем совсем закруглялась — бродяжки, закончив осмотр, потеряли к трупy всякий интерес; подельники дежурно вылизались и удалились восвояси. Родители же погибшего с его сестрой или братом — кто их разберёт! — как тот коммунистический отряд, который «не заметил потерю бойца...», продолжили что-то клевать, летать и зазывно ворковать на весь двор, ещё до них умиротворённый своей архаичностью.

Покинув свой наблюдательный пост, Андрей ощутил стойкую потребность в крепком алкоголе, но спиртное дома для всякого случая не держали. Конечно, соответствующий магазин работал и располагался неподалёку, но это же необходимо что-то накинуть на голый торс и отправиться на улицу, на что кипящее сознание не соглашалось — его недавно захлестнула волна тестостерона особого качества, и сейчас приходилось отплёвываться и отфыркиваться, полагаясь исключительно на рефлексy, а они тормозили и напрягали буквально каждую клеточку. На помощь мужичку пришла дочка-ангелочек, которая, накормив Бар-

сика, отправилась на часок-другой к подружке в соседний подъезд. Не мешкая, отец семейства подсел к жене и без всякого прелюдия, молча запустил руку в прорезь халата, тут же встретившись с упругой, весомой грудью, уверено стремящейся к третьему номеру; расслабленный было сосок, тут же отозвался — подобрался, набух, будто и супруга ждала своего суженного с вполне понятными мыслями. Женщина с удивлением, но одобряюще улыбнулась и, хитро осмотрев мужа, дала-таки волю своим тёплым ладошкам, которые знали все правильные стёжки-дорожки и умели свести воедино оба организма, доведя их, в конце концов, до высочайшей, звенящей ноты возбуждения, которая разряжалась такой феерией взаимного наслаждения, что небеса, прикусив губу, завидовали, ой, как завидовали!

Дядька, настроив ритм движений до вышесредних значений, на аккуратную спину супруги смотрел без традиционного восхищения, а и в меру округлые ягодицы, образовавшие с талией и прочим рельефом эксклюзивное сердечко, так призывно пружинящее его толчки, сексуальностью своей отчего-то не добавляли страсти — её и без этого хватало, но происходила она совсем не от вида обнажённого тела молодой женщины, и уж конечно не от светлого образа матери его ребёнка! Нетугие, домашние кошечки от непрерывных импульсов одна за другой соскользнули с плеч и упали на кровать; уже волосы наполовину растрепались, опутав руки жены, согнутые в локтях, однако, и они к действию не добавляли эротики. Мужчина по обыкновению наблюдал, как груди любимой, находясь с ним в сумасшедшем резонансе, отвердевшими сосками цеплялись за складки сбившегося покрывала, от чего супруга делала короткий, звучный вздох и вздрагивала, добавляя к достигнутому экстазу ещё по полновесной капле наслаждения, но и тут естество самца не получало вдохновение.

С усердием погрузившись в, казалось бы, рутинное для любой семейной пары занятие, Андрей никак не мог отделаться от сцены с убийством голубя бродячими котами — она не желала оставлять в покое сознание и завораживала, манила! Манила едва заметной с третьего этажа струйкой крови, предсмертными трепыханиями несчастной птицы, но, главное, ощущением причастности к схватке, словно он находился в одной команде или в

одной группировке, банде с пустяжными генералами ближайших подвалов. Незамысловатая и естественная для дикой природы ситуация никак не отпускала вечного горожанина, а ещё теннисным шариком всплыло обидное чувство незаслуженной отстранённости, словно не Барсика, а его изолировали от славной и, слава Богу, коллективной, кровавой охоты! И это его — мужчину! — огромного, определённо, мощного самца, продолжателя рода, сказочно одарённого множеством преимуществ, умеющего достигать фантастических глубин и результатов... Именно на этой нескромной, но возвышенной мысли, под грохот и стон спального гарнитура и произошла чудовищная по энергетике разрядка и опустошение взмокшего Андрея! В последние секунды действия прозвучал неистовый вопль почти на пределе возможностей голосовых связок, который заставил вибрировать всё пространство квартиры! Звук, переходящий на излёте в грозный рык, отчаянно подхватила любимая женщина — два голоса, слившись в безумной какофонии, так и улетели в скучный эфир города, чтобы вызвать у прохожих и одобрительную улыбку, и кривую усмешку, и неподдельное возмущение...

Когда ж милое дитяtko в сумерках, наконец, решило вернуться к своим игрушкам, лязгая ключами в замочных скважинах, любовники, не закончив очередной раунд в череде удовольствий, вынуждено и с горечью вырвали-таки себя из райского сладострастия. Ребёнка, естественно, никто не ругал за опоздание, девчущку, наскоро накормив и ополоснув, отправили спать, дабы процесс продолжить и завершить его глубоко за полночь, распластавшись по всему супружескому ложу и провалившись усталыми в счастливую дрему с улыбками совершенных безумцев...

* * *

Грязная позёмка, сдобренная сухим снегом, очевидно, являлась порождением двух начал: русского холода, сквозящего, где придётся, и знаменитого украинского чернозёма, способного и вскормить православного, и, превратившись в тончайшую пыль, запорошить ему глаза окончательно, что и делали с подранком десятков небольших вихрей, которых гонял по полю совсем обнаглевший ветер. Чумазые засранцы один за другим налетали на

мужчину, ввинчиваясь в прорехи верхней одежды, дабы последнее тепло отобрать и вышвырнуть на потеху грядущему к ночи свирепому морозцу — они раздражали воина чрезвычайно! Крутящиеся, бесплотные сущности представлялись дядьке сворой непотребных бесят; о подобной и прочей нечисти в глубоком детстве частенько рассказывала родная бабушка — та самая, которая мастерски резала мясо на кубики. Старушка многое умела, но запомнилась почему-то именно аккуратной поджаркой с грибами, а ещё замечательными ковригами, обсыпанными мукой и благоухавшими до головокружения, — какие рецепты, какие добавки, применялись лишь продукты из сельпо, мудрость украинских женок да дровяная печь с духовкой, выдавшие виды. Её родителей, умудрившихся сохранить детишек в голод тридцатых, за год до войны, слав Богу, переселили на Дальний восток и именно из этих самых мест.

Разумеется, Андрею многое не нравилось в текущей ситуации, особенно то, что сбережённые в течение дня силы и энергию, приходилось тратить на поддержание зябнущего и с каждой минутой дряхлеющего тела; по аналогичному графику из мира уходило и солнце, не сумевшее ни обогреть, ни приличным образом осветить эту унылую до дрожи округу.

Ничего не изменилось к лучшему и от воспоминаний о кровавом инциденте с несчастным голубем и о безумном соитием, длившимся, между прочим, несколько часов, правда, с естественными перерывами! Благоверная, и раньше не обделённая супружеским вниманием, смотрела после неистовства на своего избранника ещё и как на самца, достойного самых высоких похвал! Однако, в тот раз молодая женщина, насытившись до предела, по своему обыкновению промолчала, а напрасно — могло так случиться, что и дальше супруг находился бы в адекватном состоянии и в зоне прямого доступа... Сейчас же боец, с окончательно отяжелевшей головой, никак не мог понять, с какой такой целью совершил экскурс к той далёкой истории — нить, призванная соединить воссозданный эпизод с предыдущими размышлениями, оборвалась в нескольких местах, а на узелочки-то времени уже не было. Единственное, что сейчас знал и помнил Андрей о котлах-убийцах и о последовавшей плотской феерии, так это то, что приблизительно через неделю после про-

198

исшествия завершилась рутина его бытия. Правильней будет сказать, что она, презрев самое доброе отношение к своей сущности, взяла и развалилась — распалась на несколько несимметричных кусков, оголив внутреннее содержание, на упорядоченное содержание которого мужчина уже не мог даже смотреть. И он стал искать контакты для выезда в воюющий Донбасс — и отец семейства таки быстро нашёл необходимое, а ещё всё нужное и скопленное за годы благообразной обыденности вдруг стало иметь смысл лишь в виде активов, которые надлежало оставить семье, а также потратить на перемещение в заданную точку.

Сначала послышался какой-то шелест, а за ним то ли свист, то ли отрывистый скулёж, доброволец даже развернулся в сторону, где, предположительно, находилась собака, о которой забывать не стоило. Расстроенный интеллект подранка, несмотря на солидный боевой опыт, чужеродные звуки в первый момент идентифицировал неверно, почему-то отнес их на скверный характер захудалой бродяжки, но уже через миг ошибка проявилась — справа раздался взрыв небольшого снаряда, за ним прозвучал второй, что совсем не удивило обстрелянного бойца. Скорее всего, артиллерия была не по нему, погружённому в крошечную темноту, которая уже вступила в свои права, распорядившись и приветливую луну, и задорно моргающие звёздочки скрыть чёрным саваном туч ради грязных дел этих людишек. Видимо, от нечего делать или же от страха братья из предыдущей версии отечественной истории решили выпустить парутройку зарядов в сторону противника — подобное случалось часто у враждующих сторон. Но странным было другое, а именно то, что, оказывается, во время налёта Андрей уже стоял, правда, в полусогнутом состоянии и на одной лишь левой ноге, опираясь на сломанный автомат, приклад у коего был разложен. Доброволец как-то упустил эти свои действия, он не мог припомнить, как давно поднялся и далеко ли ушёл, и главное, в нужном ли направлении... Что уж совсем встревожило воина, так это поведение псины, которая, очевидно, чувствуя скорую поживу, приблизилась к нему на расстояние одного броска. Животное, находящееся теперь за спиной Андрея, обозначила вспышка от детонации второго снаряда, ничего другого рас-

смотреть уже не удалось. Как только воронки от разрывов и какие-то искры вокруг потухли, так и весь мир даже не во мрак погрузился, а стремительно сжался чуть ли не до границ тела мужика! Густая темень и кажущаяся пустота давили на психику не только неопределённостью, с которой уже ничего не поделаешь, но и бессмысленностью некоторых чувств — от глаз и ушей совершенно не было толку, разве что холод с большим удовольствием щипал органы слуха, ставшие избыточными рядом со зрением.

Боец преодолел рефлексы профессионала и в этот раз не упал ни от одного из прилётов. Во-первых, не факт, что удалось бы ещё раз встать на относительно здоровую ногу, ковылять же, опираясь на разложенный автомат, все-таки получится побыстрее, чем ползти на локтях. Во-вторых, супостаты стреляли кучно, попадая неизвестно во что, метрах в ста двадцати от раненого, что, конечно, не гарантировало от попадания осколков, но при таком калибре не грозило уж очень. В третьих же и главное, следовало дожидаться ещё одного выстрела, дабы по звуку движения и при вспышке определиться со своим местоположением. Бой в районе подразделения давно закончился, и здесь враги затихли — ориентиры отсутствовали, а отследить направление, откуда была артиллерия пока не получилось. Раньше хоть городки и деревеньки на удалении светились как-то да трезвонили непременно машинами, собаками, где-то музыка играла, теперь же, струхнув, цивилизация совсем ушла в подполье; лишь у ближайших кочек и пригорков, покрытых, видимо, не совсем запылённым снегом, чернота, на диво, казалась не то чтобы серой, а как-то более светлой.

Со времён Великой Отечественной войны упорно ходит легенда, гласящая, мол, если снаряд летит в конкретного бойца, то звук от него несчастному неслышен. Как правило никто не пытается доказать обратное, хотя свидетелей подобному факту, понятное дело, немного. На показание же тех, кто выжил в развитии скверных обстоятельств, особо полагаться не стоит — память в спокойной-то жизни даёт осечки, а тут такое...

Андрей успел ощутить острую боль в спине и от чего-то пустые лёгкие, а ещё он увидел зарево, застлавшее взор сплошным золотым веером, в основании которого переливалась алым

чудесная по красоте сердцевина! Боец почти тут же с радостью понял, что к нему вернулся тот самый снегирь-шалунишка с той самой красной грудкой, а ещё он — бродяга! — и принёс как-то это свет, коего так не хватало ещё минуту назад, что умиротворяло и обещало достойный выход из позорной для него и, вообще-то, пошлой ситуации!

К полуночи собака без роду и племени вернулась к своим щенкам оглушённая взрывом, и немного прихрамывая, но зато с желудком, до отказа наполненным свежениной и с сиськами, из которых молоко уже капало от избытка. Животное улеглось в пустующем угольном сарае, на старую фуфайку, брошенную для неё сердобольной директоршей школы. Слепые детёныши впятером мгновенно облепили мамку и пиявками ухватились за соски, от чего уставшая и продрогшая псина, успокоившись наконец-то, заснула сном праведника... А ещё её грела мысль о запасе еды, с которым торжественно, но всё же скрытно пронеслась она по посёлку. Понимая, что уже к завтрашнему вечеру от дымящейся и парящей прорвы свежей плоти может ничего не остаться, животинка предусмотрительно захватила вполне себе приличную косточку с солидным куском мяса; сучка её прикопала в угольной крошке на входе, планируя обглодать сразу после рассвета.

Собака не умела считать и не догадывалась, что за пару минут до её возвращения крыса утащила одного из детишек — утащила и почти тут же съела, по своему обыкновению сообщив о шикарных возможностях ещё паре товарок, которые уже шныряли вблизи логова. Обнюхивая пространство сарая, серые мерзавки быстро обнаружили заначку и тоже досыта отведали свежего мяса. Сделали они это ровно в тот момент, как супруга Андрея закончила утренний коитус выходного дня со своим новым мужчиной, с которым встречалась, уже не таясь; прошлым вечером с дядей познакомили и папину дочку-ангелочка. Женщина лежала в истоме, озарённая лучами восходящего солнца, заглянувшими в нескромную прореху между шторами, и предвкушала поход по замечательным местам любимого Владивостока...

* * *

Доброволец отправился в Донбасс тайком, как и советовал посредник, он даже не уволился с работы, чем весьма озадачил руководство родимого предприятия, которое, конечно, должным образом рассчиталось с супругой, коей была оставлена соответствующая доверенность, но вот что-то вразумительное выведать у насупившейся женщины не получилось. Ценного работника официально даже на какое-то время оставили в списках, надеясь на его возвращение, но, получив серьёзный заказ в Большом Камне, об исчезнувшем забыли. Было решено открыть филиал в том городе серьёзных корабелов, включая офис, а значит, понадобились и мебель, и, конечно, сейф!

Мастера по вскрытию запоров нашли быстро и, по нашим меркам, за сущие гроши. Ухоженный и выбритый субъект преклонного возраста даже ничего не сверлил, не ломал, а достал всего лишь толстую проволоку, скрученную этаким образом, вставил её в скважину несгораемого шкафчика, обнажив на кисти татуировку времён культа личности, крутанул и замок открылся... Немые сцены частенько навешиваются к людям, одна из них случилась как раз после открытия дверцы — позвали тут же и сразу именно директора, но и он не прибавил понятных звуков, однако, распорядился, в связи с отсутствием ключей, заклеймить, от греха, аксессуар скотчем.

На следующее утро в офис пожаловали два дезинфектора из ближайшей клининговой компании, которые, обрядившись в шелестящие фирменные комбинезоны и надев респираторы с перчатками, извлекли-таки из сейфа под сотню разноцветных рулончиков туалетной бумаги, диаметр каждого был почему-то не более пяти сантиметров. Странную коллекцию с должной осторожностью упаковали в какой-то объёмный резервуар из пластика для последующей утилизации, а внутренность сейфа обработали жидкостью, пахнувшей отвратительно...

Анастасия Яковлева
Одесса

НАВЬИ СКАЗКИ

1.

Время камни собирать и забирать вещи. Сколько бы он ни оттягивал этот неприятный момент, но в квартиру к Диане придётся заглянуть.

Диана не торопилась открывать дверь на его звонок. Догадывалась, что это он. Догадывалась, зачем пришел. А ему хотелось просто и без скандалов уладить всё. Уже целый месяц пытался дать ей понять, что время настало. Грубо, конечно, получилось — он просто самоустранился из ее жизни, на звонки отвечал уклончиво и лениво. Но Диана звонила снова и снова, как будто тот скромный джентльменский набор вещей у нее дома обязывал его как минимум к гражданскому браку.

Когда дверь все-таки открылась, Алекс обратил внимание, что Дианка выглядела осунувшейся, даже испуганной какой-то. Значит, нужно поторопиться. побыстрее избавиться от постыдной обязанности излишних извинений. Только как? Она дамочка упрямая. Может просто так и не отпустить. Жалость жалостью, но невозможно ведь основывать свои отношения только на ней. И она должна это понимать, но не понимала. Диана вообще отказывалась понимать позицию другого человека. Умела только за других решать. И за Алекса в том числе. Не давая права выбора. Это тоже послужило причиной...

Зашел. Она позвала на кухню чай пить, но разговор не клеился. Просидев минут пятнадцать для приличия, Алекс направился вначале в ванную комнату забрать бритвенные принадлежности и туалетную воду. Затем в комнату. Там — диски. Что еще? Особо и не нужную игрушку-талисман — домовенка с покачивающейся головой. Благо книжная полка находится на кухне. Хотелось Дианку спровоцировать, если честно. Да. Но она так на кухне и просидела. Только когда стал входную дверь от-

крывать, выскочила следом. И волной упреки. Даже страшно, ему, мужику, стало от такой кошачьей ярости. Буря. Схватит и утащит обратно. На дно. Затянувшиеся отношения — дно и есть.

— Хватит уже! Неужели неясно?

Вцепилась. Ей страшно. Вдруг. Взрослой женщине страшно оставаться одной в квартире! Шорохи. Ага. В дверь входную кто-то звонил, а на лестничной клетке пусто. Выдумщица! Лишь бы его не опустить!

— Милая, а ты по бабкам-колдуньям больше ходи. Еще и не то померещится. Привороты всякие продолжай на меня делать. Думаешь, я не в курсе? Мне все сороки на хвостах приносят. Но не поможет тебе это. Вот, смотри, я сделаю шаг через порог, а ты меня отпустишь.

Не успел и движения сделать — успокоилась. Подозрительно быстро.

— Ну и ладно. Не собираюсь я тебя насильно удерживать. Обойдешься. Но мне действительно страшно. Верить или нет — твое дело. Справлюсь без тебя. Как и до тебя справлялась. К бабкам больше не пойду. И так хватило впечатлений. Оно того не стоит. Вот только у меня к тебе одна просьба. Ты сейчас на улицу будешь идти, вынеси один маленький пакетик. Бабка одна дала. Но, как вижу, не пригодится.

— Угу. Наверно, что-то весьма токсичное. Судя по запаху. Воняет, как дохлая рыбина. Ох, Дианка. Ты бы еще дольше этим дерьмом подышала, не только бы шорохи стали мерещиться, но и загробная жизнь. Аккуратней с этим надо быть.

Взял целлофановый пакетик. Внутри какая-то жижа болотная, в тряпочку замотанная. Рассказать кому — приколы.

Уже садясь в лифт, услышал, как Диана ему что-то шепчет вслед. Не...бабкина тема ее, похоже, не отпустила. Нейметса.

— Крибле-крабле-бумс! — уже из дверей лифта со смехом ей выкрикнул.

Пакетик бросил в дворовый мусорник. Аминь кошечкам. Хотя они не дуры такое жрать. Рука еще долго рыбой пахнуть будет.

Доехал домой. Присел на скамейку возле парадной, чтобы отогнать от себя докучливый запах.

В парке возле дома стрижи рассекали воздушные кубометры. Темнело постепенно. Солнечные полосы опустились до горизонта. Покраснели. В жиденьких облаках скрылись. Воздух в бассейне двора остыл. Разбрелись мамки-няньки с детишками по домам. Птицы постепенно тоже угомонились. Какой-то звуковой вакуум образовался. Ну, точно, как будто не на воздухе ты находишься, а в воде. И вода эта не шелохнется.

Пора бы и домой. Но тут, уже в сумерках, Алекс услышал, как голос женский, негромкий, приятный такой, напевает коротенький музыкальный мотив. Всего пару нот. Опять и опять. Обрывается. Одна и та же мелодия. При этом рядом никого нет. Весенние сумерки сильны не настолько, чтобы за стройными рядами парковых деревьев не заметить певичку. Непонятно, откуда слышится голос: спела и бросила, спела и бросила. Отрешенно как-то. Так поют, когда рукоделием занимаются, когда скучно или когда младенца баюкают. Но только никак не закончится эта монотонная колыбельная.

Вдруг голос зазвучал рядом с Алексом. Справа. Там, где детская площадка. Вот качели, вот погнутая труба, бывшая когда-то рукоходом. Все четко просматривается. Но нет же никого... А мотивчик звучит. Слева теперь.

Алекс вначале замер, пытаясь понять: это что? Затем задом-задом, боясь не увидеть источника опасности (а еще больше боясь увидеть его) попятился к железной двери парадной. Если не сработает ключ от домофона — он пропал. Но, спасибо, даже заминки не произошло, и он очутился на лестнице. Не дождав-шись лифта, забежал к себе на пятый. Сразу же — к окну.

Вода сумерек уже не казалась такой прозрачной. Ночь поднялась, будто ил со дна. Но в квартире Алекса горит свет. Есть газовая плита и чайник. Еще и недавно початая пачка тонких сигарет. Открыть форточку, чтобы не дымить в квартире.

Ну, мало ли что показаться могло. Может, кто-то из соседей пению учится. Зато адреналинчик выделился будь здоров. На эту тему можно будет для пацанов историю прикольную придумать. Мистическую. Мол, наложила на меня злая ведьма проклятье. Призраки поющие преследуют.

На улице уже совсем темно. Дождь накрапывать начал. Не пойми откуда. Тяжелый такой. По-осеннему. Весной-то! Фонарь напротив окон. Скамейка, на которой Алекс возле дома сидел, хорошо видна. Рядом со скамейкой коробка какая-то. Почему не заметил ее, когда был внизу? Нет, не коробка. Кто-то на корточках сидит, о скамейку локтем опершись. Алекс ждет — пошевелится это или нет. Даже дома, при включенном свете, как-то уютно стало... Отойти бы вглубь комнаты, но взгляд от коробки не оторвать. Не шевелится. Минут пять без движения. Человек так бы не высидел. Опять нафантазировал себе черт-те что!

Вдруг издалека свет фар. Во двор въезжает машина. То, что казалось Алексу коробкой, внезапно срывается с места и кидается на дорогу. На свет. Под колеса. Нет, не перебегает ее, а ныряет прямо в асфальт, как в болотный омут. Водитель слегка притормаживает, но из машины не выходит. Проехал дальше. Тоже, наверно, решил: показалось.

2.

Алекс — звонкое имя без излишних изысков. Легкое, как весенняя капель на солнце. Добротное, как дорогой аксессуар. Для Алекса собственное имя таким аксессуаром и было. И окружающий мир его из таких аксессуаров состоял: правильных, предсказуемых вещей здорового молодого человека. Он умел продавать свое время, он умел подавать себя правильно, не перегружая окружающих ворохом ненужных личных проблем.

Для работы он оставлял себе дни с понедельника по пятницу, для друзей — субботний вечер. Воскресенье — чтобы перед понедельником выспаться. Когда что-либо выпадало из плоскости личных интересов, Алекс становился наивным, как бабочка-однодневка. Он попросту не понимал, что и другому человеку можно оказать небольшую услугу или сделать небольшое одолжение вне профессиональных обязанностей. Друзья для него были тоже определенным аксессуаром. Сегодня ему предстояло: а — сидеть с ними за обычным субботним пивом в кафе, б — развлекать легким триндежом.

А сплетня обещала получиться шикарной.

Когда-то здесь, где теперь расположилось кафе, находился дом одного из основателей города. На фасаде фигуристые античные дамы. Увешаны декоративным плющом, призваны воссоздавать атмосферу итальянского дворика. Наверно, по этой же причине стены дома возле каменных дам хозяева кафешки оставили неотренированными. По-видимому, отбитая пятнистая штукатурка должна символизировать упадок Древнего Рима на месте сборов благородных одесских патрициев. На окнах мерцающие гирлянды. Какое-то круглогодичное Рождество.

Публика разношерстная, но тихая. Столики отделены гипскартонными перегородками, отделанными под дерево. Уют.

На сегодняшний мальчишник Алексу удалось вытащить только троих: Крыса, Пашеньку и Юрка. Все из его офиса.

— На работе на наши морды не насмотрелся? Перекуров не хватает? Алекс наш не успел от одного бережка отчалить, уже другие молочные реки себе ищет? А мы ему для компании нужны. Чтобы легче девок кадрить и выбор был побогаче. — Крыска очаровательно ехиден. С ним всегда нужно держать ухо востро. Поэтому Алекс и держит Крыску так близко к себе. Как родного.

Пашенька, соглашаясь, просипел что-то в ответ, обстоятельно угрожая пухлое тельце между стулом и столом, как огромная улитка, пытающаяся спрятаться в раковине. Авось никто не обратит внимания на его несурзанность. Девушки — ага! Такому, как Пашенька, светит подцепить кого-либо только в большой компании. С бокалом пива. С ним Пашенька смотрелся, да, органично. Он будет, как всегда, только слушать. Пусть другие оттачивают свое искусство трепы. Жизнь все равно подобна пузыркам в любимом напитке: «буль-буль-буль» — течет ровно. Глядя в бокал, можно надолго зависнуть. Пашенькина нирвана...

Юрок же опоздал как всегда. Неудивительно для человека, который силится оказаться сразу в нескольких местах. Да и еще желательно в гуще увлекательных событий. Не очень таким вольным художникам подходит профессия менеджеров по продажам. Начальство не любит непредсказуемых. Но Юрок умел шикарно улыбаться, отменно выкручиваться и заболтать любого. Поэтому его прощали. Хотя сколько эта обезьяна с гранатой

сможет продержаться без приключений, никто спрогнозировать не мог. В отделе даже слухи ходили о подпольном тотализаторе «на Юрика» и что сам Юрок эти шоу специально устраивал, чтобы поймать с них нехилый процент.

— Ну, чего? Колись. Решился? Когда вновь по цыпам пойдём? Может, сегодня?

Выслушали историю про фигуру.

— Это же как нужно мужику мозги вынести, чтобы черти, ныряющие в асфальт, мерещиться начали. Ты это, братан, держись.

— Вовремя отчалил. Вот не люблю грузящих женщин.

— Пока молоды, нужно держаться подальше...

— Угу, «предохраняться».

— Крыс, ну, не начинай.

— Да я вообще никого не провоцирую. У меня искренне так накипело. У одного, что ли, меня?

— Да, да. Правда жизни. Суровый реализм отношений.

— Ладно, ладно. Я ни на что не намекаю. Сидите, мальчики, спокойно. Я вот только слышал, что Дианка твоя по бабкам уже второй месяц бегает.

— Спасибо, Кэп, вот только что от тебя и узнал.

— И что кровь свою, хм, грязную, тебе в кофе постоянно мешала?

Алекс аж пивом подавился. Приятный Крыса человек, ничего не скажешь. Умеет настроение подпортить.

— Слушай, а давай это все уже забудем, а?

За соседним столиком тем временем примостилась «куколка». Не то чтобы в ней было много силикона или ее попа была чрезмерно прокачана, но девица была явно из быстро идущих на контакт. Юрок быстро сумел ее разговорить, и присутствие еще троих джентльменов «куколку» не слишком смутило. Оказалось, что у нее имеются незамужние подруги, которые тоже не прочь время скоротать. Телефонный звонок, и вперед — на такси на Таирова: Юрок, всем своим поведением дающий понять, что место возле этой девушки забито, Крыс и Алекс, полные надежд, сама Оксана (как «куколка» назвалась)... Пашенька же, засмущавшись, отбыл домой.

Все по этикету. Прибыли с пакетами. Обстановка буржуазная. Девушки приличные. Предложили подождать в соседней комнате, пока стол накроют.

Включили джаз. Приглушили свет. Уже звон расставляемых тарелок из гостиной слышался. Хрустела открываемая коробочка с тортом.

Юрку не терпелось. Он был как пружина.

— Да не мельтеши ты! — шепнул Алекс, но тот резко встал с кровати, а затем, в следующую секунду, совсем уж не поджентельменски выругался.

В угол полетел какой-то белёсый патлатый комок. Не успели Алекс и Крыс понять, что же это было, как под звуки трубы Луи Армстронга в комнату вошла хозяйка с бокалами вина на подносе... Комок отделился от угла и с громким лаем впился ей в ногу. Раздался звон, хруст, визг. Шепот Юрка:

— А оно само из-под кровати выскочило, я от неожиданности и пнул.

Шепот Крыса:

— Не боись, не выдадим.

Всеобщие причитания:

— Ну как же так, такой милый песик всегда был.

Хозяйка лишь удивленно топорила пальчики:

— Мне говорили, что эта порода не злая. Даже гипоаллергенная. Она не будет кусаться и пачкаться. И что вообще Маса — почти что человек.

И тут надо было Крысу неудачно пошутить:

— Может, у гипоаллергенной собачки бешенство?

— Ой, да что вы!

Неукушенные подруги пытались задобрить Масика. Масик казал клыки.

— Помогите!

— Наверно, придется вызывать ветеринара на дом, чтобы усыпить, — не унимался Крыс с серьезнейшим выражением лица. — Бешеных псов усыпляют.

Бешеный пес размером с крысу и впрямь был похож на микро-йети. Очень дикого микро-йети. Девушки повздыхали и стали обзванивать дежурные пункты скорой ветеринарной помощи:

— Ой, а жалко-то ведь как. Она мне кучу денег стоила. Меня не предупредили о бешенстве. Позвоню завтра заводчикам, пусть компенсацию выплачивают.

Продолжения Алекс не стал дожидаться. Зачем грузить себя лишними проблемами? Просмеявшись, он потихоньку просочился во входную дверь и исчез.

Вечернее Таирово блестело лакировкой витрин, окон, окошечек. Пристроенные к девятиэтажкам магазинчики и кафе хоть как-то украшали типовые улицы. Понятно, что и декораторы и рестораторы по-своему старались, но бюджета было мало. Никто друг с другом и не собирался согласовывать общий вид. В итоге получилась мешанина.

Те хозяева, которым дизайнерские услуги были непозволительной роскошью, довольствовались чувством юмора. Смешные вывески вроде «Пирожки с котятами, а также с яблоками, вишней, капустой и прочей ерундой...» тоже можно было выдать за креативный подход. И выполненный в стиле доверительного наива билборд мастерской по ремонту автомобилей («Да, у нас дороже, но зато мы не устраиваем гонки на ваших автомобилях и не катаемся за пивом!») был явно рассчитан на то, чтобы вызвать расположение у самого недоверчивого заказчика.

Впереди Алекса шла девушка. Не экстра-класса, но вполне читабельный вариант. По телефону болтала:

— Хреново! Да, вот такие пироги! Даже не успокаивай! Меня твои приятели уже задолбали! Свиданки эти идиотские «два на два!» «Пригласи подругу» — я тебе что? Телохранитель? Отмазка для мамы? «Мы с подругой!» Ага! Толку никакого. Мне уже двадцать. Молодость проходит. Я что, такая страшная? Вот скажи мне. Только честно. Нет, ты мне честно не скажешь. Никогда честно не говоришь. Хоть бы один козел сам познакомиться подошел! Я что, кусаюсь? Понятно. Может, я для тебя вариант «на фоне своей страшенькой подруги смотрюсь очень даже ничего».

Или подруга бросила трубку, или не выдержали операторы мобильной связи, но девушка, в очередной раз выругавшись, спрятала телефон в карман куртки. Выглядела она взъерошенно,

рассерженно, но при этом все равно мило. Растерянно. Как котенок, который, заигравшись с фантиком, внезапно потерял его. Остановился на полдороге и не может понять, что делать дальше.

Алекс решил подбодрить ее. Не ради знакомства как такового, а просто так:

— Привет! Можно с тобой познакомиться?

Она развернулась. Не котенок, а какой-то огнедышащий бык:

— Отвали, кретин!

...подмигивал пустым кафешным залам рекламный неон.

Закреть входную дверь. Оградиться от этого сумасшествия: истеричек, кликуш, дур. Неужели никто не может помочь человеку в естественном желании просто хорошо провести вечер? Ни друзья, шилопопы тридцатилетние, ни случайные попутчицы на вечер. Чувствуешь себя взрослым и чрезмерно уставшим посреди этого разыгравшегося детского сада.

Нужно срочно создать себе «зону комфорта». Вот, почти уже набралась ванная горячей воды. Букридер лежит на раковине. Осталось только взять чай с мятой и апельсиновой цедрой. Алекс умел готовить его лучше, чем в любом, самом первоклассном, кафе.

Всплеск. Поспешить в ванную. Наверно, букридер упал.

Чертыхаясь, с чашкой в руках, Алекс уже открывал дверь, как услышал голос. Тот же, что и тогда, на улице. Так же задумчиво и отрешенно повторяющий короткую мелодию. И мелодия эта, как воронка, затягивала.

Он не заметил, как вошел в ванну. На воздушном пространстве вокруг появилась рябь. Пошла кругами. Дальше успел запомнить момент, когда в центр таких кругов его затянуло. Была в омуте женская фигура. И хотя с точностью не мог рассмотреть ее очертаний, манила она так, как ни одна женщина ни до, ни после. Так что даже не всколыхнулся в сознании вопрос: кто это? Что ей от меня нужно?

Алекс просто шагнул ей навстречу и пропал.

3.

Очнулся. Первым после пустоты было ощущение холодного железа. Рука нащупала палку, затем пружинистую под матрасом сеть. Не его кровать. Запах старого белья. Синяя стена, стрельчатые окна. Сумерки.

Рядом еще койки. Много коек. Сгорбленная фигура старика мычит, выражая страдания без слов. Еще какая-то пожилая женщина обтирает тряпкой лежащее на другой койке почти безжизненное тело. Хозяин тела в полусознательном состоянии. Сиделка перекладывает его тряпичные руки туда-сюда.

— Где я?

Она отвечает, не поворачиваясь:

— В больнице.

Вытягиваются из щелей тени. Жалобятся. И говорить не хочется ни с кем. Выщеренные выбоины на стене. Выпросите себе срок у Бога, убогие?

Остается только понять, как ты оказался здесь. В чужом абсурдном сне. Чтобы не задумываться — постоянно спать. Но ночью к ним в палату привезли ЗК. Абсурд продолжился. ЗК понять не мог, где находится, но это не помешало ему выдернуть из своей руки катетер и сломать палку от капельницы. Двое охранников, «Пат и Паташонок», толстый и тонкий, смогли его удержать. Под утро веселую тюремную команду перевели в какое-то другое отделение больницы. Спать дайте!

Но утром опять переполох. Двое худосочных и длинных братьев втащили в палату на руках третьего. Мать в деревенском платочке шла следом. Несла какие-то обноски и стоптанные белые кедки. Прежде чем Алекс успел опомниться, этого третьего вырвало прямо ему под ноги. Едва не обрызгал. Бедолагу положили на кровать. Засуетились врачи. Мерили давление, что-то кололи. Параллельно опрашивали родственников. Братья, полупрозрачные тени с заплетающимися языками, пытались выстроить хоть какие-то правдоподобные оправдания.

— Когда ему стало плохо?

— Да вот прямо сейчас, в палате.

— Нет, а до этого?

— До этого все было нормально.

— Как это, нормально, вы же его в больницу привезли.

— Но он же своими ногами шел.

— Сам шел?

— Мы его вели под руки, он шел сам. А потом, уже в палате, ноги подогнул и сознание потерял. В машине все нормально было. Только тошнило.

— Почему скорую не вызывали?

— Он дома лежал, мы думали, что отлежится.

— Давно он так лежал?

— Неделью, после того как головой ударился. Но все было нормально.

Мать в разговоре не участвовала. Она кружила загнанной тигрицей между коек. В промежутке между репликами сказала только:

— Запомните, я с ним здесь сидеть не стану! Вы меня поняли?! У меня времени нет! Я занята.

Лицо парня тем временем совсем посерело. Как будто просело. Как будто песок стал сыпаться в воронку, в глубокую яму. Врачи засуетились еще больше. Вдруг мать что-то почувствовала. Она отошла и села в коридоре.

— Всё, — через минуту врач вытащила из ушей стетоскоп.

— Примите мои соболезнования.

— Не, ну как же «всё»! Вы попробуйте еще раз. Вы не услышали! Доктор?

Но доктор уже ушла.

— Сообщите матери.

Две тощие тени склонились над телом:

— Братишка, ну как же так, а?

Вошла мать. Стала целовать покойнику руки. Алексу показалось, что как-то слишком картинно. Братья все еще причитали.

Мать вдруг что-то вспомнила, остановилась в полудвижении:

— Нужно Катьке звонить.

— Я звонил. Она говорит: «Привет!», смеется и трубку бросает.

Стрельчатые больничные окна. Узкие, как зрачки ящерицы. Холодные больничные палаты одновременно напоминают залы

средневековых замков и морг. Дольше Алекс не выдержал. Выполз во двор.

Больница находилась на окраине города. Целый комплекс трехэтажных кирпичных домов посреди больничного парка. В парке половину скамеек заняли студенты-медики да жующие домашнюю колбасу крестьяне из областных центров.

Довольно-таки ехидно дребезжала в дорогой мобильник сидящая на скамейке тетка:

— Нет у вас служанки, нет. Поломалась она. Сами ищите свои вещи.

Нога у тетки загипсована. Тетка тыкала ею в пыль, будто показывая гипсовый аргумент, который обычно предъявляют третьим пальцем в спорах.

— Эй...

Нет, это не к Алексу...

— Эй... маальчик... маальчик... вот тот... в синеньком.

— Только бы не ко мне .

Толстая санитарка в несрастающемся из-за пышных форм халате прямо с порога звала Алекса в больничный замок. В руке у санитарки была свежераскуренная сигаретка, на ногах — резиновые шлепки. За больными она не бегала.

— Эй, женщины, которая с гипсом... передайте мальчику рядом, в синеньком, шо его там ждут. Он меня, похоже, не слышит.

И все-таки... Грешным делом подумалось о родственниках почившего наркомана. Интересно, может, кого нового привезли, а его, Алекса, выселяют? С личными вещами-то хоть все в порядке?

Трупов, наркоманов, эзков уже не было. Скорбящих родственников тоже. Больных выгнали в коридор, пока мыли палату.

— Мальчыыыык...

Чего опять?

— Мальчыыыык, тебя ждут на черном ходе, где окошечко...

Это же надо, по больничным правилам встречаться с родственниками можно только там, где черный ход, окошечко и вечные сквозняки.

— Кто?

Но санитарка уже отвернулась.

Отглазированная жирной белой краской дверь. Так жирно, что из-за этих слоев засов не сразу поддался. За дверью Алекс вначале увидел винтовую железную лестницу. На лестнице — туго набитую сумку-кравчучку. Ясно. Матушка приехала. Родительница. Вот и свидимся за четыре года.

Некоторым людям лучше было бы не рожать детей. Не потому, что плохие: пьют, бьют и вообще — асоциальные личности. Нет. Приличные семьи. Вполне благопристойные граждане, исправно выполняющие родительские обязанности. Но в том-то и дело, что «обязанности». Размножение ради долга? Перед кем? Обществом? Затем долг перед ребенком: покормить, одеть и выучить. То, что наивный ребенок принимает за любовь? Когда в ответ на доверчивое «Мама!» звучит: «На, вот тебе новая игрушка, иди, поиграй, а я занята».

Мама-функция. Она делает все правильно. У тебя первым из одноклассников появились мобильник и модная куртка. Тебе без вопросов отстегнут денег на посещение Макдоналдса. Ты, главное, мамкай поменьше и на глаза старайся не попадать. Так и растешь. Пора бы привыкнуть. Но сердце при виде собранной специально для него сумки ёкнуло.

— Мама?

— Да, да. Мама твоя. Как же ты так умудрился? Мне твой друг позвонил, который тебя в квартире без сознания обнаружил. Этот, который скорую вызывал. Курить здесь можно?

— Нет, не разрешают.

— А сами курят... Слушай, ты случайно ничего не употребляешь?

— Я что, по-твоему, дурак? Кроме пива по пятницам — нет.

— Вот и я удивилась. Не похоже на тебя. Врачи тоже ничего толком сказать не могут. А тебе?

— И мне. Говорят, что обследоваться нужно для выяснения причин.

— Н-да, а раньше и без десятка анализов обходились. Скурвилась медицина. Жаль, что курить здесь нельзя. Покурю на улице. Ладно, мне пора... тут у моего запара. Опять долги.

— Прячется?

— Вещи ему везу. А ты выздоравливай. Я тебе тут продукты принесла. Они же кормят в больницах отвратительно.

Мать подтянула к себе большую сумку-кравчучку и достала оттуда пакет с двумя апельсинками и пригоршней шоколадных конфет. После чего женщина, выполнившая свои материнские функции, быстро поцеловала Алекса в щеку и убежала курить.

Не успел Алекс отойти далеко от двери, как его позвали обратно:

— Маальчык... мааальчык... эй, тот, с апельсинками. К тебе опять пришли.

Не забывают. Юра. Добрый человек. Принес сигареты.

Тихонько пробрались на свежий воздух через черные ходы, засиженные котами, через проржавевшую крышу, через осыпавшуюся штукатурку чердаков. Сам бы Алекс никуда не полез, но у Юры детство вечно в одном месте играет.

— Напугал, братишка, ты нас. Крепко напугал. Сначала думали, что казёнишь. Шеф пытался дозвониться до тебя. Выговор хотел влить. Но я сказал, что на тебя не похоже — так просто взять и не прийти. Нужно съездить, посмотреть, что с тобой. Он поворчал, да и отпустил. Хорошо, что у меня твои ключи были. Это же сколько времени ты так провалялся? Я вообще вначале испугался, что передо мной труп.

— Я не помню, честно. Ни с того, ни с сего. Какие-то галлюцинации. Притом что даже пьяным тогда особо не был.

— Да... галлюцинации, возникающие без всяких стимуляторов, — это совсем хреновенько. Ты бы обследовался хорошо, пока тут, в больнице, лежишь.

— Я бы с радостью. Шеф не позволит.

— Уже звонил? Интересовался?

— Пока еще нет. Но отдых вечным быть не может. Да и тут не курорт. Будто в дурной сон маргинала попал. Сам хочу побыстрее смотаться. Проживу как-нибудь и без лишней диагностики.

— Ну, смотри. Дело стремное.

— Ой, ладно. Не нагнетай.

Почистили мамашины апельсинки. Сигаретный дух конфетами заели. На ржавой крыше, на поклеванном кирпичном парапете принимали солнечные ванны. В палату Алексу не хотелось.

— Рассказывай лучше, как у вас тогда вечер закончился.

— Весело. Собачку к ветеринару так и не повезли. Она, бедолага, где-то в квартире спряталась. Мы ее так и не нашли.

— Ты смотри: животина, а соображает.

— Да при таком хипише даже рыбки аквариумные сообразят. Ну, хозяйки эти от рыбок интеллектом тоже мало отличались, поэтому все получилось постепенно вернуть на адекватную стезю... Но ненадолго. По мере знакомства наши дамы стали проявлять аппетиты, что вполне естественно. Правда, тоже держали себя в рамках приличия. Запросили пикник. Вот мы и решили погулять ночью в Люстдорфе. Помнишь, там у Крысинаго кореша база отдыха есть? Практически на берегу домики. Не знаю, чем девочки недовольны были.

— Они Аркадию ожидали?

— Ну да. Место, конечно, не самое презентабельное. Зато воздух чистый.

— Да и живопись настенная тоже ничего. Я помню... Матрос, под мышкой (видать, контрабандно) умыкающий русалку. Или красотки, у которых одна рука с бицепсами, а другая дистрофичная, как у паралитиков.

— Девочки тоже перед этими произведениями искусства слегка зависли. Но Крыс им тут же стал рассказывать о примитивизме, о «Митьках». Видел бы ты, как они ротики, лапочки, открывали.

— Ну, хоть не зря съездили?

— Хотел бы я тебе сказать, что не зря. Нам хозяин базы всю малину испортил. Взял втридорога, а потом просто исчез. Культурный такой. Решил, по-видимому, не мешать. Но ворота при этом запер. Мы — на волю, а вокруг — сетка. Заборчик такой, как в детских садах. Пришлось перелезть. Такси вызвать нереально. Никто в такую глушь не едет. Выбрались кое-как на проселочную дорогу. Кругом домики одноэтажные. Маршруток никаких. Да и вообще машин. Куда идти? Где, блин, хоть то Таирово? Где, блин, хоть какие-то асфальтированные дороги, которые к дому приведут? Мы пьяны в дупель. Девочки на каб-

лучках стараются выглядеть презентабельно. Смотрим — едет фара. В темноте не видно. Отчаявшийся Крыс бросается фаре наперерез. Остановить ее. Прямо на дорогу. Фара проезжает мимо, даже не притормаживая. И тут мы видим, что это — милицейский «бобик». Прикинь?

— Круто. Вы настолько были пьяны, что полицейский «бобик» тормозили?

— Да, вот это, тебе хочу сказать, нам повезло. Мы потом кое-как выбрались.

— А девочки?

— Проводили их, конечно. Но они теперь на звонки не отвечают. Не знаешь почему?

— Обломались девочки насчет развлечений.

— Ты что?! Такую развлекуху им больше никто не устроит.

Ржавая крыша, поклеванный мастером Время кирпичный парапет замка-больницы. Солнце... солнце будет везде, но только не здесь. Узкие глаза окон. Чешуйки кирпичной кладки. Оттенки от почти красного до фиолетового. Греется дом на солнце целый день, но внутрь тепло никак не просочится. Хлопают окрашенные десятками слоев белой краски больничные двери с плоскими засовами. Ходит по черному ходу людская печаль. Выглядывает робко из-за углов-переходов надежда. Терпкий запах спиртовых настоек и чего-то сладкого, чем окуривают помещения: от холеры, гриппа? Почему бы и не от чумы? Атмосфера подобающая. Сейчас появятся в больничных коридорах фигуры в длинных плащах и масках-клювах. Хочешь — не хочешь, а возвращаться в палату, в чужой дурной сон придется. Вот и ты, друг, покинешь:

— Ладушки, братан. Думаю, скоро свидимся. Дианка, кстати, твоя звонила.

— Даже не продолжай...

Так и докурили. На том и простились.

После ухода Юрка Алекс долго сидел один на кирпичном парапете. Весна отсюда казалась не столь больничной, а Одесса вообще была похожа на Неаполь или Париж. Сидишь один: без проблем, без привязанностей. А люди? Там где-то они. Внизу.

Не доберутся до тебя со своими претензиями, вопросиками. Пытками изобразить, что им не все равно. Ага. Но вдруг возникло чувство беспокойства. Затем — страха. Затем — какой-то смутной надежды (на что? — самому неясно). Желания. Какой-то подспудный инстинкт ему говорил — ищи. Дальше — больше: ищи, не то больше не найдешь. И, наконец, ищи, иначе погибнешь. Подчинившись этому инстинкту, Алекс спустился в больничное отделение, но к себе в палату не пошел. Вместо этого он повернул за угол, где находилась подсобка. Прошел подсобку. Столовую. Свернул опять на черный ход. Наверх по лестнице.

Почему-то комнатки на чердаке оказались незапертыми. Низкие потолки. Помещения рассчитаны явно на людей пониже ростом. Двести лет назад больница строилась. Выглянул в запыленное открытое окно. Нет. Не здесь. Звало спуститься вниз, во двор. Далее — он совсем не понял, где находится. Как оказался в замкнутом кирпичном колодце. Были только стены, за пределы которых, казалось, не выбраться... но выбрался и пошел дальше: через какие-то арки.

Теперь зов оформился в голос. По нити этого голоса Алекс кружил и кружил. Прошел через череду засохших кустов в другой двор. Там какой-то бассейн, выложенный советской плиткой. Проржавевшие лесенки с надломленными ступеньками, ведущими на дно. На дне цветлая жижа, скопившаяся после дождей. По колено или даже глубже.

Алекс подошел к краю бассейна. Повернулся к лесенке спиной. Взялся руками за шаткие поручни. Ногу на ступеньку. Алекс услышал знакомое пение. Не надо торопить! Он и так уже идет, идет... на голос, который для его слуха будто неистребимый зуд. Осталось только спуститься и обрести покой. Руки исцарапала ржавая шелуха. Но Алекс не замечает царапин. Где-то в параллельной реальности рвется об острые ости железа свитер. Скользит кед, нога в котором будто существует отдельно.

Вдруг, где-то сверху, за пределами бассейна, за пределами всего, голос:

— Маальчык... мааальчык... эй, тот, грязненький, который в бассейн лезет, ползи обратно... я не буду за тобой по всему отделению убирать!

Да, это снова она. Ангел-хранитель в белом халате, в резиновых тапках на босу ногу, так же невозмутимо стоящая в стороне, докуривая очередную папироску. Ангелам ли удивляться каждому «оцему-полудурку», пытающемуся натащить грязи на больничный пол.

4.

Мальчики и девочки, похожие на наивных эгоистичных котят, вы искренне не понимаете, что хорошо, а что плохо. Когда же возмездие достигает вас, то, не делая никаких выводов, вы точно так же, наивно, искренне изумляетесь: «Как же так?!» Ничего в вашей пластиковой головенке офисных работников не меняется. Поколение аквариумных рыбок образца 90-2000-х. Воду в вашем аквариуме все равно хозяин менять приходится, он же и корм насыплет. Можно не напрягаться. В остальном: в любви, семейных отношениях, ответственности за прирученных людей «ничего личного, это просто бизнес». Угораздило же меня год назад влюбиться в такую вот пластиковую фигурку. В Кена.

Почему я выбрала его, раз он такой «пластиковый»? Нелогично ведь получается. Неправильные девочки-социофобки должны выбирать неправильных мальчиков. Особенно если учесть, как я всю эту неправильность в людях люблю. Правильные люди, они — скучные, предсказуемые. Неправильные же не похожи ни на кого.

Общение с окружающими — это как прогулка по лесу. На обычные стройные деревца и не обратишь внимания. А вот на особенное, расщепленное, с занавешенным паутиной дуплом смотреть можно вечно. Но в итоге жить-то все равно приходится правильно, среди «нормальных» людей. Вписываться в условный круг. Вот я и пыталась. Получить условную вписку в мирке предварительно составленных расписаний. Не учла одного: для милых офисных котиков другие люди существуют лишь в качестве бесплатного мобильного приложения. Этакого гаджета. Начал раздражать — замени, выкинь своего «Говорящего Тома» на помойку. Не нужно при этом чувствовать никакой вины. Действительно, с чего бы?

Мой Кен решил утилизировать наши отношения через полгода.

После нашего с ним прощания я пыталась себе зарок дать: отрезано — забыто. Глупостью, конечно, та манипуляция с заговоренной землицей была. Хотелось, чтобы все побыстрее закончилось. Чтобы Алекс унес с собой все то, что накопилось у нас с ним за все эти месяцы. Казалось, что с ума схожу. В топь попала. И спастись даже не пытаюсь. Сижу, как обреченное животное. Бесконечный психоз, вплоть до галлюцинаций. Ожидание, что вот-вот случится нечто ужасное, стоит лишь немного ослабить контроль. Сунула ему пакетик — иди! Все с собой забирай! Думаете, получилось забыть? Ага. Только-только успокоилась, так встретила на улице его приятеля. Такое впечатление, что нарочно. Кармические грехи не отпускают? Это же не возможно было не спросить.

Идет себе Диана Владиславовна после трудового дня домой и тут видит, как один из его приятелей возле магазина сидит, пиво пьет. Пашенька? Так ведь?

Диана Владиславовна, конечно, человек вежливый. Поздоровалась. Он подскочил сумку помочь донести. Да ладно, я бы и сама. Теперь еще придется срочно придумывать, о чем разговор вести. Никаких общих тем. Только обсуждение Алекса.

— Как он там?

— Уже лучше. Выписали.

— Он что, в больнице был?

— А ты не в курсе?

— Откуда? Мы же давно с ним не общались.

Толстый друг Алекса смотрит на меня слегка удивленно и подозрительно. Как будто я что-то скрываю.

— Ну, не видела его, честно. Не хочешь, не верь.

— Да не в этом дело.

Чего мяться-то. Рассказывай!

Поставив сумку на скамейку, остороженько, будто вражескому агенту, толстый мальчик рассказал мне все. Лучше бы эту больничную историю с обмороком я и не знала. Радости мне это сообщение не принесло. Только дополнительные тревожения: навестить его или нет? Должна ли я, если мы уже не вместе?

Страшно было решиться, и страх пересилил. Но не прошло и месяца после встречи с Пашенькой, Алекс сам позвонил. Он, видите ли, должен поговорить со мной. Я вначале отказалась.

В последний раз? Что? Для меня «последний раз» был тогда, когда ты вещи забирал. Забыл? Память с совестью не мучают? Я виновата? Вот это интересно. В чем? Ну, ты же и сам не веришь в эту чушь. Давила на тебя сильно. Замуж за тебя хотела? Бедолага. Зачем тогда человеческие отношения? Зачем жить вместе? Он так и не смог связно мне на этот вопрос ответить. Взял паузу. Я тоже молчу. Наконец-то он не выдержал первым:

— Диана, ну пожалуйста. Просто по-человечески прошу уделить мне полчаса твоего времени. Ничего более.

Я проиграла эту битву. Я соглашаюсь. Я на себя за мягкотелость зла.

Так получилось, что время от времени мне приходится становиться спасительницей мира. Шучу, конечно. Иронизирую. Не всего мира, а его самых непрезентабельных окраин. Ибо жители его, сирые-убогие, жизнью надломленные, всегда тянутся ко мне. «Почему?» — спросите вы. Не знаю. Так повода им не давай. Резонное замечание. Хотела бы, да не могу. Надломленные сами меня находят. На самых людных перекрестках из всей толпы выделяют, чтобы попросить чего или на жизнь пожаловаться. Я уже и «морду кирпичом» делать училась, и вообще «зверский оскал на окружающую среду» репетировала. Не верят. Может, «зверский оскал» для них — самое то? Привычная среда обитания? И видят они в нем не угрозу, а проявление искренних чувств? Куда более правильное, чем коробочка конфет к празднику от заезжих благодетелей. У которых в одной руке леденец, а за спиной — дуля скручена. Я хоть особо помочь и не смогу, но хоть выслушаю. Вот и находят меня, вот ко мне и жмутся. Но мне-то от этого лишнего груза не легче. Зато работу я себе подходящую со временем нашла. Дефектологом. С инвалидами. Хотя бы какое-то материальное возмещение эмоциональных убытков. Вот и Алекс вдруг решил включить режим «прими меня, любимая, спаси», только опоздал немного. Так просто ему не сдамся.

Городской сад. Сюда я согласилась прийти из любопытства, чтобы выслушать напоследок его объяснения. Обещаю, что этим дело ограничится. Готовлюсь к тотальной обороне. Contra,

contra, contra — уже наперед я знаю все, что ты можешь мне сказать, любимый. Контраргументы заготовила, как пушечные ядра. Теперь держись, Диана. Нечего больше отступать. Бой так бой.

Но сосредоточиться и окончательно обдумать мою тактику поведения с Алексом мне не дали. Что и доказать нужно было. Только примостилась на скамейке, сразу же очередной «скорбный» меня нашел. Дедушка. С газеточкой. Приличный такой на вид, но с неутомимой жаждой поговорить во взгляде. Спаси меня, Господи!

— Девушка, а разрешите-ка дедушке присесть.

Затем:

— Жарко, ох, как дедушке жарко.

Затем:

— Вам в тенечке, наверно, хорошо, а у меня что-то совсем сил нет...

Вежливая девочка сразу же уступила бы дедушке свое удобное место в тени абрикосового дерева. Но не в этот раз, дедушка, не в этот раз. Давай, не стесняйся... кругом полно других скамеечек в тени, но тебе ведь нужно сесть именно ко мне. Я даже догадываюсь, зачем тебе подсаживаться к незнакомому человеку, который никоим образом не давал тебе понять, что твое общество ему нужно. Возможно, человек устал. Он хочет отдохнуть от общества других людей. Или на этой самой скамейке договорился о встрече. Но ты же человек-комар! Кровососущее. Со всеми замашками комариной самки. Присесть рядышком, испить от людского тепла, сопереживания. Человеку, конечно, такая встреча настроение подпортит, даже болячки могут появиться после таких встреч. Но кровососущее будет счастливо. Степная все громче и громче, отбудет на поиски новой жертвы.

Нет, дедуля. Жертвой на этот раз мне быть совсем не хочется. Поменяемся местами, а? Хочу попробовать себя в новой роли. Да. Почему чувствовать дискомфорт, чувство вины за свое здоровье и молодость должна обязательно я?

— Ох, ох... и не уступит ведь никто места бедному дедушке... до другой скамеечки нужно еще идти... у меня есть дочка, но она со мной не общается... а еще есть сын, но он пьет... еще

есть жена, но она лежащая... язвы у нее вонючие... денег нет, чтобы лечиться...

Упадок сил, настроение, испорченное как минимум на час? Но все-таки я молча и смиренно жду продолжения. Жертва. Опять жертва как она есть.

— Врачи в больнице все — воры... соседи по дому — гады... а еще мне пенсию задержали. У собачки любимой понос, потому что в подвале крыс травили, она надышалась, и вот...

Я смотрю на него внимательно с минуту. Глаза в глаза. Затем вдруг улыбаюсь во все тридцать два. Вытягиваю шею к дедушке поближе и, не отводя взгляда, доверительно шепчу:

— Кукабарра!!!

Начинаю по-идиотски смеяться.

Больной дедушка стремительно отскакивает прочь, как-то сразу позабыв о больных ногах. И только оказавшись на безопасном расстоянии от скамейки, кричит мне:

— Дура! Сумасшедшая!!!

Он уходит, даже уже и не прихрамывая. Вот! Профессиональный дефектолог Диана Владиславовна знает, что в нашей работе главное — мотивация. Она волю к жизни укрепляет. Надеюсь, что сегодня дедушке кошмары не приснятся. Вампирь вампира. Зуб за зуб. Ну что ж, мне понравилось. Не все же нам жертвами быть.

Алекс чуть опоздал. Если бы не мои любопытство и жажда мести, я бы и не стала его дожидаться. Я, конечно, понимала, что приползет обиженный и несчастный. Но пришлось удивиться. Даже злость моя на убыль пошла. Алекс не просто похудел и как-то осунулся, он будто бы усох. Как дерево на болоте. Неужели эта вся бабкина магия действительно работает? Мне ему и в глаза страшно глянуть. Прочитать там: «виновна». Поскорее бы уйти.

Даже не поздоровался. Так и сидим.

— Ну что, ты довольна?

— Чем?

— Сама знаешь.

— Нет.

— Издеваешься?

— Но ты же в это не веришь? Разве нет?

Он встал, чтобы уйти, но тут же сел обратно:

— Дай мне адрес.

— Чей?

— Бабкин.

Хотелось бы мне в ответ съехидничать, мол: «А помнишь, как ты издевался надо мной?». Но и обидам бывает предел. А взгляд-то у него какой: тяжелый, испытующий.

— Послушай, я действительно не думаю, что вся эта деревенская магия может иметь хоть какие-то последствия. Просто так совпало.

— Угу.

— Наверно, вирус какой-то подхватил.

— Не знаю.

Опять пауза. Ничего не просит. Что ж, молчание тоже способ обвинить.

— Но сейчас ты ведь в порядке, да?

Сама же вижу, что нет. Но лепечу. Опять мой лепет неуверенной в себе девочки, готовой просить прощения за все. Ничего не могу с собой поделать! Чёрт!

— Дай адрес и ступай на все четыре стороны, Диана. Больше ничего я от тебя не хочу.

Адрес назвала. С Богом отпустила.

5.

В третьей парадной дома номер шестнадцать сегодня сломался лифт. Значит, придется пешком на седьмой этаж пилить. Для двенадцатилетнего подростка это, конечно, не проблема. Проблема — пробежать как можно быстрее площадку между третьим и четвертым этажом, где с недавних пор появилась она. В светло-зеленом, полупрозрачном платье — тем, кто видел ее впервые, могло показаться, что это просто где-то там, внутри, в стене прохутились трубы. Для окружающих ее лицо вполборота покажется просто пятном сырости на серой и неровной штукатурке. Никто Артуру и не поверит. Тем более, в квартире, рядом с которой проявился силуэт, жил вполне обычный молодой дядька, а не какая-то бабка-колдунья.

Особенно неприятно проходить четвертый этаж вечером, когда возвращаешься из школы. Хоть еще и светло, но преломляющиеся в грязных стеклах солнечные лучи создают на стене иллюзию заводи. И в ней всегда эта странная фигура — она. Еще немного и полностью к тебе лицом повернется.

Сегодня, как и обычно, прежде чем проскочить ненавистную площадку, он должен совершить несколько ритуалов. Ритуал первый — пройти по четным ступенькам лестницы первого этажа и нечетным — второго. На площадке между ними через левое плечо кинуть щепотку песка.

Там еще, за лифтом, стоит снятая с петель деревянная дверь. Она довольно-таки пыльная, но к ней можно подойти, чтобы совершить ритуал номер три: вначале постучать три раза ребром ладони, затем кулаком, затем костяшками пальцев. После чего сплюнуть через левое плечо. Лишь затем можно подниматься по лестнице дальше, стараясь не глядеть за затаившуюся фигуру.

Двери за лифтом не обнаружилось. Дурной знак. Очень дурной. Да и день еще — пятница. Как назло, никто из соседей не спускается, не понимается, чтобы можно было пройти вместе. Значит, придется ждать.

Он прождал полчаса, час. Никого.

Бабушка наверняка уже переживает. Мать сегодня в ночной. Бабуля сама из квартиры выйти не может. Маме звонить боится. Корвалол пьет. Нужно решиться быстрее. Три, два, раз... Что за звук странный? Загудело органом из дешевого фильма ужасов. Затем заклокотало. Как будто огромная железная машина затаилась за стеной. Это всего лишь старые трубы... это всего лишь старые трубы, которые проржавели и образовалась течь. В виде силуэта женщины в зеленовато-белом платье.

Вечерняя тишина. По стенам колышется бликами. Ещё шаг, два. Оставалось только пробежать мимо, как сзади раздался удар. Заводь разбилась на осколки. Обернувшись, Артур увидел, что в стекле застряла какая-то нелепая чёрная тряпка. Комок перьев. Мёртвая птица.

Алекс вышел из дома пораньше. Нужно успеть доехать до места назначения, пока не началась жара. Жара в пригородных

автобусах, когда рядом с тобой едут пахнущие естественными феромонами поселянки, была бы для него слишком большим испытанием. Но даже в такой час перед деревенским бусиком стояла очередь. Бабки с тюками да мамки с замызганными младенцами. Младенцы, по-видимому привыкшие к кочевому образу жизни, спали. Пока ещё.

Добраться до Сергеевки. Сколько там остановок? Не забыть спросить.

Водитель курил. Водитель ждал, пока ему передадут пакет для некоего дяди Саши в Великодолинку, а затем и ещё какой-то пакет для племянника троюродной сестры в Ольшанку. Наконец-то загрузились.

Спросить ничего не удалось, потому что загрузился Алекс крайне неудачно. Попал в какую-то щель между сумкой с копченой колбасой и мадонной, вытащившей сиську прямо перед его носом, чтобы накормить дитя. Пока дитя молчит, Алекс решил не подавать голоса: ладно, на месте разберусь.

Водитель и ехал как-то совсем по-буддистки. Размеренно. Медитируя по пути. Возле парка подождал на остановке минут пять брата своего шурина, которому отдал банку маринованных огурцов, а возле автомастерской забрал у кума покрышки, которые ещё минут двадцать крепил на крышу автобуса. Пассажиры, привыкшие к таким вояжам, терпеливо ждали.

Позастревеав вдоволь в пробках, наконец-то выбрались за город. Лысинки-проплешинки в зарослях придорожных чащоб задавали мерный ритм. Затем поля с бетонными недостроями. Вот проехали столб с уведомлением о близости государственной границы. Алекс его проигнорировал. Подумал только, что сглупил: паспорт нужно было брать. Не хватало только к погранцам попасть и застрять в бусике навечно. Но автобус поварачивал то налево, то направо. Никого в камуфляже не наблюдалось. Наконец-то прибыли.

Круглая площадь. На лужайке празднопьяные лежат.

— Где переулоч Строителей?

— Вам первый или восьмой? Переименованный? Если четвертый, сверните направо. Но нужно мимо церкви обойти.

Вывернул к серенькому домику за железным забором. Калитка не заперта. Вошёл. Во дворе клетка. В клетке зверь, кото-

рый должен был бы называться другом человека. Но к такому другу, даже в клетке запертому, лучше не подходить. Если среди зверей есть клинические психопаты, то этот пес и был настоящим психом. Увидев Алекса, он подскочил к прутьям решетки и начал их грызть. Задние лапы психа скользили по цементному полу. Прутья царапали оскаленную морду. Но пес рвался вперед. Интересно, если бы вместо прутьев были ножи или гвозди? Наверняка бы пес расцарапал морду до мяса, до костей и даже не почувствовал бы этого.

На крыльцо вышел грязный мужичок с прозрачными глазками хронического пропойцы. На рычание своего пса он не обратил ни малейшего внимания.

— Где здесь переулоч Строителей?

— А?

— Переулоч Строителей.

— Так это, наверно, за церковью.

— Я там уже был. Меня сюда отправили.

— Значит, не за церковью, а где-то в другом месте.

— Ты не знаешь?

— Это переименовали который? Из Строителей в Тенистый?

— Я не знаю. Мне сказали: село Сергеевка, переулоч Строителей.

— Так это вообще не Сергеевка, а Григорьевка. Сергеевка в другой стороне, за лиманом.

— Я же чётко видел, когда на автобус садился: «Сергеевка».

Из-за соседнего забора высунулась голова в платочке:

— Сергеевка вообще в другой стороне. Это тебе надо доехать до Лиманского, а там на электричке ещё полчаса...

Алекс вернулся на конечную остановку. Сел на автобус. Нескольким раз перепроверил надпись на автобусной табличке.

Монотонно шуршала дорога под колёсами. Трещина, трещинка — лесная проплешинка — ставок слева, ставок справа — по правую руку канава. Трещина, трещинка — опять проплешинка. Проснувшись, он заметил, что солнце садится. А они все так же ехали.

— Стой, водила? А где же остановка на Лиманском?

— У-у-у-у ! Давно уже его проехали. Тебе в другую сторону нужно.

— А который час?

— Около восьми уже. Что же я тебя, парень, не заметил? Ты как-то так незаметно за сидениями прикорнул. Давай я тебя в Великомихайловке высажу, а там пересядешь на рейсовый автобус в Болград. Он через Лиманское как раз идет.

— Лучше скажите, как в Одессу добраться.

В город приехал поздно ночью. Но отправился не к себе домой. Решил к маме заглянуть.

Окна везде уже по-летнему открыты. Из домов выходит дневная жара. Пахнет горячим песком и жареной рыбой.

Старые одесские дворники напоминают термитник. Балкончики, надстроенные над балкончиками: полуразрушенные, нищеводские и тут же, рядом, деревянные, покрытые лаком. По съемной крыше дорогого автомобиля хлещет развешенное на веревках белье. Где-то с верхних этажей раздается женское пение. Алекс напрягся, но нет, это всего лишь у кого-то телевизор работает. Наверно, у мамы. Она никогда не могла уснуть без этого «снотворного». Особенно в период вынужденного одиночества.

Сейчас у мамы как раз такой период. Алекс попытался вспомнить последнего «гостя». Какой-то бородастый любитель техники. Переходящий кубок для престарелых домохозяек. Но маме этого не понять. Она ведь молода. Она ведь молода вечно! Ох, нельзя детей рожать в слишком юном возрасте. Вот что выходит. Нет, Алекс не будет на нее похож. Да и зачем они, дети?

Да, так и есть. Мама с пивом и чипсами в кресле смотрит какой-то дешевый экшен. Зареванная, неумытая, с потеками туши под глазами. Девочка Самара, блин. И прическа похожа. Зря в парикмахерскую ходила. Красилась в готический черный. Укладку делала. Но или романтическая встреча не задалась, или неожиданно (уже в который раз «нежданчик») выяснились нелцеприятные подробности про очередного кавалера. Ни удивления, ни особой радости Алекс не испытал. Понятно. В качестве подушки выступать придется ему. Так часто происходит. Почти всегда

— А... привет. Кушать хочешь?

— Да, я устал очень.

— Там яйца в холодильнике. Омлет сделай. И мне тоже. Я тебя не ждала.

Когда он приготовит омлет и поставит чайник, мама придет на кухню. Возможно, она спросит, почему он так поздно приехал к ней. Но навряд ли. Затянется молчание, и уже ему придется спрашивать. Ей — остается отвечать неохотно.

Так было и в детстве. Стена из откупных игрушек или шоколадок. Проспонсированный аттестат в школе. «Договоренный» институтский диплом. Но, если честно, Алекс особых проблем и не доставлял. Он даже пытался выслушать и понять свою мамочку. Всегда же, по факту, получались какие-то маловыразительные, формальные посиделки.

— Почему так поздно?

— По делам был недалеко, решил заскочить.

— Что за дела?

Но тон! Что за тон полного равнодушия? Даже рассказывать ей ничего не хочется.

— Да по работе.

Был такой фильм «Гарольд и Мод». В жанре черной комедии. Английский юмор. Главный герой в сотый или тысячный раз пытается покончить жизнь самоубийством на глазах отрешенной матери. Мать реагирует с завидным постоянством. Перестань, мол, чудить. А в голосе этакая ленца и усталость. Алексу казалось, что и его мать, случись даже непоправимое,отреагирует так же. Подойдет к сыновьему трупешнику: «Оу, да, ужин в восемь, Алекс. И будь там, пожалуйста, немного живей».

— Ты тоже, мать, как-то не очень весела.

— Да ты понимаешь, мой Тимур набрал кредитов и свалил. Похоже, окончательно. Ко мне опять приходили сегодня.

— А ты?

— А что я? Я не жена, говорю им. Поручителем не являюсь. Они что-то про гражданский брак начали говорить. Как думаешь, получится отмазаться?

Здравствуй, реальность. Тебя я люблю.

— Во-первых, мам, требуй решения суда. Во-вторых, снимай все на телефон. До судебного решения любое вторжение считается незаконным, а требования денег — шантажом.

— Вот такие они все сволочи...
— Кто?
— Мужики... да ты и не поймешь.
— Мал еще?

Хоть какое-то подобие снисходительной улыбки. Одобрила шутку.

— Иди уже, спать ложись.

Утром матери в доме не обнаружилось. Смысла находиться в ее доме больше нет. Алекс вышел во двор. Расположился на скамеечке, неподалеку от кабриолета, занавешенного ночными сорочками тети Нилы с третьего этажа. Мирок южных окраин. Что Бразилия, что Одесса. «Миллионер из трущоб». Выучившийся мальчик, знания которого в конечном счете ничего не дают.

Зашуршало. Где-то за машиной и бельем. Со скамейки не видно. Холодком полоснуло под ребрами как ножичком. Затем из-за машины вышла она. Дрянь лишайная, с гноящимся левым глазом. Всего лишь дворовая кошка. Попыталась приластиться к Алексу. Пришлось со скамейки сбежать.

Через неделю он предпринял повторную попытку добраться до Лиманского. И даже приехал туда без приключений. Но оказалось, что старушка, заговорившая землю, недавно умерла.

6.

И все же покой найти возможно. Нужно только немножко, Дианочка, побаловать себя. Погладить по шерстке. Все зверушки нуждаются в этом. Человек — не исключение. Не торопиться вскакивать с кровати. Наворотить себе берложку и каждым участком кожи ощущать мягкость одеяла и подушек. Затем, когда уже почти проснулась, взъерошить себе волосы. Потягушки. Ступней об ступню легкий массаж: «Здравствуй, милая моя!». Завтрак. И следующий этап восстановления — парикмахерская.

Судя по выражениям лиц парикмахеров, обычно обслуживающих меня, этот этап будет не столько косметическим, сколько релаксационным. На то, чтобы преобразиться в красотку, мне рассчитывать не приходится. Но ничего, результат их стараний

сойдёт за эксклюзивный дизайн. А когда грива немного отрастет, я буду укладывать ее согласно своим личным представлениям о достойном виде.

Пока сижу в кресле, в зал успевают заглянуть с десяток торговцев ножницами, журналами, лаками. Появляются продавцы детских игрушек. Проходной двор. Не хватает разве что каких-нибудь «Свидетелей сто двадцать пятого дня» с брошюрками. Хотя, думаю, и такие сюда заходят.

Внезапно посреди всего этого куаферского Вавилона я замечаю довольно-таки интересную фигуру. Он одет неброско. Светло-розовая рубашка и кремового цвета брюки. На ногах лёгкие мокасины. Видно, что дорогие, кожаные. Молодящаяся маникюрша, этакая вечная девушка лет пятидесяти, подпиливает этому мужчине коготки. Ручки у мужинки маленькие, от старости уже похожи на сушеные птичьи лапки. Да и самому ему лет семьдесят. Единственная часть тела, которая выглядит не усохшей, — брюшко. Брюшко да лапки... паучок.

— Видите ли, Тамила, я — интеллигентный человек, и жена мне нужна соответствующая. Еленушка была ангелом. Таких больше нет. Да, я требователен, но ведь и оплачу издержки сторицей. Десять тысяч долларов на карточку. Избраннице же только придётся ходить со мной на выставки, в театр. Ну и когда час придет, глаза мои закрыть.

— Да, Евгений Львович, я вас хорошо понимаю. За такие инвестиции любая согласилась бы...

Массивная грудь девы Тамилы уже призывно склоняется перед Евгением Львовичем. Глубоко декольтированный реверанс. Но он продолжает, будто бы не замечая:

— Вы понимаете, мне-то как раз любая и не подходит. У меня есть некоторые пожелания насчёт внешности моей будущей невесты. Она должна быть не старше тридцати лет. Ухоженная. Из хорошей семьи. С высшим образованием. Разбираться в классической музыке и живописи. И ещё (мне об этом, право, неудобно говорить) у неё должна быть маленькая грудь. Такая, чтобы у меня в ладонях помещалась.

Мужичок и помрачневшая Тамила теперь поглощены разгладыванием хлипких наманикюренных лапок. Я, не выдержав, хмыкаю. Мужичок смотрит на меня секунд пять, а затем презри-

тельно отворачивается. Зря вы так, Евгений Львович. Я — интеллигентная девушка с высшим образованием, из хорошей семьи, готова за десять тысяч досматривать вас прямо в ложе оперного театра и выносить ваши памперсы, напевая арию из «Аиды». Хор и кордебалет мы найдем посыпать лепестками роз путь к мусорной корзине. Ах да! Вот только грудь у меня недостаточно маленькая для ваших лапок. Простите.

Днем наступила жара. Хозяйки открывают окна. По стеклянному озеру пошла рябь. Зазияли топью оконные впадины. Не то чтобы я сегодня очень устала, но побродить по городу не помещает. По-прежнему дома встречать меня некому. Собачку завести или кошечку? Чтобы на старости лет стать безумной старушонкой в окружении песьей своры? Если честно, такая перспектива меня пугает больше всего. Вначале один пес или кот. Затем — десяток. Так и втянуться можно. Как с наркотиками. Тем более, животные долго не живут. Разве что черепашки. Заведу-ка я черепашку. Проживет она после меня лет двести. Но что толку? Разве черепахи будут следить за новостями и писать мемуары? Вот недавно умерла черепаха Дарвина, никаких томов полезных воспоминаний для потомков после себя не оставив. Печаль. К тому же навряд ли после меня останутся какие-то наследники. Кому черепашку после смерти своей завещать? Привяжусь ведь к животинке.

Над асфальтом дрожит нагретый воздух. Похож на расплавленное стекло. Миражи-витражи: калейдоскоп отблесков и мельчайших бликов.

Вдруг знакомая фигура навстречу. Алекс? Солнце слепит глаза. Не сразу раз обрала, что не он. Ещё вон там, за углом дома, человек. Человек или тень? Тень. И даже не от человека. Что там? Всего лишь отбитая от дома водосточная труба. Наваждение какое-то идиотское.

Я же ему даже адрес бабки дала. Не будет ведь он меня бесконечно преследовать, словно маниак из ужастиков. Хотя в последнюю нашу встречу он выглядел довольно-таки маниакальненько. И жаль его, и страшно. Ещё — чувство вины. Когда не хочешь в глаза обиженным тобою смотреть. Вспоминать не хо-

чется, а призрак воспоминаний возникает сам собой. Навязчиво, на каждом углу.

Прийти к нему, прощения попросить? Так он ещё неправильно понять может. Решит, что вернуть хочу. Прихожу я в покаянных соплях, а он мне — деточка, чего тебе? Твоё время вышло... ну, и тому подобное. К тому же не сильно-то я и сама уже верю в ту чушь, что сотворила. Это все было от отчаяния. Сейчас отчаяния нет. И желания его видеть. А от чувства вины нужно уметь избавляться. Насколько в ответе мы за тех, кто вначале приручил нас, а затем больно дал по носу?

Я почти дома. В окне, выходящем на лестницу парадного, метнулось что-то высокое, чёрное, похожее на мужскую фигуру. Я остановилась, не решаясь войти. Дождалась возвращающихся домой соседей. Но человек на лестнице оказался реальным и знакомым мне.

— Привет. Ты меня помнишь? Я друг Алекса, Юра.

Бабулька-соседка вопросительно глянула на меня. Да, все в порядке. Юрка хорошо помню. Ну, конечно же, Алекс «не в курсе». Юра нашел меня сам по собственной инициативе. Решил, наверное, что я — вершительница судеб человеческих. Мне останется только палочкой взмахнуть и все наладить.

Хоть курение на лестничной площадке и запрещено, его к себе в квартиру я не пригласила.

— Диана, я понимаю, что это наглость с моей стороны, но я не знаю, к кому еще обратиться.

(Мы и впрямь не такие уж близкие друзья, ну-ну... хотя, конечно, догадываюсь, о чем будет разговор.)

— Вы с Алексом давно врозь, но ты единственный разумный и ответственный человек из его окружения.

(Нянька. Бывшая, причем).

— Юра, подожди, у него же вроде мама еще была.

— С мамой там напряженка. Часто ли ты ее видела, когда вы вместе жили?

— Только знала, что она где-то есть. Приняла на веру, что Алекс не из космического яйца вылупился.

— Номинальная мать.

— Ладно (будь проклято мое чувство ответственности за когда-то прирученных), что на этот раз случилось?

— Не случилось, а продолжается. Совсем человек от рук отбил. Обособился даже от лучших друзей. Раньше и поговорить могли, и погулять. Теперь каким-то странным сделался. Домой все спешит.

— Так, может, у него подружка появилась? Ты меня хотел этим обрадовать? Или просто хвастаешься?

(Точно, Алекс подслал.)

— В том-то и дело, что нет. Мы бы знали.

— Я его видела не так давно. Даже адрес бабки дала, для его успокоения. Что еще я могу для него сделать?

(Просто вежливая форма отказа, но, ёлки, выглядит спасательным кругом. Не нужно было так говорить. Юрок за эту фразу и вцепился.)

— Попробуй с ним поговорить еще раз. Вдруг тебе он как раз и откроется. Бывшая все-таки не чужой человек.

(Да боюсь я к нему идти! Идиот ты! Это как нанести человеку травму, а потом заявиться к нему в больницу с апельсинками. Тут даже хуже. Я сама не понимаю, что натворила. И виновата ли вообще.)

— Я постараюсь.

(Когда-нибудь, потом — как говорила одна моя хорошая знакомая, когда не хотела выполнять обещанное. Но я-то, блин, выполню. Только вот каким образом?)

— Постарайся, Дианка. Я ведь не шучу.

Да и сам на себя, шута горохового, не похожий, ушел. Видать, дело совсем плохо. Как перед Алексом мне оправдаться при встрече? Он ведь уверен в моих злодеяниях. Вдруг какую-то гадость мне сделает?

Точка, точка, точка — три кратких матюка. Крик мужской. Тире, тире, тире — женский. Это всего лишь мои соседи снизу. Муж — слабослышащий ловец белочек и его гражданская жена Аня. С ними я знакома заочно. Однажды Аня решила, что я вполне подхожу для роли персональной консьержки: ее глухой муж никогда не подходил к домофону, когда она трезвонила в три часа ночи, притащив очередную порцию спирта.

С тех пор в мой домофон регулярно звонили. Каждый раз, искренне удивляясь, что на улице ночь. Если я не брала трубку или отключала домофон, Аня, стоя под окнами, призывно орала:

— Коля, Коля... — пока полуглухой Коля не бросал ей вниз ключи. Сделать второй комплект никто не догадывался, или Коле Аня была не особенно и нужна.

Следующий виток взаимодействий Ани и Коли — его пьяные вопли и бой стекла. Из квартиры Коля обычно не выходил. Зато Аня, молодая еще и даже красивая девка, улепетывала в слезах, обещая, что никогда... но через день или два возвращалась. Опять звонок. Опять падающие ключи. Опять крики.

Крик, переходящий в стон. Стон, перемежающийся с воем. Сколько мне еще придется терпеть этот бред? Даже когда добрела домой и плотно дверь за собой закрыла, все равно скребет как ножом по стеклу Колюнин вой. Не выдерживаю.

Низким басом, в шутку, в первую очередь, чтобы успокоить себя, а не для Колюниного устрашения, начинаю вещать:

— Внемли Метатрону, вестнику Всемогущего, гласу Бога истинного... Внемли Метатрону, вестнику Всемогущего, гласу Бога истинного... Внемли Метатрону, вестнику Всемогущего, гласу Бога истинного...

Чувак явно «Догму» не смотрел. Притих.

— Внемли и пасть свою закрой на веки вечные... хотя бы до вечера.

Снизу раздался стук падающей бутылки.

— Внемли гласу Серафимовому (Ох, Хоспади, Диана, куда тебя занесло!), с пьянством завязывай. Иначе прилетят к тебе ангелы на машинке с решетками и наденут саван белый с рукавами длинными. Завяжут ручки твои пакостливые за спину, чтобы стекла в доме не бил и жену не страшал. Засунут ангелы кляп в ротик твой иерихонский. Не будут в нашем доме просыпаться все от мала до велика от криков твоих долбанных.

Гробовая тишина. Весь дом меня слушает.

— Аминь!

Неожиданный эффект: Колюня больше в этот вечер не орал.

7.

На Дерибасовской ярмарка религий. Экумически заселенная эйкумена. Некто из секты религиозных подкупантов уже попытался всунуть Алексу брошурку о вреде наркотиков. Но вначале в руке оказались двадцать гривен:

— Возьми, брат... Я знаю, как тебе сейчас плохо.

Да неужели? Выглядит Алекс ещё достаточно прилично. Вот только его самого произведенное на окружающих впечатление волнует все меньше и меньше. Одет чисто. На работу ходит. Механически выполняет свои обязанности. Чего вам ещё? Разговаривать? Общаться с кем-то? Да и зачем.

Юноша не отстаёт:

— Братан, все же по глазам видно. Это — пропасть. Ты можешь сейчас отрицать, но придет момент темноты. Когда начнешь падать и ухватиться будет не за кого. Я хочу, чтобы ты знал, что есть такое место, где примут и поддержат. Где собираются люди, прошедшие через те же муки, что и ты.

— Эй, отпусти меня! Ты что-то неправильно понял. Я не употребляю!

— Да-да-да, конечно. Но все равно приходи. Наша молодежная группа «Славное воскресенье» собирается по пятницам в ДК Политеха. Мы там о реальной жизни говорим. О наших с тобой проблемах. Есть талантливые ребята. Они умеют на гитаре играть. Ты бы слышал. А поют...

— Не надо мне песен! У меня на пение аллергия!

— Ну, хорошо. Путь твой. Ты все-таки подумай. Мы ждём.

Ага. Брошюрка красочная. На первых страницах шприц с иглой (все в черно-красных тонах), в середине — вселенский потоп (непонятно зачем). Далее — адские муки грешников. Завершает этот опус картинка спасения: луга с радостным Иисусом, играющим с овечками на лугу (цвета пастельные, такими детские комнаты разукрашивают). Вот так сразу Алекс спастись и пойдёт. Как нарик законченный. Неужели стал настолько похож, что за своих принимают? Удивительно тогда, что еще никто в подворотне дозу не предложил.

Возле парка православный поп с коробкой для подаяний увлеченно спорит с чернокожим баптистским проповедником. Шоу продолжается уже не первый месяц. Прохожие даже вни-

мание перестали обращать на эту парочку. Эти-то хоть заняты друг с другом и в душу к окружающим перестали лезть.

Танцы кришнаитов в боа из цветов. Очередное приглашение отведать рулетков из бананов.

— Спасибо. Я кровь юных девственниц предпочитаю!

Шарахнулись, не восприняв шутку.

Но с юными девственницами Алексу в последнее время не везло. Пускай бы уж и не такие юные, и совсем не девственницы. Но как-то они перестали его замечать, а на «подкаты» совсем уж реагировали вяло. Такого раньше не замечалось.

Любительниц шары, как и прежде, было достаточно. Стоило подкатить к такой, и сразу же (измерив твою стоимость) начиналась игра.

Никаких поцелуев. Ни-ни. Прогулка по ночному городу — ладно. Слово за слово — у бедной красавицы столько проблем, что не выкарабкаться. Как они с бывшим разошлись. Как тяжело папа болеет, а помощи никакой. И взгляд сквозь Алекса:

— Где они, настоящие мужчины.

...ещё и долги накопились.

Спросить бы прямо цену вопроса. Но нет. Барышни же такие интеллигентные, могут обидеться. А лечить чужого папу... Да и на игры настроения не хватало. Алекс лишь томно в ответ вздыхал:

— Действительно, где?

После чего шаровички предсказуемо отчаливали.

Ещё была встреча с некрасивой лаборанткой исторического факультета, но там не дала уединиться строгая мать. Все устраивала допросы за чаем с тортиком. Докатился и до такого.

В конце концов Алекс решил вообще ничего не предпринимать в личной жизни. Не везёт, и фиг с ним. Но непонятное беспокойство не отпускало. Знал бы Юрок, что его приятель не дома отсиживается, а по улицам бродит, как бомж или сумасшедший.

В переходе на пересечении Дерибасовской и Преображенской поёт женщина. Её пение контрастирует с шумом уличных музыкантов. Оперный голос. Вокруг нее будто бы вакуум. Арии из «Травиаты» и ещё какие-то, Алекс не знает. Певица пожилая. Ей трудно петь. Голос выводит несколько музыкальных фраз, а

затем срывается. Но она начинает снова. Одна и та же музыкальная фраза. Женщина в серой накидке. Чёрные сетки перчаток можно было бы назвать винтажом. Белая, иссушенная, но с величавой осанкой. Просить подаяние выше её сил, и поэтому она решила так. Решила петь.

Прозрачный, будто бы бесплотный голос. Фраза, повторяющаяся бесконечное количество раз. Алекс бежал через переход, заткнув уши. У него с недавнего времени на пение аллергия.

Но не так уж все было фатально. Например, эта вот, Ната, была веселой. Хотя её дружки Алекса характеризовали бы «слегка подержанной». Но она сама... сама!.. вдруг предложила Алексу встретиться. Нате было скучно. Муж в непрерывных загулах. Как же быть с простым женским счастьем? Счастье дарить нужно людям вокруг. Так говорили Нате на семинарах по психологии семейного счастья и на аутотренингах «Позитивное мышление среди серых будней». Ната украшала свои будни как могла. Расставив мебель дома по фен-шуй, она выкинула все вещи старше пятилетнего срока служения. Но и этого оказалось мало. Затем возникли курсы астрологии, клуб эзотерических волхвований. Позитивное мышление заставляло действовать. Но так как конкретной цели не было, вокруг возникал лишь непонятный вихрь. В вихре крутились добрые почины помощи бездомным животным и мастер-классы по наращиванию ресниц и ногтей, участие в кулинарных квестах и церковные пасхальные бдения. В этой воронке изредка возникали ми-ми-мишки, которых когда-то изваляла из шерсти Ната, и художественные фотографии, сделанные ей на берегах Турции. Воронка была похожа на запрос в системе «Гугл» — такая же бессмысленная. Теперь же пришло время энергетического обмена с новым партнёром. Так как энергия Наты была со сплошным знаком плюс, то его (обязательно) должна быть с минусом. Иначе, согласно восточным учениям, Ната бы просто взорвалась. Да и еще она знала: «нужно отдавать безвозмездно». Тогда и придет в два раза больше. Но что? Тссс — великая эзотерическая тайна.

Молоденький, задумчивый. На алкаша и наркомана вроде бы не похож. На неудачника тоже. Много не говорит. Следовательно-

но, прерывать ее болтовню особо часто не будет. Не зануда. Не станет поправлять и поучать. То, что нужно. Берём.

Братя решила в своей квартире. Муж отчалил на неделю. К дружкам или в командировку. Не уточнила.

В назначенный час — звонок. Не успела ещё правильно сервировать стол, но пять свечей, символизирующих пентакль, поставила. Не забыть бы их по часовой стрелке зажечь.

Он вошёл слегка угрюм. Этакая лёгкая потрепанность юного самца, способная пробудить в зрелой женщине самку и мать. Мать поспешила накрыть стол, а самка приготовила бутылку коньяка на полу у кровати.

Ужин прошёл чинно. Как-то уж очень официально, как показалось Нате. Возлюбленный был похож больше на пластикового маникена, а не на хоть мало-мальски заинтересованного, ну, слушателя, что ли.

Ничего. Она дама сильная, энергетически позитивно ориентированная. Постарается это исправить. Для личностного роста кармы в последующих воплощениях.

— Знаешь, я тут недавно прочитала, что для восполнения твоей энергии нужен учитель. Как бы этаким проводник. Должно ещё быть определённое место. Место силы для этого учителя. Чтобы сразу же, по окончании действия он мог восполнить затраченный потенциал.

— Я не против, как ты сама понимаешь. Иначе бы и не пришёл.

— Ну что же. Тогда начнём, пожалуй.

Плавно переместились на кровать. Все в порядке. Предварительные ласки. Затем будет секс. Ната сможет опробовать тантрические техники. Нужно проверить, действительно ли готово все. Рука её лезет под кровать, в то время как вторая гладит Алексу грудь. Так. Бутылка. Дальше. Пусто. Под кроватью пусто, а должна же там еще быть коробочка с нефритовой статуэткой божка Хьюмуня, дающего высшее прозрение в момент высочайшей точки экстаза. Без Хьюмуня все не так интересно.

— Эй... подожди ещё секунду.

— Что опять такое?

— Ты же хочешь, чтобы у нас все получилось наилучшим образом?

— Уже давно я хочу. Ты даже представить себе не можешь как.

— Тогда, пожалуйста, сходи в соседнюю комнату. Это — кладовка. Там — шкаф. На верхней полке, слева, лежит деревянная шкатулка. Она нам и нужна.

— Для полного счастья?

— Для полного.

Пришлось подняться за шкатулкой.

— Где?

— Сверху.

— Там нет.

— Да нет же, снизу.

— Тьфу ты. Полно паутины.

И ещё какие-то опилки высыпались Алексею прямо на нос.

— Ящик нижний сверху справа.

Посыпалось ещё что-то черное. Похожее на угольную пыль.

— Я не вижу уже ничего. Можешь помочь?

Но только томная возлюбленная спустила ноги с кровати, раздался звук поворачивающегося в двери ключа.

— Чёрт. Муж пришёл.

И, она уже знала, по звуку отпираемой двери, пьяный. Алекс же рассудил по шуму, производимому в коридоре, что муж попался большой и агрессивный.

— Я... Я... как-то неожиданно... Ты почему вернулся?

— Вернулся? Ты что, не рада? Мужу, мать твою. Я что, отчитываться буду? Где тут туалет?

— Думала, что вы на все выходные загулять планировали.

— Думала. Я тоже думал, но у Толика машина сломалась.

Пока чинили, решили уже куда не ехать. Где туалет в этом хламовнике? Ща в коридоре нассу!!!

— Подожди! Это-кладовка!!

— А, пофигу!

Алекс все-таки успел вжаться в угол. Не самый грязный, но ему тут же захотелось чесаться и чихать. Надеялся только, что тут свет не включается.

Мощная бычья фигура загородила проем. Раздалось журчание. Может, обойдётся? Вроде бы уже закончил. Выходи скорее, родной. Отправляйся баиньки. Ждут тебя там зайньки. Но

«родной» все стоял, покачиваясь. Размышляя, застегивать штаны или так сойдёт. Из размышлений его вывел громкий чих. Не успев ничего сообразить, он увидел, что на него несется бледная фигура с круглыми глазами и паклей спутанных волос. Заметил в волосах паутину. Сказал:

— Ежкин домовый. Так вот ты какой!

В груди как-то холодно ухнуло, а затем наступила спасительная темнота.

Оглядев тело, Алекс как-то вяло поинтересовался у Наты:

— Вам помочь?

— Да сама справлюсь. Не в первый раз. У меня даже специальный пуфик и есть. Я его кладу туда. А утром — сам. Скотина! Теперь уж точно с пьянством завяжет.

«А я с бабами», — меланхолично подумал Алекс, направляясь к выходу.

Возле парадной его остановил крик:

— Ксюха! Ксюха!

Парнишка лет пятнадцати, задрал голову, звал свою подругу.

Ксюха появилась в окне.

— Хочешь по хот-догу захомячим? Спускайся, я купил!

— Иду!

Через минуту выбежала из дому. Молоденькая. Свежая. Сияющая. Вот так подкатывать нужно, Алекс, вот так.

Голуби топтались по жестяному козырьку, как слоны. Мало того, что они летающие клошары — они просто жестокие, летающие дебилы. Алекс из-за них выспаться никогда не мог, когда гостил у мамы. Голуби как бы пробуксовывают, и вместо утреннего сна ты все ждешь, свалится этот сизый ублюдок вниз или нет. Но такого удовольствия он тебе никогда не доставит.

Подолгу жить в родном доме у Алекса не получалось. Находила какая-то тоска с послевкусием обманутых ожиданий. Откуда? Ещё подростком возникало желание сбежать. Он и сбегал. На день. На два дня. Затем сам и возвращался к ней, равнодушной матери. Женщине, которая ни разу не побежала разыскивать своего блудного сына, не обзванивала друзей, не подавала заявлений в милицию. Она просто ждала, когда сын вернется. Обыч-

но сидя на кухне в каком-то шелковом дешевом китайском халате и табачном дыму. Задумчивая, будто гусеница из «Алисы в стране чудес». Вечный заоблачный поиск.

Сегодня Алексею на завтрак была предоставлена недожаренная котлета с макаронами. Мать, как обычно, нуждалась в дружеских советах. Глупости, что матери обсуждать свою личную жизнь с родным сыном — это как-то не совсем гигиенично:

— Как там твой молодой человек? Коллекторы больше не беспокоили?

— Нет. Мы же официально в браке, слава богу, не состояли. Так что вопрос снят. Зато появился мой старый приятель. Угадай кто?

— Хм?

— Женечка. Евгений Львович.

— Это который?

— Преподаватель. Вспоминаешь?

— Ну, так себе, в общих чертах.

— Мальчик-дедушка. Тощенький такой. Он не против опять отношения замутить. Все расписывал мне, какая я хорошая невеста, а он — выгодный жених. Как нам неплохо вместе было в прошлый раз. Говорит, говорит — в кресло садится, и тут у него что-то в костях хрусть. Сидит, распрямиться не может. Затем за скрипело в нем что-то. Я не знаю, как от смеха удержаться. Жених! Ещё могу понять, когда люди по тридцать лет вместе живут. Тут друг другу родными становишься. Но доживать с чужим скрипучим дедом?!!

— Злая ты, мам. Он хоть распрямиться смог?

— Да, я уже испугалась, что скорую придётся вызывать. Но представляешь... Хотя, сынок, не весело мне. Как той, у ресторана. Которой сдохнуть рано. Ещё лет десять и все.

— Мам, ну перестань.

Но мама уже замолчала. Опять эта длинная пауза, от которой Алексею захотелось сбежать.

Голуби щёлкали по карнизу, как дождь. Нудный, мерный и тоскливый.

Занавеси, запускающие в комнату свежий тёплый воздух. Шевелятся жабры-тюль. Огромный организм комнат совершает вдох. Наконец-то наступило лето, значит, можно наслаждаться воздушными ваннами. Сейчас. Ночью.

Ната не страдала излишними комплексами. Она знала, что её крепко сбитое тельце привлекательно для самцов, поэтому не стеснялась ходить по своей квартире голой. Вечером. При включенном свете. Такое зрелище может не понравиться только завистникам. Тем более, что подобное действие было сродни магическому ритуалу, а ритуалы Наталья любила.

Мужа, как обычно, дома не было. Некому было обвинять её в аморалке.

Из кухни в комнату. Ванна, коридор. Дымок свечей с лавандой сегодня почему-то не поднимался вверх. Убегал на пол. И сквозняков вроде бы не было. Странно. По-видимому, кто-то с негативной энергетикой посещал недавно дом Натальи. Жанна? Точно, она. Значит, нужно срочно чистить. И не лавандой, а ладаном. Зажгла под жестяным блюдечком фитиль. Почему эти сербристого цвета кубики не плавятся?

Зазвонил домофон. Чего испугалась? Это всего лишь сосед ключи забыл. Симпатичный, между прочем, соседка. Можно в окно на него глянуть из-за полупрозрачной бежевой занавески. Так, чтобы выглядело не совсем уж откровенно. Небольшая пикантность. Оценил. Удивился. Улыбаться начал. Значит, скучный вечер прошел не зря. Можно ложиться спать.

Проснулась она неожиданно посреди ночи. Подумала вначале, что из-за комаров. Лёгкие прикосновения, едва распознаваемые волосками на коже. Но ожидаемого комариного писка не последовало. Поглаживание. Паук? Паучище?! Мерзость какая.

Ната включила свет. Перетрусилась простыни. Никаких насекомых. Была мысль спать с включенным светом. Но, проворочавшись часа два без сна, она решила выключить лампу. Минут пять ничего не происходило. Ната уже начала засыпать, и тут... будто тысячи маленьких пальчиков мелкой дробью забарабанили, защекотали по шее, по груди, под мышками. Она хотела выскочить из кровати. Но вместо этого согнулась, подтянув ноги к животу, и смеялась... смеялась. Слышали все соседи ее весе-

лый смех. Думали: «Опять к себе мужика притащила». Затем в квартире наступила тишина.

Когда на следующую ночь в квартиру ввалилась развеселая компания во главе с пьяным мужем, Ната все так же лежала согнувшись. Вначале на неё особого внимания не обратили. Затем, окончательно раздобрев от водки, решили пригласить к столу. Не смогли растормошить. Вызывали скорую. Скорая констатировала смерть. Последующая экспертиза показала: от сердечного приступа.

На визите Юрия моя неделя странностей не закончилась. Ко мне еще один приятель Алекса заявился (и не надоест же ему друзей ко мне подсылать). Не знаю, как зовут этого холеного «вьюноша», но помню, что Алекс называл его любовно: «Крыс». Прямо ко мне на работу притащился. Я и так рядом с подобными персонажами чувствую себя козой задрипанной, так он решил еще усугубить ситуацию. Ведь после того как попрыгаешь клоуном перед своими «студентами», отнюдь не розами пахнуть будешь. А не попрыгаешь, результатов не будет. «Студенты» попросту тебя не поймут. Нет, ну конечно, он должен был увидеть меня именно в таком образе. Как сейчас говорят, «луке» (чесноке, блин). И осмотрел же с ног до головы.

— Ты по тому же вопросу?

— Э... понимаешь, милая, я бы не стал тебя тревожить, если бы не крайняя, как бы сказать, нужда.

— Вы, молодой человек, да в нужде? Не поверю.

— Спасибо. Я... но и не столько я, сколько Алекс, и другой народ из нашей дружной компании нуждается в некотором разъяснении ситуации.

— В смысле?

— Ну, ты же, милочка, виновата во всем.

— В чем?

(Мне начинать бояться прямо сейчас? Будет угрожать физической расправой? Учитывая то, что находится он на моей территории, думаю, не рискнет.)

— Сама знаешь, в чем. В «сглазах» этих всяких. Что нормальным людям стал бред всякий мерещиться.

— Ты что, совсем... одичал?

— Все к тому идет. В странненьких, по твоей милости, превращаемся. Как ты это делаешь, ума не приложу!

(Странненькими? Когда про странненьких говоришь, как-то подозрительно испуганно ты выглядишь, несмотря на свои бравады. Что же так странненьких боишься, морда бомондная, хипстерская? Хочешь действительно странненьких увидеть? «Их есть у меня...»).

— Подожди, подожди, но ведь это Алекс прекратил наше с ним общение. Забрал вещи!

— Но ты же на него порчу наводила.

— Опять это.... Ты действительно меня такой крутой ведьмой считаешь?

В дверь моего кабинета скребут. Аутик Саша пришел ко мне на урок. Ну, подожди! Я виновата. И подружку свою голую, наверняка тоже ты, Крыс, ко мне подослал. И в истинности порчи вы все как-то уж излишне настойчиво пытаетесь убедить. Хочешь, я тебе тоже устрою встречу с непознанным? Сильно боишься для окружающих не комильфо оказаться.

— Саша, заходи.

Я открываю дверь и выхожу из кабинета. Я хочу впустить внутрь класса не Сашу, а его фантазии. Пусть мир, с которым мне приходится иметь дело чуть ли не каждый день, сметет, подомнет под себя плоский мирок офисных клерков. Плоский мир древних держался хотя бы на черепахе. У них, беспроблемных деток, вместо реальности — столики на тонких ножках из оргстекла. Круши, Диана, Круши!

Зачем эта дура выскочила за дверь, я сначала не понял. Хотел выйти следом, но тут в дверной проем просунулась огромная голова с костяным наростом на носу. Носорог. Белый. Чудовище протиснулось сквозь двери. Замечаю, что на его спине сидит полуобнаженная женщина. Негритянка с кожей цвета дерева макоре. Тварь ведёт себя смиренно, хотя пыхтит в мою сторону как мини-паровоз. Не успел я глаза протереть, как экзотическая девушка обратилась ко мне с тягучим медовым акцентом:

— Извините, здесь проходят коррекционные занятия?
— Умц.
— Ключ, проводка, двадцать пять, повернуть на три шага.
— Вы вообще-то кто?
— Это кто-то, кто таится. Волшебная танцовщица. Нужно, долго повторяя, делать два и три.

— Я не понимаю.

— По-ни-маю — три слога. У трех слогов два шага. Делать раз и делать два, иначе будет звонить колокол в ушах.

Девушка с кожей цвета дерева макоре проезжает на белом носороге вглубь комнаты. Становится на его спину. Начинает танцевать медленный ритмичный танец. Вначале это лёгкие движения бедрами. Затем подключаются ладони. Будто бы загребают ими тяжелый мокрый песок. Вот слегка наклонилась вперёд. Глаза закрыты. Она считает, задавая счётом ритм:

— Два, четырнадцать, семнадцать. Птица восемнадцать. Посмотри, что внутри. Цифры, цифры без конца. Цифры-кости без крестца. Соединить цифрой семь совсем.

Маленькие ножки с отбеленной кожей подошв переступают на спине зверюги. Зверюга нагибает свою башку и пыхтит ещё сильнее. Смотрит на меня ненавидящим тупым взглядом. Если бы не танцовщица на спине, носорог бы меня разорвал.

Постепенно её танец переходит на следующий этап. Все так же продолжая считать, она начинает кружиться. Вначале медленно, затем все набирая скорость. Я потихоньку протискиваюсь к двери. Одновременно пытаюсь заговорить зубы то ли девушке, то ли носорогу:

— Я это... сейчас... скоро вернусь. Вы не думайте, я не испугался. Хороший танец. Бодрый такой. Жизнеутверждающий.

Носорог разворачивается мордой ко мне. Я уверен, что он своего не упустит. Негритянка кружится все быстрее и быстрее:

— Два, четырнадцать, семнадцать. Птица восемнадцать. Посмотри, что внутри. Цифры, цифры без конца. Цифры-кости без крестца.

Её голос становится тоньше и тоньше. Срывается на писк. Вращаясь со скоростью спиннера, она превращается в чёрную иглу, деревянную занозу, которая, взвизгнув в последний раз, исчезает.

Носорог, еще ниже припав на передние конечности, делает резкое движение ко мне. Я выскакиваю из комнаты. За дверью, скрестив руки, стоит Диана. Смотрю на неё. Меня даже не ухмылка её удивляет вредная. Глаза. Взгляд совершенно ведьмацкий. Причём не милой анимешной ведьмочки, а бесовки, чёрной, злой. Симпатичная, в общем-то, мордашка, в морду исказилась.

У меня такое странное впечатление сложилось, когда он из комнаты выбежал, что он больше меня испугался, а не Сашеньку. Доброе же у меня бывает, наверное, выражение лица. Колдовство-ведовство, а ведь я тоже что-то могу. И доброе дело сделать, и злое. Да и многие другие люди магическими способностями обладают. То есть, это мы их «магией» называем. А на самом деле это — физика. Мы просто не можем уловить все из-за своей физической ограниченности. Существуют ведь инфразвук и ультразвук, которые мы без специальных аппаратов не воспринимаем.

Каким же образом законы эти действуют, никому из людей неизвестно. Как осуществляются человеческие желания и страхи? Интересно было бы мне понять как. Чтобы уметь контролировать эту свою вполне человеческую «ведьмацкую» особенность. Пока что мне лишь остается временами чувствовать, что я — нечто большее, чем физическая оболочка. Удивляться (разве я так могу?) или пугаться, что за моей спиной стоит некто невидимый и выполняет желания, но не ради благих целей или точного результата, а так, чтобы просто поприкалываться. И чем более идиотским выходит результат, тем этот некто более доволен. Во всяком случае, сегодня я смогла показать гламурному мальчику альтернативные миры. Что значит быть «страненьким». Не понравилось? Ну, что же... Я не виновата.

Умение оградить себя от лишнего шума, лишних эмоций, лишних людей, пожалуй, самое ценное качество. Лучшие варианты решения проблемы приходят тогда, когда проблему отправляешь погулять на длинном поводке за угол дома.

Придя домой, зашторила окна, чтобы жара не допекала меня. Цветочный чай без сахара. Можно даже немного лайма. Лед. Терпкий вкус.

Под лампой танцуют стайки залетевших через форточку мух. Музыка группы «The Sorcerers», включенная на телефоне, для такого вечера подойдет. У тонких ценителей музыки есть раритетные проигрыватели и виниловые пластинки. У меня есть лаймово-зеленый отблеск солнца сквозь шторы и гипномухи, вращающиеся вокруг лампы не хуже, чем гипновинил.

Еще нужно взять какую-то книжку в руки. Желательно иллюстрированный каталог по истории моды. Глянцевые страницы в шторных солнечных отблесках приобретают цвет старой, позеленевшей меди.

Так я просидела до позднего вечера. Солнечный лайм моей комнаты потемнел. Не открывая окон, включаю бра. Когда, переварачивая страницы, приминаешь листы, кавалеры и дамы в старинных костюмах уходят в бумажную тень. Бумага пахнет свежей типографской краской, несмотря на то что альбому лет сорок.

Слышу удары капель в окно. Странно, ведь дождь и не намечался. Удары сыпятся гроздьями. Затем тишина. Затем опять гроздь ударов. Я не выдерживаю и отодвигаю шторы. Ничего. Сумерки. Смех. Где-то во дворе звонко смеется женщина. Интонации у смеха странные. Нечеловеческие какие-то. И на механический смех игрушки тоже мало похоже. Стекланный, перекатывающийся смешок на высоких нотах.

Почти стемнело, и очертания предметов во дворе уже размыты. Но её фигурку я вижу. Фигурку абсолютно обнаженной женщины посреди типичного таировского двора с девятиэтажками. Чётко видна посреди сумеречных теней. Аж удивительно. Идеальные классические формы. Полные бедра, тонкая талия. Высокая округлая грудь. А вот лицо увидеть никак не получается. Похоже на помехи на экране. Или когда свет в глаза слепит. Только без отблесков.

Слышу стеклянное:

— Ди-на! Ди-на!

Меня по имени зовет. Рукой вот поманила. Точно, меня. В мою сторону лицо повернуто. Я прячусь за занавеску.

Женщина опять отвечает на мои действия коротким звонким смешком (беззаботным таким и пустым), разворачивается и исчезает за дворовыми деревьями.

9.

Пусть ошарашенные друзья ищут выход, а Дианка мучается осознанием собственной вины и воображает себя ведьмой — сам Алекс постепенно к создавшейся ситуации привык. Приступы страха прошли. На работе он научился принимать вполне вменяемый вид. Средней тормознутости служащий. Главное — внимания к себе излишнего не привлекать. Пения, зовущего и зудящего, будто свежая рана, он больше не слышал. Но зато в его холостяцкой квартире, неведомо откуда, стали появляться маленькие подарки. Вещи из ниоткуда, которые никто из друзей принести не мог. Обрывок плетеного браслета. Лента с посеченными краями, запутавшаяся красным коконом. Обломок украшения (он похож на старинный, но явно не из драгоценного металла). Пряжка от мужской сандалии. Алекс эти вещи выбрасывал, но они появлялись снова.

Однажды, выйдя из ванной, он услышал хлопанье крыльев. Судя по звуку, большая птица застряла где-то на кухне. Наверно, влетела через форточку. Нужно будет выпустить. Трепыхающийся комок перьев, рискующий самоубиться о стекло на территории твоей квартиры, — малоприятное зрелище. Но никто, кроме тебя, это чудовище не изгонит.

Собравшись с духом (это же сколько всякой заразы у голубей — мерзость), взяв полотенце, Алекс вышел на кухню. Звук затих. Никого не было. Только солнечные блики гуляли по стенам. Под ногами хрустнуло. Тапок стал мокрым. На полу, в луже воды, валялись осколки разбитой тарелки. Дальше — еще одна и еще... миска с водой. Он точно воду в посуду не набирал и на пол не ставил. В последней из тарелок лежал пучок какой-то полусгнившей травы. Очередной подарок от Нее. Как это поженски: мужчин подарками подкупать.

Почему-то Она решила, что травы ему нравятся. Ещё несколько раз он находился у себя в доме букетики любистка и дикой мяты. На полке с дисками и даже среди одежды в шкафу. Мелко раскрошенные стебли однажды оказались в кофейнике.

Алекс давно уже перестал бояться подобных сюрпризов. Эта реальность постепенно вытесняла привычный мирок. Время, вместо того чтобы лениво проглатывать валуны-дни, месяцы, а то и целые сезоны от зарплаты до отпуска, стало проигрывать перед ним какое-то занимательное 3D кино. С ним же самим в главной роли. Кадром, зависшим на экране по вине нерадивого механика, стали теперь выглядеть походы в курилку, очередные попытки «склеить» подружек на выходной. Общения с бывшими дружками Антон теперь старался избегать. Он спешил домой. Ждал очередной весточки. А если не дождался, начинал сердиться не хуже шестилетнего поцаненка, не получившего от матери машинку. Она же удивительно ловко подавала знак в тот момент, когда он собирался послать к чертям собачьим всю эту мистику.

Вот и сегодня ночью он проснулся от того, что рука сжимает прохладные спутанные стебли. Он провел рукой по подушке, пытаясь высвободиться от них, но травы оказалось слишком много. Вся наволочка, простынь утопала в травяном ковре. Вместо матраса под пальцы попали земляные комья. Земля начала уходить из-под его тела. Погружался все ниже и ниже. Куда? Не успел испугаться, как из трав и земли вынырнула она. Захватила, закружила. В травяной омут увлекла. Ускользала струйкой земли. Он ловил. Проникал вглубь травяного ковра. Оставался ни с чем и ловил снова. Слышал смех. Она обволакивала его. Пока желание не распустилось яркой всышкой. Папоротника цветок. На одну секунду. На одну ночь.

Далее — темнота. Свежий ночной ветер. Под руками трава. Над головой — ветки деревьев. Где? Почему на улице? Даже не на улице. В каком-то лесу. Деревья посажены ровными рядами. Парк? Лесопосадка? Он все ещё не воспринимал произошедшее. Просто лежал. Даже мысли лесным сквозняком выветрились. Ветки-струны. Звезды-ноты. Скрип старых стволов задаёт ритм. Ш-ш-ш — человек не дыши до утра. Да-да-да. Поку-да! Уда-да. Поку-да удача за уд возьмёт. Смешно такое слышать. Он встряхнулся. Встал. Нужно идти. Вперед, опять постепенно чувствуя её зов. Не осознавая цели. Кто он? Шелест. Тень, летящая между стволами. Без имени. Без памяти.

Грязный весь, в земле. На лице блажененькая улыбка. Вместо глаз — ночь. Вывернул на дорогу.

Час шел. Два. Замелькал за спиной свет. Зашелестел битый дорожный асфальт.

Черный: будто карета чумного доктора,двигающийся медленно, будто инферальный катафалк, на дороге показался полицейский «бобик».

Алекс улыбнулся ещё шире и миролюбивей. По какой-то еще людской привычке зачем-то взмахнул рукой. «Бобик» приторимозил. Подал назад. Открылась дверца. Изнутри послышался диалог:

— Ты о девке не забудь спросить.

— Какая девка? Узнать бы, где мы.

— Так ты же за ней первым увязался, а я виноват. Это ты говорил: «Давай остановимся, проверим». Ночью среди лесопосадки.

— Мы же полиция, если ты не забыл.

— Ага. Но насчет задержания всякой лесной нечисти у нас инструкций не поступало.

— Кто же знал, что так получится. Рассказать — не поверят!

Из машины выглянула крутолобая башка правохранителя. За минуту оценив внешний вид Алекса, спряталась обратно. Раздалось глухое:

— Фу, мля... Димыч, гони!!!

Дверца машины захлопнулась почти перед самым носом:

— Зомбак йопнутый!

Алексу ещё долго пришлось чихать от придорожной пыли.

10.

Хвала, хвала ясноликому! Наймудрейшему правителю! Повелителю растущих диаграмм, лени офисных работников усмирителю. Если бы он мотив мотивации не смоделировал, не вертелась бы планета наша, не поднималось на востоке солнышко. Получив целительный пендюль, и ромашки на лугу веселей растут. Доказано.

А еще владыка офисный здоровьем своих преданных слуг озабочен. Если вдруг слуга испортится, кому же груз ответст-

венности на плечах до мозолей кровавых протертых нести. Потому-то эти мозоли раз в год лекарями-целителями старательно врачевались. Ни где-нибудь, а в одной из лучших городских клиник.

Кубик, плиткой выстеленный. Вышколенный до неприличия персонал. Есть комната для релаксации. В комнате мешки с шуршащими наполнителями. Рыбки в аквариуме с зеленой подсветкой плавают. В коридоре поликлиники темень-тишина.

Крыс, отбывающий медицинское наказание — профосмотр, мучался скукой. Такой, что даже интернет в телефоне его не развлекал. Можно с шагомером по коридору туда-сюда ходить, головой стены мерять. Но вон уже вся очередь на тебя косится. Не заценили юмора.

— Шутка, это все. Я просто шучу.

Неудобно получилось.

Вот перед тобой в очереди сидит солидный человек. Одет весьма просто. Но мелкие детальки выдают статус. Кому, как не Крысу, разбираться в таких мелочах. Даже в манере держать себя статус чувствуется. На таких представителей высшего класса Крыс смотрит особенно внимательно. Учится. Каждую черточку бы скопировать. Ведь «понты» — это билет. Одежка, по которой примут. А ты тут балуешься, как малолетка. Стыдно.

Дамочка рядом презрительно скривила губки. Бог ты мой, что у нее с лицом! Ну, татуаж бровей, изгибу которых позавидуют пираты Карибского моря (почему у таких дамочек элементарно нет чувства меры?), скулы выпирают на «иссушенном» до состояния копченой камбалы лице. Но самыми страшными Крысу показались именно губы. Неприятно смотреть, но почему-то оторвать взгляд невозможно. Видит Крыс, будто бы помехи по экрану, рябь по лицу девушки пошла. Ошарашенно наблюдает, как силиконовые вареники губ выпятились вначале надутыми шариками, а затем кожа вокруг них втянулась внутрь и шарики превратились в двух продолговатых слизней, покрытых перламутровой помадой. Слизни, по-видимому, вытянув из иссохшего лица хозяйки последние капли жира, медленно поползли вниз. Спустились на подбородок. На шею. На полуобнаженную грудь. И спрятались в лифчик.

Стоп. Тут главное не показать, что с тобой что-то не в порядке. Учитывая тот факт, что сидишь в очереди к врачу. И врач этот должен освидетельствовать твою способность к труду на галерах милого сердцу офиса. Нет, молчать, обо всех своих глюках молчать. Иначе не будет тебе ни денежек, ни карьеры. В дурку запрут.

Тем временем («галерах офиса» — говоришь?) татуированные брови дамочки поднялись еще выше и... сломались. Ветки сухого дерева. Обскальпирванный тонкий носик ее вытянулся до безобразия. Вместе с безгубым ртом получился восклицательный знак.

— Мама дорогая! — воскликнул бы Крыс. Но статусные самцы так не восклицают. Они тихонько встают со стула и, гордо задрав голову, бочком, бочком, направляются к выходу.

Даже обнаружив у себя на штанах мокрое пятно, солидный человек не будет показывать ни малейшей тени смущения. Окружающие его воспитанные люди никогда не укажут ему на столь досадную оплошность его организма. Более того, если из спины солидного человека будет торчать нож, истинно воспитанные люди сделают вид, что так и должно быть. Даже если им придется потереть пару кровавых лужиц на полу. Солидный же человек направится в уборную, чтобы привести себя в надлежащий вид, стараясь «не палиться».

Пашенька проснулся от лёгкого шлепка по попе. На третьей секунде пробуждения вспомнил, что давно вышел из детского возраста. Что ему, здоровяцкому кабанчику, уже тридцать, и он один у себя в квартире, а не на отдыхе в пионерском лагере, где постоянно приходилось быть объектом для подобных шуток.

На минуту Пашенька понадеялся — шлепок был всего-лишь обманом чувств. Но нет. В следующее мгновение его погладили по щеке. В ванной вода зашумела и так же внезапно перестала течь. Прошуршали занавески, когда в комнату вошла Она. Запахло свежескошенной травой. Безмятежностью ночного луга.

— Не бойся! — крутилось в его голове.

— Не бойся! — настраивали на спокойный лад запахи.

Стрекот цикад. Галактики мерцающих в темноте светлячков.

— Подойди ко мне!

— А-аа-уууум...

— Подойди ко мне! Ты почувствуешь такую радость, которую ранее никогда не испытывал.

— Мммм...

— Я пою... Я знаю такие песни... Я знаю такие ласки... Больше ни с кем и никогда ты не попробуешь такого.

Тёмная обнаженная фигурка. Раскованные движения — сейчас будет бросок похотливой самки лесного зверя. Это — магия жеста, это — магия шёпота. Вот-вот Пашенька погрузится в любовную негу. Но...

Да, конечно, Пашенька — молодой мужчина и привоторыласки на него действовать должны. Но слишком уж хорошо Пашенька знает свои возможности. Слишком уж он привык получать в ответ на свои ухаживания либо насмешки, либо недоуменный взгляд. Год за годом сформировалась привычка недоверять. И все, что не укладывается в привычный алгоритм, вызывало у Пашеньки справедливое недоумение. И никакая магия не способна победить этот годами выработанный рефлекс.

Сейчас от страха он даже двигаться не может. Поле зрения сужается. Он наблюдает за собой будто со стороны. В голове крутится бесконечное: «Что за хрень!!! Чего оно от меня хочет?!!»

Обнаженная красавица подступает все ближе и ближе. Боль в животе. Испуг сменяется тошнотой. Резко подкатывает к горлу.

— Твою жизнь.

Мгновенье — из горла белесой липкой струей, перемежаясь с матерными комментариями и междометьями, летят прямо к ногам прекрасной девы куски плохо переваренных пельменей.

Детская машинка, грузовичок на радиоуправлении, везла по офисным комнатам в своём кузове стаканчик американо. Машинке была поставлена плановая задача: довести кофе от автомата до порога — и задача временная: довести кофе за пятнадцать минут. Через двадцать пять минут перерыв заканчивался, поэтому заканчиваются и все офисные игры.

Но выполнять план грузовичок не торопился. Вначале он завернул в угол и запутался в проводах от кофейного аппарата. Крыс (управляющий машинкой) даже испугался, что произойдет короткое замыкание. Затем грузовик упрямо втырился в ножку стола. Подвинул стул на колесиках и наконец-то расплескал полстаканчика прямо на пол.

Крыс слегка сматерился и полез вытирать. Вытирая, наткнулся на стоящие перед ним изящные женские ножки. Правда, верхнюю часть ножек, от колен, скрывала юбка официального стиля.

Человека в юбке звали Катя или Вера. Крыс часто с ней курил на перерывах. Даже обсуждал цены на новые дивайсы. Но имени не запомнил. Хотя помнил, что эта Катя или Вера ходит два раза в неделю в фитнес-центр и недавно в парикмахерской ей весьма неудачно нарастили ресницы. Но Катя-Вера не унывает, она достаточно долго посещала тренировки по личностному развитию, чтобы помнить, как это — унывать.

— Что? Его все еще нет?

— Как видишь, нет.

— Максим Маркович велел Алексу наконец-то пройти медосмотр и приступить к своим служебным обязанностям.

— Он так и не появлялся.

— Почему Максима Марковича должны волновать обстоятельства, при которых его подчиненный не выполняет план?

— Потому что он наш начальник.

— Вот именно. Весь отдел, включая начальство, теперь вынужден брать на себя лишнюю работу.

— А что я могу сделать? Я ведь не Алекс. Пусть Маркович Алекса ищет.

— Но вы же вроде бы друзьями были, нет?

— Были, вроде бы. Только я все равно не понимаю, почему должен бегать за ним? Разыскивать. Это его проблемы. Ты Пашеньку спроси. Пашок?

— У?

— Что ты на это скажешь?

— Я-то тут при чем? У меня все в порядке. Комиссию прошел. Функционирую. С Алексом пусть Маркович сам разбирает-

ся. Он начальство, и хвосты крутить входит в его обязанности, а не мои.

Катя или Вера только и смогла хмыкнуть в ответ. Действительно, если дружба начинает напрягать, зачем такие друзья?

Детская машинка, грузовичок, наконец-то доставила почти пустой стаканчик до рабочего места Крыса. Перерыв закончился через три минуты. С завтрашнего дня Алекс наверняка будет уволен. Ну и плевать. Слишком дорого такая дружба обходиться начинает. К тому же настоящие друзья окружающих в свои проблемы не впрягают.

11.

Я знаю, что многие любят петь в ванной комнате. Даже без особых вокальных данных получается довольно-таки прилично, благодаря акустике. Вот и стараются, хоть со слухом, хоть без. Я же (горе соседям моим, горе) люблю петь в ванной как можно ужасней. Не из злого умысла. Мне нравится, как по-разному может звучать мой голос и какие нечеловеческие звуки способен издавать. Бульканье и всхлипывание на басовых звуках. А если на высоких нотах пустить звук о стену, как мяч, он рассыплется на тысячу мелких бусин.

Ещё я люблю петь всякую околесицу. Обычные слова слишком стандартны, а вот отдельные слоги похожи на лесных птиц. Они могут взмывать вверх и падать камнями. Они будто параллельная музыкальная линия. Контрапункт к основной мелодии. Сочетание слогов прочерчивает линии на кафельном фоне. Я открываю воду. Постепенно, настолько увлекаюсь пропеванием слогов, что захожу в транс. Мои слоги-птицы вылетают через слуховое окно на кухню. Бьют крыльями по воде в тазу. Я чувствую, как они выходят из-под моего контроля. Становятся все более материальными. Моё песенное баловство превращается в заклинание, смысл которого неясен мне самой. И я в испуге останавливаюсь. Птицы-слоги исчезают. Что это было? Бред или магия?

Иду на кухню. Включаю газовую плиту. Газ идёт, но конфорка не загорается. Не выключая её, ставлю чайник. Жду ещё минуту, а затем подношу к ней горящую спичку. Раздается небольшой пфырк. Вспышка... К счастью, меня не зацепило.

Расплата за волховство. Зачем я это сделала? Сама своими руками такую глупость? Нужно прекращать словестные эксперименты. Неизвестно до какого сумасшествия они могут меня довести.

Во входную дверь раздается стук. Дооралась.

— Кто там?

— Это сосед снизу. Извините, что беспокою. Откройте.

Я как-то не очень хорошо знаю своих соседей. В глазок тоже толком не рассмотришь, кто на площадке стоит. Но и терять-то мне особо нечего. «Сама дура виновата», — орала как резаная. Я бы на месте соседей вообще побоялась бы к такой идти. Соседу бонус за смелость — открыла дверь.

— Да?

— Вы нас заливаете. По стене на кухне водопад течет.

— Странно, у меня все краны в порядке. Можете сами зайти, посмотреть.

Ни капли. Возле таза пол сух. Даже в ванной я умудрилась не наляпать.

Мой сосед снизу оказался похожим на римлянина. На стойкого римлянина. Наверняка его предки несли пограничную службу где-то в районе Троянова вала, затем ассимилировались в даков Одесской области.

Римлянин похмыкал. Полез с газеткой под ванную. Смотрел метра три сухой паутины (я говорила уже, что хозяйка я так себе?). В кухне, под раковной, паутины вышло метра два.

— Оно может еще между стенами протекать. Старые трубы.

Полез в вентиляционное отверстие (или как еще оно называется). Осветил фонариком изнанку дома. Ничего не прояснилось.

Безнадежный оптимист, он побежал на верхний этаж. Вспомнился старый анекдот: «Если ты затопил соседей, плюнь в потолок, скажешь — сверху натекло». Но наверху тоже было сухо. Полусонный пузатый дяденька вообще никак не мог понять, что от него хотят.

— Нет, ну идемте, вы сами увидите. Там просто водопад сегодня начался.

В квартире римлянина на аккуратно отремонтированной кухне сидела жена. По стене струились прозрачные воды. Вода

текла ниоткуда в никуда. Мы сели на табуретки вокруг стола и стали ждать. Труп неведомого врага так мимо нас и не проплыл. Но потоп так же внезапно, как и возник, сам собой прекратился.

Алекс ещё долго шёл по ночной дороге, пока не услышал Её голос. Тихая, так младенцев качают, мелодия обрывалась внезапно и начиналась вновь. Ветер, от дерева к дереву, бегущий ночным зверем, останавливался у её ног. Она же продолжала петь. Время умолкало и становилось похожим на белое блюдо, по которому: «Яблочко-яблочко катилось, да всю правду показало. Кто ко мне придет? Кто меня найдёт? Можешь и не подсказывать, сама знаю. Вон идёт, молодой и высокий. Статный. Сильный. Улыбается, предвкушая встречу со мной».

Он же был — сын. Маленький ребёнок, которого привлекает материнская колыбельная песня.

Идеальная мать пела ему без слов. Алекс мог разобрать только мелодию. Так естественно звучит ветер в кронах деревьев. Так размеренно звучит ручей.

Постепенно он свернул с дороги. Канавы и рытвины, прикрытые придорожным кустарником. Затем — разросшийся древесный молодняк. Затем — полнейшая темнота: за ветви не проникал ни отблеск луны, ни отблеск того небесного звездного бархата, который помогает ориентироваться даже безлунной ночью. Но Алекс шёл уверенно, будто по торному пути. Материнская песня не давала подвернуть ногу в случайной канаве, запутаться среди ветвей.

Вскоре он вышел на поляну. К ней.

Макошь — богиня счастья и несчастья, покровительница озер и колодцев, заклинательница птиц, змей и жаб — Великая мать ждала его...

И все-таки соседи не дадут мне расслабиться. Часа через два после «водной истории» в парадной раздались крики. Весьма привычный для меня ор. Точка, точка, точка — три кратких матюка мужским басом. Тире, тире, тире — это уже проклятия жenuшки. Затем опять три матерные точки. Снова Коля с Анькой

разорались. Почему-то они любят выяснять отношения не у себя в квартире, а обязательно должны выползти на лестничную клетку. Возможно, жена боится своего буйного благоверного и поэтому пытается выяснять отношения прилюдно. Но почему не сдаст его в больницу или не разведется? Садо-мазо? Эксгибиционизм?

Я жду полчаса. Скандал не стихает. Выйду-ка лучше на улицу. Длинный сарафан и сумочка-клатч. Вообще-то, клатчи должны быть узенькими маленькими сумочками. Мой же — квадратный мини-чемодан. Клатч-кирпич, в который я умудряюсь запихнуть все: от мобилки до расчески. Отчего он вполне может стать оружием в моих ловких руках. Пройти мне придется мимо скандалящей парочки. Но я особо и не боюсь.

Так и знала, на полпути к выходу мне пришлось столкнуться с широкой и потной спиной Колюни. Пока жена материлась, Колюня стоял посреди лестницы. Но вот (по-видимому, она что-то по его глазам поняла или, как животное, почувствовала) она внезапно с визгом заскочила в квартиру и закрыла дверь. Вовремя. Колюня накинулся на дверь с кулаками. Я думала, что вышибет. Нужно проскочить быстрее злополучный этаж. Но нет. Не успела. Коля развернулся ко мне. Н-да. Сумочка мне в оброне не поможет.

Глаза не отводить, но при этом и не пялиться слишком нарочито. Движения плавные, не поворачиваться спиной. Взгляд у соседки какой-то дурашливый, ускользающий, но мне удалось наладить визуальный контакт. Отлично. Теперь включаю свой поставленный мягкий, но вкрадчивый голос. Профессионального заклинателя зверей, детей и сумасшедших. Голос звучит как свирель Крысолова. Сумасшедший плывет по волнам моего тембра. Я и сама толком не могу объяснить, что делаю и почему каждый раз поступаю именно так. Где я беру слова, чтобы уговорить его? Интуиция. Или опыт?

Вспомнился один неприятный эпизод из детства. Был у нас в школе один мальчик, клинический психопат. Бил детей ни за что, просто потому что рядом проходили. Загнал он нас с подружкой однажды под лестницу. Рядом никого. Мы хоть и вдвоём, но при этом вдвое меньше его и младше. Я понимаю, что вот сейчас он будет нас бить. Причём насколько сильно изобьет, неяс-

но. Возможно, даже убьёт. И ему будет абсолютно все равно, будем мы кричать или нет. Я понимаю, что ему даже понравится, если мы кричать будем. Сама не знаю как, но в ту минуту впервые включилась моя интуиция. Мой взгляд. Мой голос. Я взяла этого мальчишку в ладони моего взгляда. Голос будто колыбельную пел:

— Ведь ты хороший мальчик. Ты нас не обидешь (убежденно так, сама удивлялась). Мы сейчас выйдем отсюда, а ты нас пропустишь.

И он пропустил! Не тронул. Подруга потом долго смеялась надо мной. Называла «трусливой попой», но теперь я знаю, что вела себя именно так, как нужно с психопатами.

Коля смотрит на меня уже слегка растерянно. Скорее всего, он уже не помнит, зачем он здесь и что произошло. Что ему вообще от меня было нужно. Я уже не боюсь его, а просто вижу больного человека. Уже не уверенного в том, что необходимо выбивать дверь, за которой прижалась жена. Этот больной человек, как за спасательную ниточку, держится за наш разговор. Я по лестнице пробегаю мимо него. Колюня медленно идёт следом за мной. Я успеваю выскочить из парадной и завернуть за угол.

Вновь бесприютно придется мне гулять по размякшему в предлетней испарине городу. Боясь и желая в отражениях увидеть — кого? Да не ври себе... Алекса. Как он там все-таки?

Передо мной идёт парочка гламурных телочек. У них, по-видимому, все замечательно. Но потребность занять собой все отражающее пространство настолько велика, что телочки успевают ткнуться мордашками в каждую витрину, каждое зеркало. Мордашки с нарощенными ресницами, татуированными бровями. Такие не могут не понравиться окружающим.

Мягкий звук шин притормаживающей машины. Белый Lexus неторопливо едет за ними. Вижу за рулём молодого смазливового паренька. Ну да! Типичная сцена подката. Сейчас начнется: «Девушки, а не подвезти ли вас в столь ранний час до ресторана». Девушки, по-видимому, тоже ждут подобного развития сюжета. Кокетливо переговариваются, не отрывая надолго взгляда от витрин. Останавливаются. Будто бы невзначай. Lexus остано-

вился тоже. Паренёк выходит. Девушки уже явно заждались. Он быстрым шагом идёт к ним. Они уже повернулись, явно рассчитывая на знакомство. Но тут происходит неожиданное: парень проходит мимо милых барышень, даже не обращая на них внимания. Его взгляд всецело прикован к витрине. В этот момент замечаю, что там крутится на подставке, в отражении зеркал какая-то новейшая модель смартфона. Парень достаёт телефон:

— Алле, Макс, ты прикинь, сейчас в «Анубисе» выставили...

Продолжения разговора я так и не услышала. Он вошёл в магазин.

Это же надо, так из машины телефончик заметить! Девушки явно пригорюнились. Даже лоск свой слегка подрастеряли. Чего-то я не понимаю в современных нарциссических реалиях. Мне даже и не особенно смешно. Представила себе этот мирок гаджетовых аутистов лет через двадцать: «Молодая красивая женщина работает фрилансером. Ей нет никакой необходимости выходить из дому. Все её контакты в скайпе или в вайбере (или что там нового придумают). Она собирает лайки в инстаграмме. И от такого бурного общения у неё иногда болит голова. Два раза в неделю у женщины виртуальный секс в какой-то специализированной игре с видеокамерами. Её постоянный партнёр живёт на другом континенте, и она даже не хочет знать, мужчина это или женщина. Встречаются они уже недели три, а значит, игра затянулась и пора прекращать. От скуки... или потому что так принято (об этом сообщают сайты «Домашнего уюта») она заводит себе электронного ребёнка. Следит за его развитием и обучает речи. Но тут происходит ошибка. Ребенок может только, как попугай, воспроизводить список заученных фраз. Даже если это диалог. И в конце концов ей это надоедает. «Зачем вообще нужны эти дети?» — думает она и стирает родительскую программу со своего компьютера. Остаётся в полном одиночестве. Полнейшем. Но может ли его осознать? Здоровый человек!».

Вот это и страшно. Миллиарды сидящих в своих капсулах-переживаниях одиноких красивых людей. Э-э-эх, а намного ли я лучше? Что происходит за моей капсулой? С ним, с Алексом?

Я постепенно сворачиваю к его дому. Зайти не рискну, но надеюсь увидеть. Мысленно зову. Зов мой превращается в кон. Истончается в чёрную иглу. Я мысленно вижу её. Все бли-

же и ближе ко двору. Но туда тоже не сверну. Он может увидеть меня из окна, и тогда все пропало... Накручивать круги по близлежащим улицам. Круги-шаги, круги-шаги. Шамань-крути. Жди. Придёт, придёт — чую: он тоже встречи ждёт...

Вдруг вижу, как возле пятиэтажки на углу появляется знакомая фигура. Да, это его футболка. Я знаю. Ошибиться не могу. Иду следом. Но почему-то боюсь догнать. И не из чувства вины или страха перед его обидой. Что-то меня в нем настораживает. Он доходит до конца квартала, останавливается возле дороги, разворачивается и машет мне рукой. Заметил. Теперь уже поздно убежать. Дойти шагов двадцать. Он улыбается. Зовёт меня:

— Дианка, Дианка, я знал, что ты вернешься! Я ждал.

Раскрывает для объятий руки.

Только странная у него улыбка. И жесты странные. Не его мимика и пластика не его. Как будто актёра наняли Алекса играть. Но он продолжает ждать. Я, вместо того чтобы бежать, подчиняюсь. Подхожу.

— Привет.

Он прямо-таки восторженно навстречу ко мне. Я отступаю.

— Что ты как не родная?

Это уже странно совсем. После всего пережитого?

— Идем со мной. Я должен тебе кое-что важное показать.

Смеется. Голос тоже как у плохого актёра. У Алекса голос другой был. Но это же Алекс. В моей голове всё смешивается. Реальность ускользает окончательно.

— Идем, идем, не бойся. Я тебя не обижу, глупая. Это у меня дома. Тебе понравится. Вот, только через дорогу нужно перейти...

Руки у него как у куклы. Палки на шарнирах. Хватает меня. Холодные, деревянные. Я вырываюсь... И неожиданно оказываюсь не возле городской дороги, а перед темным обрывом. На самом краю. Еще бы шаг — и вниз. Вокруг шумят деревья. Ночь. Какой-то лес. Лесопосадка? Парк? Вдалеке вдруг мелькает свет фар. Я иду ему навстречу, но не успеваю...

Святые одуванчики! В данной ситуации было бы логично в обморок упасть. Ну или с ума сойти. Или уже сошла? Нет. Тогда

для меня все происходящее было бы нормой. Ну, Алекс какой-то странный. Ну, оказалась вдруг в лесу. Да хоть бы и на Венере. Так что мой шок — это хорошо. Я ещё подожду немного, прежде чем окончательно сбрендить. Переведу дыхание и разложу подробно для себя по пунктам: как мне отсюда выбраться. Паника — плохой советчик. Обмороки дома будут. Знать бы ещё, в какой стороне он, мой дом. А, вдруг я вообще где-то совсем уж далеко от Одессы? Нужно найти хоть какую-то дорогу. Дорога выведет на проезжую часть. На проезжей части, рано или поздно, будут указатели. Тогда все станет более-менее ясно. Тем более, что я видела свет фар, значит, машины здесь проезжают. Выйду. Найду попутку. Меня сейчас даже маниак на колесах особо не напугает. Боюсь, что наоборот. Та-ак. Ирония у меня тоже пока ещё не пропала.

Выгляжу я тоже симпатично. Разодранный рукав майки. В волосах какие-то листики и даже веточки. По штанине ползет кузнечик или саранча. Царица ночи. Или Царица леса. Постепенно успокаиваюсь. Если ещё минуту назад я неотрывно пялилась себе под ноги, то теперь моя походка становится плавной. Даже в полнейшей темноте я знаю, куда наступить, чтобы не вывихнуть ногу.

Обычно, если где-то недалеко есть большой город, то свечение от него видно за километры. Но странно: чем ближе я подхожу к дороге, тем меньше мне хочется домой. Я постепенно растворяюсь в этом лесу. Шаг за шагом принимаю его в себя. Мне уже не страшно. Я — это все, что находится вокруг меня. Ветер сквозь меня пророс. И трава щекочет колени. Веточки в моих волосах похожи на маленькие рожки древнего лесного существа. Иду просто для того, чтобы идти, и каждое моё движение доставляет удовольствие. Чутье обостряется, как у лесного зверя. Птицы, ежики, змеи — всю живность, обитающую здесь, — всех их я чую. И ещё кого-то. Её. Не зверя, не человека. Вызванную мной, такую же часть всего окружающего, как и я. Но она находится не так уж близко. Ближе ещё что-то или кто-то.

Возле дерева что-то лежит. Какой-то предмет. Или кто-то. Я перестаю понимать... В этих очертаниях есть что-то неправильное. Что-то затхлое мне кажется при одном взгляде на него. Во рту появляется вкус тухлой воды.

То, что выглядело кучей мусора, оказалось мёртвым человеческим телом. Или, подождите, я знаю, что это — не мертвец. Сама я в эту ночь — существо, застрявшее между явью и навью, и он — такой же, но слаб. Я даже узнала его, прежде чем заглянула в лицо. Алекс. Он был без сознания. У меня это обстоятельство не вызвало ни шока, ни даже малейшего замешательства. Заклинательница прекрасно понимает, что делать.

Но тут между мной и им появилась эта сущность: жадное, прожорливое, не захотевшее довольствоваться одним своим пленником существо. Не знаю, каким оно представлялось Алексу, но передо мной возникла высокая старуха с голой обвисшей грудью и тусклым взглядом. Собачье вымя! Не тебе мне дорогу загораживать. Я вызвала тебя. Твоя госпожа пришла, чтобы забрать свое и вернуть вызванную тебя на место.

Вдруг ветер поднялся лесным стариком-великаном. Ветер подставил мне спину. Дал свою мощь.

Я чувствую себя вихрем, чувствую себя танцем. Чувствую себя свободной песней лесной.

— Посмотри-и-и, — пою, — посмотри мне в глаза.

Она не хочет. Она уже поняла, с кем связалась и что это противостояние будет губительным для неё. Но вырваться не в силах. Покоренная, глядит мне в глаза бесцветными бляшками.

Поют под ветром ветви. Трубами, флейтами пана. Я начинаю танца круг. Заклинаю, затанцовываю её, мавку, русалку, нежить болотную. Мы идем будто по начертанному: я — она, я — она. Слегка наклоняюсь к ней. Она, помимо воли, ко мне. Танец ускоряется. Ближе и ближе. Мы сами превращаемся в вихрь.

И тут я желаю чтобы она, чудище болотное, исчезла навсегда. Желание, как острая игла, вонзается ей в лоб:

— Вооооон!

Я чувствую эту силу, которая была со мной всегда. Которая помогала мне убаюкивать и заклинать. Петть и добиваться желаемого.

— Вооооон!

Старуха русалка вначале становится какой-то двухмерной. Наш танец останавливается. На мгновение она как бы зависает в воздушном пространстве. Порыв ветра проглатывает её беззубой пастью, как неясный дымок. Всё. Реальность возвращается.

А в реальности этой я, Дианка, в испачканной и подранной одежде стою над полумертвым телом когда-то любимого, а теперь просто жалкого человека. Клатч, кирпичную сумочку, я благополучно потеряла во время своих приключений, и теперь у меня нет денег даже для того, чтобы добраться домой. У меня нет мобильного, чтобы определить, где нахожусь, и вызвать хотя бы скорую.

К счастью, мой дорогой полутруп начинает подавать признаки жизни. Даже пытается встать. Но связной речи ещё нет. Потерпи, родной, я подставлю тебе хрупкое женское плечо, и поползем в поисках дороги. Это так по-нашему, по-простому, по-женски! Я тебя чуть не сгубила. Я же и спасла.

Впереди опять мелькает свет фар. Дорога близко. Мы выползаем на неё вовремя. Навстречу нам едет полицейский «бобик».

Мы доползаем до середины дороги, и машине приходится затормозить. Из неё долго никто не выходит. Я с Алексом на плече пытаюсь подойти поближе. Они что, боятся нас? Вы серьёзно? Господа, стражи... порядка... вашу мать.

Слышу реплику из-за приоткрытого окошка:

— Фу, блин, ещё одна. Посмотри, с этим...

Сразу догадываюсь, чего они испугались. Немудрено.

— Братья... эммм... во Христе. Мы свои. Православные.

— Перекрестись, девка

Я пытаюсь. Не очень, конечно, получается, но хоть как-то.

— Теперь он. Вурдалак какой-то...

— Это не вурдалак. Это — Алекс. Он — потерпевший, а я... свидетельница (ага, убийца всякой нежити, превысившая пределы необходимой самообороны: какая там у них по этому поводу статья?).

Алекс проявляет признаки оживания вовремя (вот что значит стимул, анализирует мой внутренний дефектолог). Чертит на себе тоже что-то похожее на крестное знамение.

— Ну, пожалуйста! Мы же люди! Вы же правохранители и обязаны... в конце-то концов!..

— О, раз «обязаны», значит, точно человеки нам на этот раз попались. Залезайте. Только мы и сами, как бы вам сказать, немного потерялись.

— Ничего, главное, мы в машине и на дороге. Выберемся без приключений. Я так чувствую.

Эпилог

Алекс вскоре пошёл на поправку. Я не сильно верю в чудесные исцеления, но психическое здоровье ему удалось сохранить. Все списалось на нервный срыв. Действительно, мало ли что померещиться человеку может. Тем более что блуждания свои по лесу и прогулку в полицейском «бобике» он не помнит в упор. Приезжала пару раз его маменька. Изображала заботу. Но она неисправима, а я больше не намерена исправлять обстоятельства чьей-либо жизни.

Не знаю, как долго мы будем вместе. Одно скажу: я простила и, пока буду нужна, он сможет на меня рассчитывать. Если решит расстаться — расстанемся. Без обид с моей стороны. Как он заново учится принимать окружающий мир, так же заново учусь я... Не держать в себе обиды. Ни на кого. Себе ведь дорожке обходится. Ведь и обычный человек способен на создание магии и мистики, которая может раз... и ему не подчиниться.

P.S. Ему осталось совершить еще один ритуал, и эта гадкая тварь, поселившаяся между третьим и четвертым этажом, исчезнет навсегда. Запереть дверь своей комнаты, и полуглухая бабушка даже не догадается, чем занят Артур. Банку с болотной жижей он поставил на свой школьный стол. Неуместно смотрелся рядом учебник физики. Достал из-за пазухи газетку. Вынул из нее сушеную плакун-траву. Почувствовал, как пот течет по позвоночнику — вспомнил, что куртку забыл снять. Да и Бог с ней. Спички. Зажег церковную свечу. Закоптил над ней пучок плакуна: «Плакун, плакун! Плакал ты долго, а выплакал мало. Не кати свои слезы по чистому полю, не разноси свой вопль по синему морю. Будь ты страшен бесам и полубесам, да старым ведьмам киевским. Побегут от тебя прочь, закрой их в ямы преисподние. Будь мое слово при тебе крепко и твердо век веком. Аминь».

Раздался стук в дверь. Вздогнул. Но это всего лишь бабуля:

- Артурочка, так ты уже дома?
- Да, бабушка, уже.
- Артурочка, а что же ты мне не сказал, что пришел?
- Не успел еще.
- Ты же знаешь, как я беспокоюсь, гадость такая.
- Говорю, что не успел.
- Иди кушать.
- Да, сейчас. Подожди.
- Дверь открой...
- Ну, баб...
- Дверь открой!
- Ну...
- Немедленно!!!
- Минуту.
- Что там у тебя пахнет?
- Ничего.
- А ну, быстро открыл! Поджигашь что-то?

Как она запахи чувствует! Просто поразительно! Вроде бы и немощная, и старенькая, но, когда нужно (а особенно, когда не нужно ему, Артуру), проявляет прямо-таки сверхспособности. Вдруг бабуля и сквозь стены видеть может, просто Артуру об этом не говорит?

Быстро, быстро, свечу задул. Так ритуал свой не окончив.

Александр Ралот
Краснодар

ЗАГАДКА МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ

Краснодар. Зима 2021 года

— Дед, не притворяйся что спишь. Знаю, ты меня слышишь. — Неугомонное десятилетнее создание — внук Тимофей — бесцеремонно лишило меня укрывающей лицо газеты «Кубанские вечера». — Читать надо сидя, а не лёжа. Глаза испортишь. И, вообще, пора уже переходить на электронный вариант. — Тимоха протянул мне планшет. — Тут и газеты, и фотографии, и всё что хочешь. Кстати, почему фотку этого дома ты пометил флажком как важную? С непонятной мемориальной доской на фасаде.

— Потому что она установлена на доме, построенном через двадцать один год после смерти Тропинина, — сонно ответил я. С моею дневной дремотой на сегодня было очевидно покончено.

Тимоха почесал затылок, а потом выпалил:

— И чего? И кто такой Тропинин? Строитель домов, что ли?

— Крепостной, — буркнул я, окончательно перемещаясь из царства Морфея в непривычный для Краснодара снежный и морозный полдень.

— Дед, где это видано, чтобы крепостным мемориальные таблички ставили? Тогда бы у нас на каждой хате по доске прибито было.

— Академикам положено, — протирая очки, всё ещё сонно отвечаю я.

Поднявшись, я ждал шквала вопросов от неугомонного потомка, но их не последовало — внук сорвался с места и исчез. Стало слышно, как в соседней комнате он сопит и, переставляя стул, пытается достать книгу откуда-то с верхней полки.

— Его работа? — Тимоха протягивает мне раскрытый толстенный фолиант с репродукцией портрета Пушкина.

— Да. Он за свою жизнь написал их около трёх тысяч, сохранив для потомков лица московской знати, купцов и интеллигентов. Считался лучшим портретистом страны.

— Крепостной? — руки Тимофея опять потянулись к давно не стриженной шевелюре. Коронавирус, будь он неладен, — парикмахерские закрыты, на радость внука.

— Дед, я же твой родственник? Близкий.

— Допустим? А это к чему?

— Значит, ты, как и я, любишь шоколад. Тайно, конечно, чтобы бабушка не заругала.

— Тимофей, не чеши правой рукой левое ухо. О художнике говорим.

— Тогда заключаем agreement, или по-русски соглашение. Я тебе полшоколадки из новогоднего подарка, а ты рассказываешь, что знаешь, про этого Тропинина. Идёт?

19 марта 1776 года. Село Карпово Новгородской губернии.

— Что ребёночек мужеского пола родился, это прекрасно, — Андрей Иванов сын Тропинин погладил супругу. — Барин наш сельцо наше Карпово в приданое дочке отписывает. Она за генерал-лейтенанта Моркова выходит.

— Ой, — женщина встрепенулась и заплакала.

— Да не убивайся так, дурёха. Что Бог ни делает, всё к лучшему. Запомнявала, что ль — прежний хозяин, граф Миних, за исправную службу мужу твоему даровал вольную. По всему выходит, что новый барин старостой назначит, коль я никуда не уезжаю, а здесь остаюсь. А там гляди, ежели нареканий не будет, то и управляющим поставит. Заживём тогда, Бог даст. Ма-

льшу нашему образованию исхлопочем, вольную на тебя и на него получим!

1798 год

Генерал-лейтенант Ираклий Иванович Морков морщился, рассматривая рисунки, выполненные сыном управляющего.

— Копии лубков, гравюр. Фи.

— А вот ещё извольте полюбопытствовать... — Андрей Иванович протянул барину расписунки предметов обихода для вышивок нитками или бисером. — Ему бы в город, да учиться на художника.

— Толку не будет, вот мой ответ. Но ежели образование желаешь сыну дать, из уважения к тебе оплачу. Пусть едет в Петербург и учится... На кондитера. В имении такой мастер всегда сгодится. Отпишу графу Завадскому, чтобы приютил.

Юноша нерегулярно, от случая к случаю, брал уроки у художника, обучающего сына Завадского. Однажды рисунки молодого Василия Тропинина попались на глаза двоюродному брату Моркова. И тот, не мешкая, стал хлопотать за юное дарование.

Судьба крепостного кондитера вскоре изменилась: он стал посещать уроки в столичной Академии художеств вольнослушателем. Рисунки его были признаны успешными, а посему разрешено было ему посещать занятия до самого окончания курса.

Кабинет генерала Моркова

— Опять с ходатайством за сына...

Ираклий Иванович топнул ногой.

— Андрей Иванович, я тебя уважаю, но это не основание давать вольную отпрыску! Пусть возвращается сюда. Так уж и быть, позволю ему служить домашним живописцем. Согласись, это занятие много лучше, чем землепашество.

— Но ведь в Москве профессор университета отмечает способности и просит...

— Сказал нет, значит — нет! Иных дел у тебя, что ли, не имеется? Ступай отсель!

Подолье, имение Кукавка

По возвращении Василию Андреевичу поручили исполнять обязанности повара-кондитера и личного лакея графа одновременно.

Художник пал было духом: молодому человеку претило и то, и другое занятие. А посему он с радостью принял известие о назначении его руководителем работ по восстановлению старой церкви в далёкой Малороссии.

Отныне он мог по собственному усмотрению распоряжаться временем.

Художник женился. Венчание проходило в реконструированной церкви. Супруга, Аннушка, была из местных, вольная селянка. Однако, выйдя замуж за крепостного, она по законам Российской Империи получала статус мужа и становилась, как и он, крепостной. Морков с большим удовольствием внёс новоиспечённую холопку в ревизские сказки¹.

Работы Тропинина пользовались всё большей популярностью. Барин, зная об этом, никаких козней не строил. Ему льстило, что холоп стал известной личностью.

1807 год. Москва

Чета Тропининых вслед за хозяином и его семейством переехала во вторую столицу. Заказов на портреты становилось больше, но статус художника оставался прежним.

В этот день генерал давал обед в честь именитого француза, посетившего Москву.

¹ Списки подушных переписей (ревизий) податного населения Российской империи в XVIII — 1-й половине XIX веков, проводившихся с целью налогообложения.

Василия Андреевича бесцеремонно оторвали от работы — написания семейного портрета. Велели лично прислуживать именитому гостю.

За ужином, вместо умиления увиденным, француз неожиданно рассыпался в комплиментах к лакею. К немалому удивлению хозяев, поднялся и предложил слуге стул.

После этого случая друг семьи генерала опять завёл разговор о вольной для художника:

— Право слово, перед просвещённой Европой неудобно. Известный человек и всё ещё крепостной.

— И не проси. Возможно, в будущем. Но не сейчас. А чтобы французы головой не качали, я Тропинина сей же час освобождаю от обязанностей прислуживания за столом. Пусть сидит в каморке, малюет портреты знатным людям, да и нам с тобой на радость.

1812 год. Село Шальвиевка, усадьба Моркова в четырех верстах от Кукавки

Граф с трудом разомкнул веки.

— Эй, кто там брякает ни свет не заря? Вот велю выпороть!

Он хотел было ещё что-то крикнуть в распахнутое окно, но осёкся: тишину украинского утра нарушали заливавшиеся колокольчики фельдъегерской службы.

— Не извольте сердчать, барин, — донеслось со двора. — Аж с Петербурга без продыху скачем, письмо государево велено доставить. Извольте получить и расписаться тучочки.

«Приказ, — прогнав окончательно сон, прочитал генерал. — Согласно выбора Дворянского собрания назначаю Моркова Ираклия Ивановича начальником московского ополчения... Надлежит незамедлительно прибыть к месту несения службы».

— Василий... — барин смотрел на крепостного, как на солдата-рекрута, которому предстоит отправляться на вражеский ре-

дут и умереть героем. — Император изволил назначить твоего господина руководить Московским ополчением. Отбываю немедленно. На тебя же оставляю всё!

Морков развёл руками в стороны.

— Более такое поручить мне не кому. Доверяю всецело. А посему без промедлений изволь грузить обозы и следовать напрямиком в белокаменную. Доставь пожитки в целости туда, куда укажу. Да убережёт Господь путь долгий от лихих людей и тем паче от встречи с врагом.

В глазах хозяина блеснули слезинки, и он, не попрощавшись, покинул кабинет.

1813 год

В столице жизнь восстанавливалась: возвращались беженцы, за ними из дальних стран потянулись ополченцы.

Отстроили после пожара барский дом. Граф призвал сюда семейство Тропининых. Художник с соизволения хозяина вновь занялся живописью: в барском доме у него теперь появилась мастерская — тут он писал портреты хозяев, родственников семьи и знатных дворян, которые, следуя моде, создавали в отстроенных заново домах собственные галереи, как бы взамен бесчисленным полотнам, исчезнувшим в московском пожаре.

За именитыми людьми в мастерскую потянулись и купцы. Заказы сыпались как из рога изобилия. Приезжали из ближних и дальних городов.

Санкт-Петербург, столица Российской Империи. Мастерская Карла Брюллова.

У двери настойчиво зазвенел колокольчик. Знаменитый художник с неохотой отложил палитру и кисти, окинул взглядом прерванную работу, взглянул на часы, затем в тетрадь с текущими записями. На это время никому на предмет позирования назначено не было.

— Ступай отопр, — бросил Брюллов стоящему поодаль ученику. — И поинтересуйся сразу же: ежели из Москвы, да изволят портрет закатать, пускай поспешают назад: в белокаменной превосходнейший портретист проживает. Посылай, невзи-

рая на мундиры и звания, к Тропинину Василий Андреевичу. И вели поклон от меня передавать!

Английском клуб²

Случилось, что граф крупно проигрался в карты. Тотчас же погасить долг не мог. На помощь пришёл некто по фамилии Дмитриев.

— Любезный Ираклий Иванович, позволю себе предложить сделку. Вы тут же, не вставая из-за стола, подпишете вольную придворному художнику, а я незамедлительно погашаю образовавшийся долг.

Граф отказался: отпустить гения было выше его сил. От позорного изгнания из клуба его выручили друзья, дали денег.

1823 год. Пасхальные праздники

За спиной генерала часто шушукались: «Портретисту сорок семь лет, а он всё ещё крепостной. Это нонсенс. Наполеона более десяти лет как победили, Европу освободили, а у себя дома подобное терпим!». Не раз хлопотал за Тропинина коллекционер — Павел Петрович Свинын. Морков обещал подумать, однако раз за разом откладывал подписание вольной.

Человеческие качества и талант крепостного он ценил высоко, расставание с ним расценивал почти как смерть родственника, однако на этот раз, скрепя сердце, в качестве пасхального подарка подписал бумагу. Но только лично Тропинину. Жена художника и сын Арсений ещё долгие пять лет оставались в крепостной зависимости.

В сентябре за представленные в Академию³ живописные работы — «Портрет Скотникова», «Кружевница» и «Старик-ни-

² Славился своей кухней и карточной игрой. Согласно правилам клуба карточный долг должен был быть погашен в кратчайший срок, вне зависимости от титула должника и его положения в обществе.

³ Императорская Академия художеств — высшее учебное заведение в области изобразительных искусств в Российской империи, существовавшее с 1757 по 1918 годы.

щий» — портретисту было присвоено звание «Назначенного в академики».

Краснодар. Зима 2021 год

В комнату вошла ангел-хранитель внука, самая любящая бабушка на свете.

— Мужчины, извините, что вмешиваюсь, но не могу не показать это... — И она положила на стол красочный буклет.

— «Феодосийская картинная галерея им. И.К. Айвазовского. Персональная выставка Анны Давыдченко, члена Союза художников России», — вслух прочитал я и с недоумением уставился на супругу.

— На немой вопрос отвечаю. Судьба художницы не менее увлекательна, чем самого Тропинина. Анна — потомок графа Ираклия Моркова. Семья генерала вообще была богата талантами, к этому роду имеют прямое отношение известные мастера кисти, заслуженные художники Украины Николай Бортников и Татьяна Кузнецова.

— Однако... — попытался возразить я.

Но жена продолжила:

— Анна Давыдченко после окончания училища работала реставратором в галерее Айвазовского. В лихие девяностые она занималась организацией детской художественной школы имени Волошина, в которой и стала преподавать живопись и композицию, параллельно учась в Крымском гуманитарном университете. Спустя девять лет её работа «Я тоже кошка» попала в первую десятку из двухсот принятых к рассмотрению на Международной выставке «Слезы счастья» в Оксфорде. Её произведения нашли место в частных коллекциях Германии, Франции, Греции, США, Израиля. И в Крыму, конечно, тоже.

— Я так понимаю, ты намекаешь на то, что было бы неплохо съездить туда, коль уж Керченский мост построили? — наконец-таки смог вставить я, — И даже прямое железнодорожное сообщение с полуостровом налажено.

— Заметь, не я это сказала, — процитировала супруга ставшую крылатой фразу. — Как только потеплеет, собираемся и едем. Возражения и колебания отметаю без объяснения причин.

Молча сидевший Тимоха вскочил:

— А с домом-то что приключилось? Почему мемориальная доска появилась не в те годы, когда там жил художник?

— Через некоторое время знаменитому портретисту присвоили звание академика. Гений отказался от официальных постов и поселился в квартире с мастерской на углу улиц Ленивки и Волхонки. В этот дом зимой 1826-го года приходил позировать Александр Сергеевич Пушкин.

— Но табличка!?! — не унимался внук.

Я вернул наследнику планшет:

— Гугл в помощь. Поищи ответ сам.

— Ну-у-у... Не хочу. Лучше ты.

— Нет, дорогой. Учись самостоятельно отыскивать информацию.

— Ты же знаешь ответ и не...

— Потому что... это уже совсем другая история.

Андрей Загородний

Стокгольм

ДВЕСТИ ДЖИТАЛОВ

В тексте встречаются сочетания букв, загадочные даже для автора. До читавший до конца найдёт там словарик.

Корзина вдруг дёрнулась вниз, будто потяжелела на пол-гоны.

— Ракшас! — не удержался на ногах Нандичаран.

Присел на тропу, сбросил ляжку с плеча. На корзине сидели четыре большущие мартышки. Самая крупная, вожак, скалила зубы и злобно верещала. Юноша вежливо склонил голову: — Извините за плохие слова, я вас не видел, когда говорил их. Вожак продолжал негодовать, остальные же начали копать в корзине, выбрасывая мелкий мусор. Нандичаран вздохнул, у него не было ни съестного, ни яркой тряпочки в подарок священ-

ным животным. Просто так они своё занятие не оставят. Разве что удастся уговорить представителей летающего божества?

— Зачем вам уголь, уважаемые? Ваш бог Хануман парит в небесах и не куёт булата. А у меня и угольков-то немного, всё больше зола да разные обломки.

Уговоры не действовали, оставалось только сесть в тени и ждать, пока обезьянам надоест рыться в корзине. Интересно: они делали работу, которой сам носильщик с радостью избегал — перебирали мусор. Вытаскивали содержимое поклажи и кидали в кусты. Нандичаран заметил, что ни одного уголька четверукие безобразники не выбросили, пачкаться не захотели? Наверное, правильно, как потом грязными пальцами расчёсывать шерсть великой белой обезьяны?

Но вот вожак извлёк небольшую дощечку и запустил ею в голову юного носильщика. Первым порывом было перехватить, закрыться или отвернуться, но кто он такой, чтобы противиться? Вдруг деревяшка брошена по воле самого Ханумана? Нандичаран только закрыл глаза, а потом потёр ссадину, появившуюся на щеке. Хулиганы захохотали, радуясь проделке вожака, потеряли интерес к корзине и скрылись в пёстрой зелени джунглей. Ну что же, нести теперь меньше — ведь угольки остались, а ради них, затерявшихся среди мусора и отбросов, носильщики и ходят в посёлок.

Нандичаран не был мусорщиком с детства, родился он в богатом доме вайшья, в шумном и пыльном торговом городе. Никто не хотел отдавать свою дочь его отцу, уже забившему на смерть двух жён, вот и взял к себе сорокалетний старик девушку-далитку, через год родившую мальчика. Странно, но мать Нандичарана почти не страдала от побоев, может, отец брезговал лишним раз прикоснуться к ней. А тяжёлая работа, которой он нагружал — так тяжело ли в каменном доме, если привыкла к жизни в плетёной хижине?

Зато на Нандичаране, тоже далите, по матери, отец-хозяин отыгрывался не стесняясь, колотил по причине и без неё, и руками, и палками, и колючей лианой. А после смерти жены выгнал из дому — зачем нужен мальчишка-неприкасаемый, которого и сыном-то назвать стыдно?

Оставленный обезьянами, носильщик собрал мусор — не весь, только валявшийся на тропинке, — потряс корзину и забросил её на плечо. Принесёшь пустую, староста будет недоволен. Не расскажешь же, как Хануман прислал маргышек помогать в переборке отбросов. Вообще не стоит высовываться, глава деревни и так злится на то, что Нандичаран бесплатно получил эту работу.

В предгорных джунглях жилось неплохо, копальщики касты оод ходили за рудой, саанга-плавильщики получали железо и, когда судьба позволяла собрать всё необходимое, лили булат. Дорогие слитки расходились по миру — знай трудись. Даже далиты не голодали, хоть и делали, как богами указано, самую грязную работу.

Забирали мусор из посёлка, где дымились печи. Среди принесённых отбросов искали мелкие не прогоревшие угольки. Их перетирали между большим и указательным пальцами и, когда порошка набиралось достаточно, несли обратно плавильщикам. Те тонким слоем добавляли порошок в печную закладку, начинали специальную плавку. Потом кузнецы долго работали молотами, всё под присмотром специально приехавшего брахмана — тайну хранили строго.

Почему перетёртый пальцами уголь был столь важен, знали лишь посвящённые, но без него не получалось ценных булатных слитков, за которыми приезжали купцы аж из Дамаска. И платили за булат хорошо, с нескольких плавов в месяц кормился не только посёлок саанга, но и деревня мусорщиков. Да и брахман не бесплатно молился, хоть, спустившись с носилок, не прикасался ни к чему до самого отъезда. Один раз Нандичаран его даже видел, видел и как работают — не прекращать же ковку из-за далита, пришедшего за мусором. Поговаривали, что во времяковки брахман обращался к кузнецу Твашпару и с последним ударом сам становился асуром, давая металлу особую прочность. Но нет, не похож он был на демона, не заметил ничего такого носильщик, да и смотрел всё время в пол.

Оказавшись на улице в двенадцать лет, Нандичаран не очень расстроился, хоть принять его могли только свои, далиты. А это грязь, голод, тяжёлая работа, но и избавление от отцовской злобы, от ежедневных побоев. Избавление мирное, не нарушающее

обычаев, произошедшее по его, отца, собственному желанию. И мальчишка отправился в одну из деревень неприкасаемых, в ту, где стоял Нанди, его покровитель.

С полупустой корзиной шагалось быстро, а значит, оставался запас времени. Нандичаран свернул с тропинки, чтобы пройти мимо Нанди — совсем небольшая статуя пряталась от посторонних глаз в джунглях. Далитам нельзя входить в храмы, нельзя смотреть на богов прямо, даже издали. Но Нанди — бык, всего лишь слуга великого Шивы, на него смотреть можно. Не зря же стоит у деревни неприкасаемых.

Никто не помнил, как досталась беднякам скульптура, а у Нандичарана были на этот счёт свои мысли. Немного неподобающие, но это ведь статуя, а не само божество. Живя среди вайшьев, он видел много изображений священного быка, и на всех тот радостно улыбался. Здесь же Нанди был раздражён, пригнул рога к земле, готовый двинуться вперёд и наказать провинившегося. Наверное, скульпторы отдали никому не нравящееся изваяние первым, кто согласился его взять. Нет, добрый человек не должен допускать таких мыслей, лучше не сомневаться в Нанди и постараться думать о хорошем. Тогда и совета попросить можно у своего покровителя.

Нандичаран опустил на землю и закрыл глаза. Слуги Ханумана подарили немного времени, он потратит его на разговор с богом, разве это плохо? Хочется спросить о старосте Ганеше. Почему он так не любит Нандичарана? Да, за место носильщика староста привык получать подарки, ведь носильщику не надо каждый день стирать в кровь пальцы о мелкие твёрдые угольки. Но Нандичаран не просил этой работы. Саанга сами сказали, что мусор будет забирать мальчишка, родившийся от отца вайши. Староста злой человек, часто колотил Нандичарана, пока тот был подростком. Теперь только ругается грязными словами. Может, боится отпора, а может, понял, что боль носильщик привык терпеть ещё в детстве. Отпора? Но нельзя противиться старосте, это нехорошо. Да и много ли боли причиняли не привыкшие к тяжёлым корзинам руки Ганеша? Много ли вреда ему, самому рослому в деревне, причинят плохие слова?

Но как похожи злые люди! Один злился на то, что вместо сына родился далит, другой — что мальчишка немного вайшья.

Ганеш, отец... а может, Ганеш — реинкарнация отца? Нет, оба ведь живы. Наверное, оба — ипостаси одной злой души. Пожалуй что так, очень уж одинаковая у них ругань, да и дрались похоже — подло, стараясь ударить по больным местам.

Юноша вздохнул и поднялся с земли, теперь он собирался пройти мимо хижины Шеты и, если повезёт, взглянуть на неё. Девушку, тогда ещё девочку, тонкую и лёгкую, он заметил, когда той было одиннадцать. В этом месяце исполнилось тринадцать, она ещё красивее. Правильное лицо, большие добрые глаза, грудь, форму которой не может скрыть дешёвая ткань, тонкая талия... Девушка на выданье, а жениться нет возможности. Её родители беднее всех в деревне, не могут собрать приданое, а так нельзя. Владел бы богатством, коровой, например, тогда понятно, а бедняку взять жену без ничего — выгонят из деревни. Ведь если один возьмёт, потом другой, больше никто приданого давать не станет. Нехорошо, это против порядка.

Вот раздобыть бы где-нибудь денег и тихонько дать их родителям Шеты. Говорят, так делают. Родители покажут людям, скажут, накопили, и всё повернётся к лучшему. Обычай будет соблюден, ведь не сказано, откуда в семье невесты должны браться монеты. Жаль, ему взять деньги так же негде, как и им. Мальчишки заметили Нандичарана, как только он вышел из джунглей. Двое подбежали с новостями:

— Знаешь, что сказал Ганеш? Ганеш сказал, что возьмёт Шету к себе помощницей жены! А ты на ней жениться хотел, да? Теперь не получится, да? А на ком ты теперь женишься, скажешь?

Юноша постарался остаться невозмутимым, мало ли чего мальчишки наболтают. Но внутри перевернулось — что такое помощница жены, все знают. Староста любит юных девушек, раз положил глаз на Шету, значит, всё, пропала. И жениться никак не получится, и она сама долго не проживёт — Ганеш замучает насмерть. Шете особенно плохо будет — планы Нандичарана ни для кого не секрет, староста на девушке отыграется, раз не получил плату за место носильщика.

Голова была занята, но ноги знали дорогу к площади, где сидели переборщики мусора, руки выгружали корзину, и ноги вновь несли в сторону посёлка саанга, за новой ношей. Мысли

же метались и путались отдельно от тела. Что делать? Шета... может, можно ещё успеть? Заработать, дать на приданое? Заплатить за место носильщика? Вдвое заплатить! Упросить старосту, чтобы не забирал Шету... Он жадный, за деньги откажется от неё...

До плавильщиков путь неблизкий, за день два раза обернётся, не больше. Мерный шаг угомонил беспорядок мыслей. Где взять хоть немного монет? Негде. Если не есть, не пить, за неделю можно собрать три статера. А на приданое надо хотя бы двадцать джиталов, хотя бы десять или пять. И Ганеш меньше чем за два джитала от Шеты не откажется. К Нанди за деньгами не обратишься, откуда у быка деньги? К нему только за советом — сидишь перед статуей на корточках, рассказываешь, даже и не произнося слов, о том, что в душе. Чувствуешь покой, что он подошёл, остановился рядом. И в голове появляются ответы. Мудрый Нанди подсказывает умные мысли. Как поступить, сказать, сделать. Но денег он дать не может, да и стыдно просить подачки у того, кто возит Шиву.

Пройдя четыре йоджаны, Нандичаран понял — мысленно обращается к Нанди. Просто на ходу, во время работы, а не сидя перед статуей, спрятанной в гуще джунглей. Хотя плохо ли это? Ему, ничтожному человеку, нужно видеть статую божества, а священный бык услышит везде, если захочет. И ответит, даст знак. Или, может, уже дал, надо только понять?

Всю дорогу, и за мусором, и обратно, Нандичаран думал, и лишь у самой деревни понял — знак был. Но не Нанди его подал, а сам Хануман, белая обезьяна, воплощение Шивы! Вот только... что советовал великий бог низкому далиту? Как понять? Мартышки. Они искали в корзине и ушли, только когда вожак бросил в Нандичарана дощечку. Нашёл дощечку и бросил. Нет, не в него, а ему!

Несмотря на усталость, юноша почти вбежал в деревню, на площади долго искал принесённое с утренней ношей. Только разве поймёшь, какой мусор откуда? А дощечка? Женщины давно сварили еду, выбрали дерево, пригодное в пищу огню. Следующим утром носильщик шёл с пустой корзиной, но не чувствовал лёгкости. Он потерял, упустил посланную подсказку. Теперь боги обиделись, и Хануман, и Нанди, и, наверное,

сам Шива. Даже если есть путь спасти Шету, они не дадут им воспользоваться, нельзя обижать богов. Нандичаран шёл по зелёным джунглям, а перед глазами стояла серая дощечка — небольшая, прямоугольная. Через слой грязи на ней проглядывали царапины. Буквы? Надпись? Да, надпись... если бы он сообразил прочитать!

Просто так пройти по посёлку литейщиков не удалось, несколько человек что-то обсуждали посреди улицы. Приближаться к ним неприкасаемому не полагалось, и молодой далит почтительно остановился на расстоянии. Потерянное время скажется вечером, из второй ходки придётся возвращаться в темноте. Но что поделатъ, если выпало встретить на улице четырёх разговаривающих вайшьи?

Молодые мужчины, беседуя, не замечали стоявшего в стороне далита или не считали достойным замечать. Доносились возбуждённые голоса, два раза послышалось слово «кшатрии». Произносилось оно не с почтением к касте воинов и не со страхом, а, похоже, с вожделением. Один из разговаривавших ткнул пальцем в сторону площади, где около центрального столба стоял ещё кто-то. Другой отрицательно махнул рукой, разговор закончился.

Когда дорога освободилась и носильщик смог двинуться дальше, на площади уже никого не было. Он бросил взгляд на столб и увидел дощечку. Не такую, какая нашлась вчера в корзине, но тоже дощечку с царапинами букв. Указ, объявление, разосланное раджей по всем городкам и посёлкам. Может, на это и указывали слуги Ханумана? Нандичаран подошёл к столбу и принял позу уважительной покорности. Не стоило показывать, что понимает написанное, а вот уважение к указу раджи кто же осудит?

Читал Нандичаран с трудом, хотя и такое необычно для бедного носильщика. Научился сам, пока жил у вайшьи — мать надеялась, что он станет писарем, таким же, как отец-каштха. Но, когда заикнулась об этом, тот сначала побил её, а потом срезал колючую лиану и безжалостно выдрал сына — спина кровила и гноилась почти месяц. Чтобы успокоить мать и, наверное, вопреки отцу, мальчишка тогда выучил буквы. Бросал взгляды через плечо, слушал то, что каштха читал клиентам саанга, тем,

кто сам грамоту не осилил. Хоть и не хорошо, а научился понимать и шарада, и девангари.

Подглядывая из-под уважительно полузакрытых век, Нандичаран написанное разобрал и, главное, понял. Молодой правитель звал силачей на состязание, обещая лучшим место в своей армии. Одна же строчка указа оказалась совсем удивительной, такую можно прочесть, но понять трудно — «Великий Раджа зовёт каждого силача, к какой бы варне и касте он ни принадлежал». Подобного не бывало со времён, когда Маха-Вишну выдохнул звук Ом, создавая мир. Сразу стало понятно, почему волновались мужчины саанга. Ведь, если вайшья возьмётся за оружие, то и платить ему должно как кшатрию. И он станет даже богаче воина, ведь тем не подобает заниматься ремеслом, а литейщик булата человек не бедный и без военного жалования. Нандичаран нёс полную корзину и думал. Думал сам, не решаясь тревожить быка Нанди. Чудеса творятся на земле, хоть причина чудес и понятна. Молодой махараджа занял трон, когда войско его отца побежало, разбитое западным султаном. Это знали все — далитов посылали разыскивать трупы, и трупов нашлось множество. Порубленных и пробитых стрелами, затоптанных конями, успевших сгнить за то время, пока могильщиков собирали по деревням. Старый махараджа умер от ран через шесть с половиной недель, сам ли умер или не сам — не далиту знать об этом. Великий воин потерпел поражение — значит, пора повернуться колесу сансары, родиться в новом воплощении и быть в нём удачливее на поле битвы. Старый махараджа сгорел на погребальном костре, сгорели и трупы погибших кшатриев. Мало их осталось на земле молодого правителя, а султан с запада готов послать новое войско. Понятно, почему собирает властитель силачей из любой касты.

Но ведь Нандичаран носит самые большие корзины, значит, в деревне самый сильный. Значит, раджа зовёт и его. И если удастся показать себя, можно получить место воина, жалование и, наверное, задаток!

Выгрузив мусор, юноша поспешил к старосте. Принял почтительную позу и обратился подобающе тихим голосом:

— Ганеш-джи, в посёлке новости, указ махараджи.

Как можно меньше слов, глава деревни сам спросит, если посчитает нужным.

— Рассказывай, — милостиво позволил староста Ганеш, хоть глаза его милостью не лучились.

— Великий Раджа зовёт силачей на состязание, из них соберётся новая армия. Староста, раджа хочет видеть сильных из всех каст, из всех посёлков и деревень.

Удивление появилось на лицах и Ганеша, и собравшихся вокруг односельчан. Видано ли, брать в воины вайшьи, а может, даже и шудр?

— Ганеш-джи, указ говорит о самых сильных из каждой деревни. Я должен пойти, и это принесёт тебе пользу.

Дальше Нандичаран тараторил как можно быстрее, перекрикая хохот собравшихся: ведь если староста успеет сказать «нет», то уже не поменяет решение.

— Я получу жалование и заплачу тебе. За место носильщика, которое досталось мне даром, и это нечестно. Я дам вдвое против обычного, полтора дирхема, ведь тебе пришлось ждать денег. И ещё я дам три дирхема за то, что ты разрешишь мне жениться на Шете. Я женюсь на ней, воину не обязательно, чтобы у невесты было приданое...

Нандичаран сбился с дыхания, но главное сказано. И правильно, что цену назвал в дирхемах, а не в джиталах, староста любит султанские деньги.

— Пять дирхемов, — пересчитал по-своему Ганеш. — Раз мы должны послать кого-нибудь, пойдёшь ты. Первый же воин на состязании задушит тебя. Нет — проколет копьём, не думаешь же ты, что кшатрий к тебе прикоснётся? Но это малая потеря для деревни, и указ Великого Раджи мы выполним. А место носильщика я потом продам и выручу свои деньги, ведь дохлому тебе место будет ни к чему.

Староста подумал и решил не упускать даже малого шанса: — Но, если махараджа посчитает, что армии нужны чистильщики дерьма, и он возьмёт тебя на эту почётную должность, заплатишь за место носильщика, которое занимал. И именно шесть дирхемов, это твои слова. Хоть вряд ли ты весь целиком столько стоишь.

— Спасибо, Ганеш-джи, я не подведу ни тебя, ни деревню. И принесу тебе деньги.

Кланяться отвернувшемуся старосте не хотелось. Нехорошо так думать, старшим надо кланяться, но не хотелось. Ганеш же, уже закрывая за собой плетёную дверь хижины, прошипел:

— А кому быть новым носильщиком, я подумаю ближе к вечеру.

Зелёные джунгли звенели пением зелёных стрекоз, в кронах верещали мартышки, лучи утреннего солнца наискось падали на тропинку. Ходьба налегке настраивала на весёлый лад: он быстр и силен, к вечеру доберётся до города, а там, на состязании, докажет, что достоин занять место в войске. Получит задаток и побежит домой. Заплатит старосте и, если успеет, отпразднует свадьбу. В крайнем случае, даст родителям Шеты денег, чтобы ждали, пока он не вернётся с войны.

Когда мартышки раскричались особенно громко, Нандичаран остановился:

— Спасибо, уважаемые слуги Ханумана, что передали мне его помощь. Прошу, поклонитесь от меня своему владыке и скажите, как польщён я вниманием белой обезьяны.

В этот момент плечо резко кольнуло, и рука сама собой расплющила коровью муху, окрасив кожу каплей крови. Только пройдя пару йоджан, Нандичаран вспомнил, что не попросил прощения за убийство большого жирного насекомого. Такого он за собой не замечал — да, муха пила его кровь, но ведь ей хотелось есть. Раздавить жука или букашку не беда, но надо и извиниться, объяснить богам, пусть пошлют муху к следующей реинкарнации. Может, ещё не поздно опуститься на корточки и обратиться к вершителям судеб? Терять время из-за мухи? Да ну, кусалась очень уж больно, реинкарнируется как-нибудь и без его просьб.

Тропинка понемногу превратилась в дорогу и, вдруг вынырнув из джунглей, оказалась мощёной улицей, проходящей через городские ворота. Одетый в красное страж, он же и сборщик надлежашего, громко спорил с двумя пришедшими в город людьми. Один из них носил дорогую жёлтую накидку, показывающую, что он — зажиточный торговец-агарвал. Второй одевался по-мусульмански и наверняка прибыл из султаната. Не до-

ходя до ворот, Нандичаран спустился в канаву — нельзя далиту входить в город по мощёной дороге. И всё равно остановился, чтобы пропустить богатых путников вперёд. Подслушивать он не хотел, но выкрики стражника доносились, наверное, и до джунглей:

— Ты же персе! — возмущался стражник. — Так и плати султанскими деньгами. Нашими наши платят, а ты свои давай. Купец, наконец, внёс входную пошлину, и путники миновали ворота. Следя, чтобы не опередить важных людей, вдоль канавы пошёл и Нандичаран. Без задержки — что можно получить с далита?

Перс спросил своего спутника:

— Почему он ко мне привязался? Что два ваших джитала, что полтора наших дирхема, одно и то же.

— Так это на базаре два наших, что полтора ваших. А чиновники после поражения в войне и заикаться боятся про султанат при повелителе. Вы уже новые дирхемы чеканите, покрупнее, чем раньше, а казначей по указу считает — джитал за дирхем, как старый махараджа установил, — торговец подмигнул собрату по ремеслу. — Стражник долю отдаст радже, но джиталами, один к одному. Лишнее останется — не его вина, не может же бедный охранник считать не так, как велит раджа.

Оба засмеялись и ускорили шаг. Нандичаран вылез из канавы — вот почему староста Ганеш любит султанские деньги! Он ведь тоже платит долю и раджпуту-иктадару, и махарадже. Наверняка хорошо знаком с этим трюком.

Бывший носильщик схватил за плечо спешившего вдоль улицы мальчишку-далита, сунул ему пару сорванных в джунглях сладких слив:

— Где состязания воинов?

Пойманный, как любой мальчишка, готов был делиться новостями даже и без слив:

— Там они, у реки. Бегом беги, а то не увидишь ничего, до завтра ждать будешь. С утра начали. Я смотрел, как двое вайшьи боролись. Один совсем в жёлтом, а другой... А потом за мной брата прислали. Толстые такие вайшьи, один взял...

Нандичаран встряхнул рассказчика:

— Борьбу я и сам увижу. Куда идти?

Но мальчишка не собирался упускать слушателя, не рассказав хотя бы самого главного:

— Тому, кто всех победит, махараджа награду назначил. Аж двести джиталов! Богатство! Наверное, самый толстый и победит, у него на жёлтой одежде красные полосы, такие красные, как у кшатриев!

Только ещё одна встряска позволила узнать направление: — Беги по второй улице налево до кузницы, там коновязь и навоза много, оттуда опять налево и сразу направо. Сбоку подойдёшь, где стражи нет, и всё увидишь.

Нандичаран отдал последнюю сливу и поспешил вдоль кривых улочек. Мысленно удивился себе — не так давно бегал в таком же городе, а прошёл на состязания и сам покупает, хоть и за сливы, рассказ мальчишки.

На берегу реки возвышался красный паланкин махараджи. Носилки, возимые двумя слонами, установили на высокие деревянные подставки, получилась роскошная ложа. Самого властителя внутри видно не было, только одежды сопровождающих брахманов-советников белоснежными пятнами обрамляли паланкин. Скорее всего, правителю надоело глядеть на толкущихся в пыли подданных. Вернётся ближе к концу состязаний, наверное, только завтра, когда лучшие будут бороться за главный приз. Двести джиталов! Нандичаран и представить не мог такую сумму. Вот если бы победить и получить... нет, не так много, зачем ему столько? Какой-нибудь приз поменьше. Он бы осыпал подарками статую Нанди, нашёл, как передать дары и Хануману, вернувшись в деревню, заткнул бы деньгами рот Ганешу. Нет, нельзя так думать, нехорошо, просто заплатил бы старосте по вчерашнему уговору. Но всё-таки почему он должен мечтать о том, чтобы злобный старикашка стал ещё богаче?

На ближней вытоптанной площадке колотили друг друга двое, судя по чёрным повязкам — шудры. Оружия у них не было, да и не подобает слугам носить оружие. Вот кто победит да понравится наблюдающим за схваткой брахманам, тот и копьё получит. А может, если очень себя покажет, то и меч какой-нибудь недорогой.

Нандичаран плохо разбирался в особенностях борьбы, да и ожидал увидеть не простую драку, а военный поединок. Но дра-

ка так драка, ему это, может, и на руку, ведь сам оружия в руках никогда не держал. Соперники упали на землю и начали возиться в пыли. Чтобы лучше видеть, толпа сдвинулась ближе к центру, освободив достаточно места для прохода. Держась на расстоянии, далит начал огибать собравшихся, стараясь приблизиться к паланкину.

— Куда? — в грудь упёрлось неизвестно откуда появившееся копьё.

— Великий Раджа приказал всем сильным мужчинам прийти на состязание, — Нандичаран вежливо поклонился. — Меня послали выполнить приказание, я самый сильный в деревне.

— Далит на состязание? — стражник, похоже, страдал добродушием. Слова неприкасаемого его не разозлили, а развеселили. — И чем ты будешь биться? Навозной лопатой?

— Я недостойн видеть пыль у ног Великого Раджи, я недостойн разговаривать с тобой. Буду биться тем, чем мне повелят, — Нандичаран сделал вид, что готов упасть на землю. — В указе сказано прийти всем, из любой касты. Я не брахман, чтобы толковать указ.

Сравнение далита с брахманом ещё больше позабавило допрашивающего. Но забавы — забавами, а юридический казус налицо. Не может и он, простой копейщик, принадлежащий к касте пеших воинов, судить указ махараджи. Но и пропустить далита тоже не может. Поразмыслив, стражник коротко свистнул, вызывая помощника. Появился шудра-прислужник, видимо, выполнявший роль посыльного.

— Бегом к раджпуту, кланяйся от меня. Скажешь, никак нельзя без его решения, без его огромного опыта и великой мудрости, — стражник вкратце описал суть дела и направил гонца лёгким, почти дружеским пинком. Сам же, похихикивая, продолжил забавный разговор:

— Ну, у тебя прекрасное будущее. Сейчас вернётся Айядас и скажет тебя заколоть. Наверняка родишься великим воином. А вырастешь — возглавишь армию махараджи. Всю армию!

Похохотав, стражник добавил:

— Ты, главное, меня не забудь, Амарсингх меня зовут. Будешь полководцем, похлопочешь перед раджей, чтобы мне в старости побольше платили, я тогда уже старым стану.

Воин опустил копьё и сел на корточки, не в силах сдержать веселье. Но тут же вскочил, заметив приближающегося раджпута, видимо, командующего стражей.

— Этот? — строго спросил пришедший. — А ты что хохочешь?

— Извиняюсь, великолепно. Не могу удержаться, далит состязаться собрался.

Нандичаран почтительно опустил на землю:

— Великий военачальник, я не хотел оскорбить вас своим голосом или дыханием. Мы, неприкасаемые, не можем нарушить указ. Ведь сказано: явиться сильным мужчинам из каждого посёлка и деревни, независимо от касты.

Раджпут смех удержал, но и ему лень было злиться в этот праздничный день. Зеваки же потешалась всюю — в Нандичарана полетели щепки, горсти песка. Кто-то кинул палку с криком «Поймай это копьё, воин!». Сопротивляться было нельзя, он ведь униженно просит пропустить к махарадже, но рука поднялась будто сама, перехватила и переломила тонкое дерево. Понятно, что копьё он бы не поймал, копьё тяжёлое и быстрое, а это так, ветка, хвост. Но получилось ведь, и даже не стоя, а сидя в пыли.

— Мо-ло-дец, — благодушно одобрил раджпут. — Хорошо, что я не сказал Амарсингху тебя прикончить. Ты бы и его оружие испортил, а оно казённое.

Толпа захохотала ещё громче, но в это время со стороны главной ложи быстро приблизился странный человек. Он был в чёрном, одежде шудр, но ткань эта была не дешевле белых, которые подобают брахманам:

— Сияющий Владыка желает знать, почему люди не смотрят состязание? Или они нашли зрелище интереснее, чем дано самим махараджей?

Высокопарные слова не напугали раджпута:

— Занятный гость к нам пожаловал, посмейся и ты, посильный.

Человек в чёрном довольно быстро разобрался в ситуации и, к общему удивлению, поменял тон:

— Тащи его, пусть раджа тоже повеселится, — и подмигнул Нандичарану: — Повезло тебе, увидишь самого махараджу. И

боги зачтут эту встречу, когда тебя казнят. Думаю, казнят сегодня вечером.

Компания шутников вытолкала далита к самому паланкину, в тёмной глубине которого был почти не виден сидящий молодой человек. Зато драгоценные рубины, украшавшие его одежду, алели ярко, показывали каждому, кому разрешено подойти достаточно близко — вот Великий Властитель.

До разговора с неприкасаемым махараджа, понятное дело, не опустил, тихо сказал что-то ближайшему брахману, тот передал человеку в чёрном.

— Сияющий Махараджа, Владыка Мира, спрашивает, как осмелился ты предстать перед ним?

Всё перевернулось в глазах Нандичарана. Его казнят, и хорошо если не самым страшным способом. Внутренность — душа, наверное, душа — запротестовала. Нужно упасть лицом в пыль! Ждать казни и нового воплощения! В голове всплыл образ Нанди, того Нанди, который стоял за деревней, не радостного, отдыхающего, а опустившего рога к земле, готового броситься в атаку. Показалось, что священный бык здесь, внутри него, будит неизвестную ранее отвагу. Далит поднял глаза: властитель выглядел обычным человеком, невысоким, бледным, возможно, сверстником.

— Сияющий Махараджа, я не осмелился, меня сюда притолкали. Сам я дошёл только до первого стражника, — перевёл дух и продолжил увереннее: — Но, если подумать, я должен быть смелым. Ты созвал состязание, чтобы выбрать лучших. Лучшие должны быть смелы, нужны ли в твоей армии трусы?

Махараджа, конечно же, слышал ответ, но даже не моргнул, пока цепочка придворных не передала слова ему на ухо. Нандичаран продолжал, не дожидаясь:

— Я должен смело выполнять твои приказы, а ты приказал явиться сильным мужчинам из всех каст.

Выражение лица правителя менялось медленно, не подобает властелину поддаваться мимолётным эмоциям. Сначала проступило раздражение, потом задумчивость. С одной стороны, неприкасаемые не могут не только носить оружие, но даже приближаться к воинам. С другой, указ махараджи — высшее повеление, с которым не может спорить никто. Холёная рука сделала

знак в сторону ближайших советников — их забота решать философские загадки.

После короткого совещания перед паланкином появился низенький брахман, одетый в белый китайский шёлк. Уши его до плеч растянулись под весом драгоценных камней. Только самые достойные могут одеваться столь богато в присутствии правителя.

— Сияющий Махараджа, Владыка Мира. Ты издал указ, призвавший на состязание силачей из всех каст. Пришёл далит и хочет участвовать, хотя ему нельзя прикасаться даже к шудрам, — брахман перевёл дыхание. — Здесь нет противоречия, Сияющий Махараджа. В указе ты мудро изрёк: «к какой бы касте и варне ни принадлежал силач». Но далиты не принадлежат ни к одной касте. Они ниже самых презренных шудр. Указ не зовёт состязаться тех, кто вне каст.

Молодой человек сделал благосклонный жест рукой, мудрость советника оценена, оставалось вынести приговор. Однако стоит ли этим ограничиваться? Великий правитель умеет извлекать пользу даже из малого — махараджа встал и негромко, но отчётливо обратился к толпе:

— Брахманы, кшатрии, — низшие касты он, конечно же, словом не одарил. — Все слышали этого презренного? Он говорил об отваге. Вы слышали, как неприкасаемый говорил об отваге?

Раздалось неуверенное хихиканье, но тут же затихло, лицо правителя показывало — шутить он не собирается. Да и где это видели шутливого махараджу?

— Вы слышали, как он говорил об отваге? Потому, что он смел! В нашей великой стране даже последний далит, пыль у ног шудры-слуги, готов биться во славу махараджи. Запомните этот случай, бесстрашные воины. Вы — лучшие в стране, где отважен даже ничтожный далит!

Махараджа опустился на скамеечку в глубине паланкина и устало кивнул:

— Этот человек заслужил жизнь. Дайте ему палок и отпустите домой.

Тот, кого бьют палками, должен кричать, обязательно молить о пощаде. Если бьющие довольны своей работой, они бы-

стрее закончат и найдут другие дела. Нандичаран молчал, распалая двух назначенных ему палачей. Не мог он вопить и плакать после того, как разговаривал с самим махараджей — разговаривал почтительно, но уверенно и убедительно, словами заслужив милость правителя.

Наконец было решено, что далит потерял сознание, а может, и жизнь ушла из него. Отвязали тело от столба и пошли по домам. Нандичаран поднялся, побрёл к городским воротам. Дальше уйти он не смог. Выйдя за стену всё по той же канаве, не сумел выбраться на дорогу и забылся в прохладной дождевой воде.

Утром спина болела, рёбра ныли, хорошо кости уцелели. Палачи знали своё дело — ни убивать, ни калечить им не приказывали. Нандичаран поднялся и с трудом побрёл по дороге. В джунглях он сорвал ветку, чтобы отгонять мух от кровотокающей спины. Пошёл ещё медленнее. Да и спешить было некуда. Денег он не добыл, место носильщика староста наверняка продал. Шета... о ней вспоминать страшно, страшно представить, как Ганеш забирает её в свой дом, срывает тонкую ткань, валит на глиняный пол...

Шёл и думал, мысли цеплялись друг за друга, становились темнее, злее. Вместе с новыми вспоминались старые обиды. Надо забывать зло, прощать плохих людей. Палачей, старосту Ганеша. Даже отца. Но спина кровит и рёбра ноют. Он не может, не может всю жизнь подставлять тело под побои. Молиться, прощать — не осталось для этого места. В голове возникали совсем другие картины — крушить, ломать, лбом проламывать путь. Как Нанди, опустить рога к земле и не поднимать, пока они не окрасятся кровью, пока жизнь не повернётся лучшей стороной.

Спина добавила к духоте джунглей внутренний жар. Вновь начал разговаривать с Нанди, нет, сам с собой... или всё-таки с Нанди? Мысли путались, не удавалось отличить, кто что говорит и кто кому. Здесь ли священный бык, или лишь одинокий далит сидит у тропинки в гуще листвы? Или это божество размышляет в одиночестве, временами трогая рогом низко склонившиеся ветви? И что делать ему? Или что делать Нанди? Идти домой? Но сидя у тропинки, он забыл, с какой стороны дом.

Да и сможет ли он быть прежним после того, как там, перед паланкином, почувствовал себя таким же, как божественный махараджа?

Второй день состязаний обещал быть интереснее первого. Самые слабые и неумелые вчера проиграли и разошлись по домам, остались лучшие. Даже погода стала прохладнее, делая наблюдение за схватками не столь утомительным. Поле регулярно поливали речной водой, прибывая пыль, ведь выступали не только те, кого наняли накануне, но и профессионалы-ветераны, пожелавшие побороться за главный приз. А им не пристало пачкаться в чём-то, кроме крови врага. Впрочем, крови и сегодня не ожидалось — сражались тупым оружием. Настоящее, смертельное, куётся для войны, для службы махарадже. Сюда же пришли не убивать, а показать себя.

Участвовали и победители первого дня, правитель уже милостиво пожаловал им право стать воинами. Большинство нанятых новичков принадлежали варне вайшья, повезло и нескольким силачам-шудрам. Конечно, все они стали воинами низшими — не нарушать же вечный закон, запрещающий подниматься в более достойную касту.

На поле сражались два кшатрия. Дрались уверенно, не оскорбляя взор властителя неумелыми ударами. С утра оба победили не в одной схватке, и до главного приза оставалось совсем немного. Приз же, украшенный бахромой и колокольчиками кожаный мешок с монетами, доставили утром и повесили на красный шест у паланкина правителя.

Один из бойцов, необычайно широкий гигант мнакаута, отбил выпад коротким багром-анкусом, оружием, привычным для людей его касты. Сделал атакующее движение и навалился щитом на щит. Противник подался назад, стараясь не попасть под более тяжёлого бойца, стараясь пропустить мнакаута сбоку. Одновременно занёс руку, чтобы ударить старающегося сохранить равновесие соперника эфесом меча-ханды в затылок, ниже шлема. Но соперник и не собирался удерживаться на ногах, всю силу своего падения он направил в носок левого сапога, а носок — в незащищённую голень противника. Сапог погонщика боевых слонов окован так, чтобы мощный зверь чувствовал каждый тычок. Мечника унесли к лекарям, нога у него оказалась пробита

до кости. Победитель поднялся и не спеша отошёл в сторону — ждать, пока подойдёт очередь вновь воткнуть в землю свой значок.

Вышел немолодой латник маратхи, обстоятельно установил даже не значок-символ — целое знамя давайа. Воин нёс на себе тяжёлые доспехи: слева его закрывал массивный щит, правая рука пряталась в дорогой пате. Такое оружие тупым не куют, поэтому лезвие охватывал плотный кожаный чехол. С другой стороны толпа вытолкнула высокого человека из касты циркачей-киньи — видимо, одного из только вчера ставших воинами. В руках — пика и дубинка-палица. Дубинка, похоже, была инструментом привычным, а вот пику вчерашний циркач взял в руки впервые. Киньи сбил воткнутое в землю знамя, бросив формальный вызов, и схватка началась.

Воин даже не поднял щита навстречу неумело брошенному копыю, сделал два шага вперёд и ударил справа налево, поперёк живота. В бою такой удар делит человека на половины, тупой же меч заставит лечиться неделю. Не защищённый доспехами боец сложился пополам. Когда он разогнулся, толпа удивлённо ахнула — высокое длинное тело оказалось гибким и быстрым. Перегнулось, отклонилось от удара так, что меч не достал втянутого живота. Подвижный киньи легко уходил от атак, постоянно донимая соперника дубинкой. Впрочем, урона не нанося — маратхи умело принимал дубинку на щит. Поединок затягивался, испытывая выносливость бойцов. Видно было, что одетый в тяжёлый доспех воин устанет первым. Он и сам это понял, начал двигаться рискованнее и слишком далеко отвёл щит. Удар по левому плечу пришёлся вскользь, сдирая кожу. Киньи постарался вложить в выпад всю силу, но дубинка прошла слишком легко, и боец наклонился, удерживая равновесие. Движение паты — и он на земле. Редкие одобрительные крики понимающих раздались на фоне разочарованного выдоха толпы, болевшей за новичка. Опытный воин пожертвовал кожей на руке, подманил противника и ударил мечом по незащищённой голове. Ударил плашмя, оглушая, не калеча больше, чем надо — лезвие тяжёлой паты, даже одетое в чехол, рассекло бы кожу до кости. Красивая победа над достойным соперником, демонстрация умения настоящего кшатрия.

Ещё несколько схваток, и только двум бойцам осталось поспорить за награду — широкоплечему погонщику слонов и ветерану маратхи. Ветеран вновь водрузил своё знамя, мнакаута сбил его. Мало того, он наступил ногой на древко, заранее показывая, кто сегодня получит главный приз.

Поединок начался медленно, осторожно. Гигант раз за разом опускал клюв анкуса, и раз за разом старый воин принимал удары на щит. Тактика погонщика слонов была понятна, соперник гораздо сильнее устал в предыдущих поединках и к тому же не мог опереть щит на раненное дубинкой киньи плечо. Его левая рука скоро устанет, правая же, закованная патой, сильна, но неповоротлива. Маратхи останется без защиты.

Толпа не отводила глаз от сражающихся, один из которых вскоре должен был изрядно разбогатеть. Наверное, поэтому нового зрителя заметили не сразу. Лишь через какое-то время высокий молодой брахман, стоявший в почтительной позе недалеко от паланкина, взмахнул рукой. Его сигнал поняли, и поединок остановился. Зрители повернули головы в сторону, куда вторым взмахом указал мудрейший. На бойцов внимательно смотрел молодой белый бык. Не фантастически огромный, но большой, складный и мускулистый.

Священное животное, посетившее состязание — лучший знак, которого можно желать. Собранное в этот день войско будет непобедимо! В руках у брахманов появились молитвенные барабанчики, зазвучала благодарность богам, осенившим знаменем дело Великого Махараджи. Двое храмовых служителей подбежали к быку, украсили его шею цветочной гирляндой. Через короткое время запыхавшийся посыльный доставил ритуальные шарики для рогов. Ярко раскрашенные, они служили символом праздника и уважения к животному. Они же защищали от слишком тяжёлых ран в случае, если священный символ пожелает наказать неугодных божественными рогами.

Бык благосклонно принял украшения, а потом и стебли сахарного тростника, но с места не сдвинулся. Продолжал стоять, глядя на поле, паланкин и самого махараджу. Что же, это тоже добрый знак, только равный имеет право прямо смотреть на владельца, и равный на него смотрит.

Брахманы посовещались, и глашатай объявил:

— Сияющий Махараджа приказывает продолжить поединок. Священный бык наблюдал за схваткой и желает видеть её продолжение.

Забытые на время кшатрии вновь оказались в центре внимания. По толпе пронёсся радостный шепоток — благодаря быку латник получил возможность отдохнуть. Болели за него, очень уж подло разделался погонщик слонов с предыдущим соперником. Однако уже следующие удары анкуса открыли, что перерыв не пошёл воину на пользу. Рука держала щит, но из-под него на землю капала кровь, поражение было близко. И тут монарх вновь показал себя правителем, чувствующим настроение подданных. Жестом он остановил поединок, глашатай прокричал, адресуя слова проигравшему:

— Сияющий Махараджа понимает, как ты устал, маратхи. Но своим всё проницающим оком он видит тебя великим воином. Ты не выиграл состязание, но властитель дарит ещё сорок джиталов, и их заберёшь ты!

Толпа возликовала: на свете нет более справедливого, мудрого и щедрого правителя! А что двести монет достанутся гиганту мнакаута — он ведь выиграл, чем возмущаться?

Победитель вновь вышел на поле и воткнул в землю свой значок. Согласно ритуалу, он должен ждать не меньше налики: вдруг появится тот, кто бросит новый вызов? Боец держал анкус в расслабленной руке, соперника найтись не могло. Ведь только достойный вправе бросить вызов победителю, а кого можно назвать достойным, кроме прошедшего такое же количество схваток?

Вдруг бык сдвинулся с места и, шелестя гирляндой, приблизился к центру поля. Теперь он смотрел на бойца, на гиганта, возвышавшегося над бычьей головой. Рог животного описал плавную дугу, и значок упал на землю. Мнакаута суетливо поднял свой символ, но бык снова подцепил его и придавил передней ногой древко. Прошёл шепоток, движение копыта напомнило спесивый жест, сделанный самим погонщиком перед прошлым поединком. Шепоток перешёл в гул голосов — священный бык хочет драться! Даже махараджа встал в своём паланкине и, не желая выдать волнение этим произвольным движением, встречным взмахом двух рук показал — быть схватке.

Бык наклонил голову влево, правый рог оказался впереди, и пошёл на человека. Тот отступил, не решаясь ударить воплощение бога. Ритуальный шарик только слегка толкнул мнакаута, благородное животное не желало лёгкой победы. Несколько поворотов, несколько толчков шариком, и сущность погонщика взяла верх. Велика ли сакральная разница между быком и слоном? На быке Нанди ездит Шива, на слоне Айравате — Индра. Но слонами-то мнакаута управляют по праву!

Гигант ударил анкусом с такой силой, что, даже затупленное, оружие оставило кровавый след на толстой бычьей шкуре. Толпа растерянно молчала, лилась божественная кровь, и погонщик лил её, не совершая преступления. Бык сам пожелал поединка. Глаза животного налились красным. Не поднимая головы от земли, он сделал круг и с разбегу помчался на противника. Тот отскочил, увернулся — торчащий вперёд рог, торчащие вперёд слоновьи бивни — почти одно и то же. Ещё круг, ещё отскок, теперь уже с ударом. Клюв оружия пришёлся вскользь. Атаки повторялись, но умелый боец приспособился, и каждое столкновение прибавляло ран на бычьей спине.

Новый разгон, в этот раз чуть правее, шарик проходит мимо человека, тот отклоняется в другую сторону. И в этот момент левый, забытый, рог бьёт, собирая и силу бега, и мощь бычьей шеи. Мнакаута взлетел над землёй и мешком упал у подножья паланкина. Кажется, даже дальние ряды услышали треск рёбер. Шарик спас жизнь, но не спас здоровье; гиганта обречён стонать не одну неделю.

Обвитый свежими гирляндами бык стоял напротив ложи правителя. Неспешно жевал сахарный тростник, смотрел перед собой. Все ждали, нельзя же уйти, унести паланкин с махараджей, пока священное воплощение даже не отвело взгляд. На что направлены большие коричневые глаза? На столб, где так и висели двести джиталов. Недоумение посвящённых: зачем быку деньги? Он — воплощение, божество, у него всё есть. Но... Тихо зазвенели колокольчики, мешок торжественно повязали на шею победителю. Будто этого и ждал, будто из-за денег не позволял унести махараджу, бык повернулся и мерно пошёл по улочкам города, по середине мостовой через ворота, к дороге, уходящей в джунгли.

Сзади бежали взрослые и дети. Ещё хоть прану посмотреть не на обычного быка, даже не на священного быка, а на того самого быка! На божество, сошедшее на землю! Но и не только посмотреть, конечно. Ведь на шее божество уносило целое состояние. Мешочек отвяжется через пару йоджан и достанется тому, кто первым пойдёт по дороге.

Перед стеной джунглей бык остановился, повернулся к толпе, пригнул голову. Только сейчас люди заметили, что глаза у него не коричневые, а тёмно-красные. И рога, волнистые и острые, как кончик криса. Уже без ритуальных шариков. Взгляд медленно прошёл по толпе, и каждому, даже самому жадному мальчишке, стало понятно — перед людьми создание высшее, не теряющее то, чем владеет по праву. Разочарованные горожане повернули назад, пришлые решили начать путь домой попозже.

Нандичаран шёл уверенно, больше не обращая внимания на боль в истерзанной спине. Корзины он носить долго не сможет, но и носильщиком больше не будет. А не носить поклажу — так и здоровая спина не нужна... Хотя зачем теперь обо всём этом думать? А о чём думать? Шагал уверенно, а в голове путалось. Махараджа... состязание... Шета... Нандичаран много понял... или это Нанди заставил понять? Шета... Каждый мужчина женится на ком-нибудь. Если богатый — на юной и красивой, если расчётливый — берёт с хорошим приданым, бедный — на старой уродливой вдове. Редко бывает, что женятся по любви, да любовь вообще редко бывает. А он как? Хочет жениться на самой красивой девушке или по любви? А Шета, чего хочет она, о чём говорит она со своим покровителем? Раньше в голову не приходило спросить у неё, теперь только задумался об этом. Да и не разговаривал он с ней ни разу.

Шагал, думал о Шете, не думал о боли. Разговаривал с Нанди, с самим собой, и отгонял от ран мух сорванной пальмовой веткой. Так и оказался у деревни, не считая каждую пройденную йоджану.

На улице к нему подбежал мальчишка:

— Нандичаран! А староста сказал, что ты умер! Пойдём быстрее, он Шету к себе забрал. До заката ждал, до заката нельзя, а

сейчас ею владеть будет. Все слушать соберутся, а может, и увидим что.

Повторять не пришлось, ноги сами понесли к дому старосты. Хижина чуть побольше остальных, сплетённая из тонких ветвей. Что происходит внутри, слышно, да многое и видно сквозь прутья. Деревня собралась, наверное, вся, Нандичаран смотрел через головы. Доносился шум, мелькали тени. Ганеш хватал Шету за руки, пытался повалить на пол. Она выворачивалась раз за разом.

Прошедшие дни беспорядочно заметались перед глазами. Состязание, махараджа, палачи и дорога домой. Всё поменялось, всё. И он тоже поменялся. А здесь, в деревне, по-старому. Даже не по-старому, гораздо хуже. Он обещал, обещал заплатить старосте за место носильщика, купить право жениться. И они договорились, они ведь договорились. У них был договор! Подлый староста не дождался даже конца состязаний, выторговал себе обещаний... кучи денег... и всё равно... Думал, что отправил на верную смерть?..

Ноги Нандичарана согнулись, с болью, выворачивая колени назад. Юноша опустился на землю, опёрся на руки. Лицо его почти коснулось земли, кровь прилила к глазам. Рога оставили в пыли две борозды, плечи разбросали толпу, мощная бычья голова вышибла хлипкую дверь хижины.

Много ли надо плетёной постройке — через минуту она превратилась в хворост, под которым стонал староста. Не так, как стонал мнакаута, проигравший бой с богом. Староста стонал с подвизгом, ну что ж, и на рогах уже не было ритуальных шариков.

Нандичаран повернулся, стряхнул труху, запятнавшую белую шкуру. Толпа расступилась, он прошёл через площадь, между домами, углубился в лес. Улица позади него оставалась пуста, не бежали мальчишки. Да и кто бы рискнул? Можно ли простому далиту, даже и неугомонному мальчишке, бежать вслед за разгневанным богом!

Широкие листья сомкнулись над головой, в сумерках пели птицы, выше по ветвям проскакала стая мартышек. Далит остановился, опустился на колени, обратился к обезьянам:

— Ещё раз спасибо, уважаемые, за то, что показали мне путь. Передайте мою благодарность вашему покровителю, великому Хануману. А сейчас я пойду к Нанди, поблагодарю его и попрошу совета...

Юноша запнулся. Надо ли идти к статуе священного быка, если священный бык здесь, если он сам — священный бык? Произошедшее только что и там, на состязаниях, никак не помещалось в сознании. Разве такое могло получиться? Когда шёл из города, думал, что покровитель просто вселился в человеческое тело, а теперь всё как прежде. Но ведь опять... И Нандичаран никуда не исчезал, это он был быком, и в своём теле.

Мысли совсем запутались. Там, перед статуей, они придут в порядок. Наверное. А пока лучше думать о понятном. И приятном — Шета... Но образ девушки не закружил голову так, как это случалось раньше. Скорее, отозвался эхом потери. Потери? О ней мечтал человек, но мечтает ли о ней спутник бога? Нандичаран понял, что он бык, совсем бык. Идёт по тропинке, и низкие ветки глядят по белой зажившей всего за несколько часов спине. Положена ли великому Нанди жена? Ведь если положена, её статуя стояла бы рядом, чуть позади. Но её нет. Почему? Может быть это Шива не позволил Нанди жениться? Нет, надо всё-таки думать о понятном.

Вспомнил произошедшее в хижине. Не много было и вспоминать. Дверь вылетела, помещение оказалось тесным, конечно, тесным, если внутри не человек, а великий бык. Стены затрещали, острый рог ударил старосту в грудь. Нет, в последний момент голова повернулась, остриё только порвало кожу, а в рёбра ударил твёрдый белый лоб. Кто отвёл рога, бык или Нандичаран?

Нандичаран облегчённо вздохнул — хорошо, что он не убил старосту. Убивать нельзя, даже плохих людей нельзя. Тут вспомнилось — ведь ещё вчера хотел стать воином... Хорошо, что не стал, воины убивают, но они кшатрии, это совсем другое, далит не может стать кшатрием. А старостой, наверное, назначат кого-то другого, не будет иктадар брать бхугтан из рук того, кто прогневил бога. Ну и ладно, за это Нандичарану стыдно не было, ему ли решать за иктадара!

В листве открылся проход, поляна. Каменный Нанди по-прежнему стоял, пригнув рога к земле, готовый наказать провинившегося. Далит опустился у подножья статуи, Нандичаран думал, но мысли поменялись, он немного повернул голову, посмотрел в сторону деревни. Что теперь? Куда идти и что делать? Кто он теперь? Далит, сын вайшьи? Он бился с мнакаута, но он не кшатрий — нельзя поменять варну. Но и белый цвет, цвет шкуры великого быка, цвет высшей касты, он не сам надел. Разве его вина, что так пожелал Нанди? Или он сам пожелал, ведь он сам — Нанди?

Он даст денег родителям Шеты, пусть спросят её, кого хочет в мужья. Для этого он войдёт в деревню в последний раз, а потом... ему ли решать? Он ведь — всего лишь ездовое животное Шивы.

Справочник непонятных слов

В тексте есть сочетания букв, малоизвестные большинству читателей. Более того, даже Википедия не знает многих названий, не говоря уже о познаниях исторической науки. Автор позволил себе вольность и заимствовал слова из разных временных периодов... В общем, этот список объясняет использованные в тексте слова.

Словарь не является научно достоверным. Автор просит учёных-историков не ссылаться на него при написании кандидатских и докторских диссертаций.

Агарвалы — каста торговцев, входящая в варну вайшьи.

Айравата — ездовой слон бога Индры.

Анкус — короткое копьё с крюком, наподобие багра, применявшееся как для управления слоном, так и в качестве оружия ближнего боя.

Асур — божество невысокого ранга.

Балешта — пядь, около 17 см.

Брахманы — высшая из четырёх индийских варн (сословий), включающая жрецов и учёных. В одежде брахманов преобладал белый цвет.

Бхугтан — плата, налог.

Вайшьи — третья из четырёх индийских варн (сословий), включающая касты ремесленников, земледельцев и торговцев. В одежде вайшьи преобладали жёлтые цвета.

Гони — старая индийская единица веса, примерно 60 кг.

Далиты — современное слово, обозначающее неприкасаемых — людей, находящихся в самом низу социальной лестницы, вне кастовой системы общества.

Давайя — геральдическое знамя, форма которого несёт значение не меньшее, чем расцветка и изображение.

Девангари — один из вариантов письменности, применяющийся в Индии с древних времён.

Джи — окончание, добавляемое при почтительном обращении.

Джитал — серебряная монета, имевшая хождение в средневековой Индии, примерно равная шестидесяти медным статерам.

Дирхем — серебряная монета, завозившаяся в Индию из мусульманских стран. В зависимости от веса равнялась одному джиталу или была на треть дороже.

Иктадар — военный или чиновник, получивший от раджи икт — земельный надел в кормление, т.е. для сбора налогов в свою пользу.

Индра — один из главных богов в индуизме, повелитель небесного царства.

Йоджана — мера расстояния в древней Индии, значение которой оценивается от 1,6 км и больше.

Каяштра — каста писарей и делопроизводителей, входящая, согласно авторскому замыслу, в варну вайшьи.

Киньи — каста антрепренёров, владельцев цирков, организаторов зрелищ. Придумана автором и включена им же в варну вайшьи.

Крис — большой волнистый кинжал, расширяющийся к рукоятке.

Кшатрии — вторая из четырёх индийских варн (сословий), включающая правителей и различные касты воинов. В одежде кшатриев преобладают красные цвета.

Маратхи — одна из наиболее древних воинских каст, входящих в варну кшатриев.

Маха-Вишну — один из главных богов в индуизме, один из создателей мира и его охранитель.

Махараджа — великий раджа, аналог средневекового европейского короля или древнерусского великого князя. Слово «махараджа» может обозначать и должность, и титул. В тексте просто — титулы пишутся с прописной буквы, должности — со строчной. А вот как индусы ориентировались в устной речи, для автора остаётся загадкой.

Мнакауты, махауты — каста погонщиков боевых слонов, принадлежащая к варне кшатриев.

Налика — мера времени, примерно 24 минуты.

Нанди — священный бык, спутник и ездовое животное бога Шивы.

Одежда — одежда в описываемом обществе выполняла роль некой униформы. По ней можно было определить варну, касту и иногда даже узкую специализацию.

Оод — каста, специализировавшаяся на земляных работах.

Ом — звук, из которого появился мир.

Пата — меч, жёстко прикрепленный к негибкой латной перчатке, закрывающей руку до локтя.

Прана — мера времени, около четырёх секунд.

Раджа — самостоятельный сюзерен. Аналог средневекового европейского барона или древнерусского князя.

Раджпуты — рыцарское сословие в древней Индии. Раджпут — аналог средневекового рыцаря.

Ракшасы — демоны, способные произвольно менять форму. В результате всё что угодно можно обзвать ракшасом.

Саанга — каста металлургов и кузнецов.

Сансара — круговорот рождения и смерти, изображаемый в виде колеса.

Статер — медная монета, примерно шестидесятая часть джитала.

Тваштар — божественный кузнец, демон-асур.

Ханда — индийский аналог обычного прямого меча.

Хануман — индийское божество, изображаемое в виде белой обезьяны, иногда крылатой.

Шарада — алфавит, письменность, распространённая в древности на северо-западе Индии.

Шива — один из главных богов в индуизме, один из создателей мира.

Шудры — низшая из четырёх индийских варн (сословий). Входящие в неё касты включают различного рода слуг и людей, выполняющих непрестижную работу. В одежде шудр, если она у них есть, преобладают чёрные цвета.

Ирина Погонина

Рязанская обл.

«НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ,
НЕ ПРОСИ»

Серый подвальный кот лежал в картонной коробке, свернувшись плотным клубком. Мелкие вьедливые комары настойчиво атаковали многострадальные уши, покрытые слишком короткой шерсткой.

Внезапно на переднюю лапу опустилось что-то значительно более тяжелое, чем комар. Вздрыгнув, кот открыл глаза. Крупная рыжая бабочка спокойно укладывала на спинку бархатистые крылышки. Затем странно присела и подняла круглую голову. Изумленный кот разглядел короткие ушки, круглые зеленые глаза, аккуратно поставленные рыжие лапки и тонкий хвостик, устроившийся поверх.

Крохотная крылатая кошечка зевнула и произнесла:

— Добрый вечер. Ты не возражаешь, если я отгоню этих назойливых кровопийц?

Удивительно, но комариное облачко над ними рассеялось.

— Ты кто?

Рыжие крылышки дрогнули, в тонком голосе отчетливо слышалось раздражение:

— Тебе что, в детстве не рассказывали сказок? Про котофей и волшебников, вкусных золотых рыбок и добрых Котов-Морозов?

Серый кот вспомнил свое детство, проведенное на соседней помойке в жестокой борьбе за кусок тухлой селедки, и угрюмо помотал головой. Какие тут сказки...

— Я фея и могу выполнить любое твоё желание.

Серый кот, выживший на помойке, покрытый шрамами в драках с крысами и котами, потерявший половину хвоста вместе со старым ботинком, привязанным к нему проволокой, тряхнул обмороженными ушами:

— У меня нет таких желаний. Проваливай.

— Постой, почему ты прогоняешь меня? — В голосочке феи звучало удивление. — Подумай, я могу изменить твою жизнь. Раз, и будешь жить, как в сказке...

Кот внезапно проворчал:

— Ну ладно, раз уж тебе приспичило. Видишь, моя коробка совсем разваливается, а скоро зима. Наколдуй мне новую, покрепче.

В первый момент фея чуть не задохнулась от возмущения. Затем хитро прищурилась:

— Хорошо. Я выполню твоё желание... Прощай!

И исчезла в россыпи рыжих мелких огоньков.

Кот недоуменно осмотрел старую коробку, цапнул расщепившийся картон. Привиделось, что ли? И улегся досыпать. ...Черный ревущий мотоцикл даже не притормозил, когда из-под его колеса к стене дома отлетел серый бесформенный комок. Кот шмякнулся на асфальт и распластался безжизненной тряпочкой. Из своих девяти жизней он уже истратил пять, и каждая последующая возвращалась к нему дольше и тяжелее, словно нехотя. Вот и сейчас сознание мерцало, как огонек на ветру.

Темная угловатая фигура остановилась, будто споткнувшись:

— Эх тебя, бедолага... — Грязная заскорузлая ладонь коснулась сбившейся окровавленной шерсти. — Смотри-ка, кажись живой.

...Серый кот, не открывая глаз, втянул в себя окрестные запахи. Похоже, он в чужом подвале. Это грозило серьезными неприятностями. Осторожно глянул вокруг. Рядом сопело большое теплое тело, знакомо пахнущее помойкой. А по сторонам

поднимались крепкие толстые стенки огромной картонной коробки.

Тощий подвальный кот вытянул лапы, коснувшись лежащего рядом человека. Затем чуть-чуть выпустил и снова втянул когти, хрипло замурлыкал. Впервые в жизни.

Пауль Госсен

Йютербог, Германия

В НАЧАЛЕ БЫЛ ENTER

Фантастический рассказ

В дверь позвонили.

«Успею», — подумал Адамс. Его пальцы стучали по клавиатуре, на экране монитора прыгали яркие картинки.

В дверь позвонили снова.

— Есть, — одна из картинок замерла. Это был остров, снятый со спутника. Адамс дал увеличение, развернул перспективу — песчаный берег, пальмовая роща в глубине. Его пальцы не прекращали бегать по кнопкам. На берегу появилась пирога, перед рощей — шалаш.

Третий звонок был долгим и настойчивым.

Адамс запустил программу «Животный мир» — в волнах блеснул плавник, на пальмах закричали попугаи.

Звонки прекратились, теперь в дверь били кулаками.

— Черт, чуть не забыл! — щелчок мышью, и открылась папка с новыми фотографиями. Это были девушки — длинноногие, в бикини и без. Адамс выбрал чернокожую — с красивыми грудками. — Серна, — он вдавил кнопку. Девушка оказалась на берегу. На мгновение палец Адамса завис в воздухе. — Николь, — определился он. Рядом с чернокожей появилась белая девушка — тугая коса, наколка на бедре.

В дверь уже били ногами. Она трещала, но держалась. — Пора, — Адамс сунул в рот ампулу, надел шлем и вдавил Enter.

Дверь слетела с петель. В комнату ворвались двое мужчин. — Мертв, — сказал первый, пощупав пульс Адамса. — Успел принять какую-то гадость. Хакером меньше.

— Жив, — второй указал на монитор. Адамс пялился на них с экрана.

— Ушел, — первый насупился. — Как его оттуда вытащить?

Второй постучал по клавиатуре.

— Дохлый номер, — сказал он, — все подходы заблокированы... Вызови скорую — пусть увезут тело в морг. И позвони шефу. Мы опять прозевали зарождение нового мира.

...Адамс вдохнул влажный горячий воздух и расправил плечи. Девушки стояли рядом и улыбались. Адамс тоже улыбнулся и положил руку на бедро Серны. Потом подумал и положил вторую на бедро Николь.

ЛОДЫРИ

Фантастический рассказ

Младший программист Кай Шёбер был гением.

Нет, он не одаривал человечество новыми продвинутыми играми или программными оболочками. Не сочинял в свободное от работы время стихи и прозу. Не снимал кино на любительскую камеру и даже не пел, закрывшись в ванной. Для всего этого он был слишком ленив. Просто фантастический ленив. Возможно даже, он был самым ленивым человеком на планете. Но он гениально скрывал свою сущность.

Вот и сейчас, накручивая километры по коридорам Стокгольмского Института Кибернетики, Кай предусмотрительно захватил с собой пухлую папку, на которой крупными буквами было начертано: «Квартальный отчет».

— Салют! — сделала ему ручкой Гунилла, знакомая девушка-практикантка, и, завидев папку, сочувственно вздохнула.

— Господин Шёбер, приветствую! — это завождем Петерссон; сегодня он даже притормозил, чтобы пожать Каю руку, хотя обычно проносился мимо не здороваясь.

В папке, впрочем, имела место пара-тройка потертых журналов для мужчин. Не то чтобы Кай увлекался подобными изданиями, но забытые кем-то в его лаборатории журналы придавали папке необходимый объем.

На ходу Кай решал, как убить оставшиеся до конца рабочего дня время. В столовую не сунешься — он уже отобедал, причем, дважды. В институтскую библиотеку тоже — закрыта на переучет. Поскольку промчаться в пятый раз по тем же самым коридорам для лодыря его уровня было непрофессионально, оставался последний вариант — курилка. Там можно запросто проторчать оставшиеся часы, поочередно травя анекдоты с научными светилами разной величины, вот только Кай не курил и с трудом переносил, когда курили рядом. Но не идти же работать, в конце концов! Так что других вариантов не оставалось.

И тут... Бросив взгляд в сторону, Кай обнаружил, что дверь в лабораторию 64-М была чуть приоткрыта.

«Странно, — подумал он, — ведь туда уже давно никто не заглядывает. Наверно, уборщица, уходя, забыла закрыть помещение».

Кай был не из тех, кто воровато оглядывается перед тем как совершить что-нибудь героическое. Нет-нет! Выставив перед собой папку, он решительно направился к двери лаборатории. Открыл ее. Вошел. И плотно закрыл за собой.

Год назад об эксперименте, проводящемся здесь, были написаны сотни восторженных статей, причем в изданиях всех континентов. И стоит признать, дела в лаборатории творились серьезные: на десяти самых современных компьютерах была установлена программа, разработанная профессором Мумбергом, и программа эта должна была-таки научить компьютеры мыслить.

«Труд создал из обезьяны человека, — говорил профессор. — Значит, мы должны загрузить компьютеры такими заданиями, которые позволят им в процессе работы развить искусственный интеллект». Компьютеры натужно загудели и принялись решать логические и этические задачи, отвечать на тесты и т.д. Вначале от мониторов не отрывали взгляды десятки специалистов, журналистов и просто зевак, пробившихся в Институт благодаря знакомствам, но потом... дни сменялись неделями, недели месяцами, а машины и не думали проявлять признаки разума. Задачи, конечно, решались, с тестами тоже проблем не возникало. Но веяло от всего этого стопудовой логикой и не было даже миллиграмма того безумия, которое, как ни странно, мы и определяем как разум.

Столпотворение возле компьютеров прекратилось — журналисты кинулись искать новые сенсации, сотрудников по одному распределили в соседние отделы, а прославившийся в одночасье профессор Мумберг улетел читать лекции в Америку. Вот только компьютеры — теперь уже без надзора — продолжали выполнять возложенную на них работу. Ведь официально никто не прерывал эксперимент. Но как шутили в курилке: «Погудят век другой — глядишь, и шнур, как хвост, отвалится, и жесткий диск, как спина, распрямятся. Мартышка тоже не сразу в человека превратилась».

Впрочем, до всей этой истории Каю не было никакого дела. Он не верил в искусственный разум, как не верил в телекинез, летающие тарелки и лечебные силы филиппинских врачей. Повторимся, все, что ему требовалось — это убить пару часов, оставшихся до конца рабочего дня. И Кай извлек из кармана рабочего халата диск с игрой «Око за око», скачанной из Сети пару дней назад. Зубодробительный экшен, запрещенный в Америке и большей части стран Европы, — это как раз то, что надо. Сунул диск в привод DVD ближайшего компьютера и включил монитор.

«Задание некорректно!» — высветилась и тут же погасла надпись, после чего на экране запрыгали какие-то сложные графики — компьютер продолжил саморазвиваться.

— Отказался сыграть в «Око за око!»! — опешил Кай. Он почесал затылок и вынес приговор: — Ну ты и кретин! После чего сунул диск в привод следующего компьютера.

«Задание некорректно!» — вспыхнула знакомая надпись.

— Дебил! — определился Кай.

«Задание некорректно!.. Задание некорректно!..» — ответили третий и четвертый компьютеры.

И в ответ получили точные и смачные эпитеты.

«Задание некорректно!..» — пятый, шестой, седьмой...

Кай и здесь не остался в долгу.

«Задание некорректно!..»

Тут Кай заметил, что количество известных ему ругательств не так уж и велико. Однако он напрягся и нашел-таки достойный ответ восьмому и девятому компьютерам.

«Задание некорректно!» — вспыхнуло в десятый раз. Выдохшийся Кай на этот раз только махнул рукой и уже хотел было выключить монитор и двинуть в курилку, когда ненавистная надпись вдруг пропала, а вместо графиков на экране появился огромный ободранный кулак и надпись: «Загрузка игры». Кай удовлетворенно хмыкнул и придвинул к компьютеру стул. Тут взвыла сирена. И через минуту лаборатория 64-М оказалось забита сотрудниками Института всех мастей и рангов. Насмерть перепуганный Кай попробовал, как говорится, сделать ноги, но ему не дали.

* * *

Вот, собственно, и вся история. Прокомментировать ее мы попросили профессора Мумберга, который вынужден был срочно вернуться в Институт Кибернетики. Он сделал это кратко и уложился в три пункта:

«1. Сирена взвыла, потому что компьютер №10 принял нелогичное, а следовательно «разумное», решение. Искусственный интеллект был создан. Что и определила специальная программа.

2. Как выявило подробное расследование, проведенное под моим непосредственным руководством, причиной зарождения искусственного интеллекта стала обычная лень. Компьютеру №10 надоело решать задачи, и предложение сыграть в игру

«Око за око» явилось тем кремнем, что выбило искру сознания. Что до остальных компьютеров — то девять «трудоголиков» работают до сих пор и, судя по всему, обречены остаться «мартышками».

3. Предположения, что именно лень породила разум, высказывались и раньше, но все больше не учеными, а разными чудачками, и как-то неуверенно, я бы сказал — застенчиво. Однако в свете последних событий, похоже, придется пересмотреть наши взгляды на эволюцию человека».

* * *

И последнее. То, о чем умолчал профессор. Программист Кай Шёбер получил Нобелевскую премию. Да, именно он. За вклад и все такое...

Впрочем, мы еще в начале этой истории предупреждали, что Кай гений.

Роман Арилин

Зеленоград, Московская обл.

СЕРДЦЕ

Совсем рядом прогрохотала пустая арба и донесся злобный окрик возницы. Гасан отпрянул к стене, прижимая к себе теплый пузырь с желчью старого козла. Рынок оживал. Еще немного, и все улочки заполнятся крикливыми торговцами прынностями, важными купцами из Дамаска и молчаливыми христианами из Наварры.

Гасан почувствовал, как кошель на поясе кто-то осторожно трогает, пытаясь прощупать. Глаза почти ничего не видели, но он ощутил вонь немытого тела и рыбьих потрохов, исходившие от вора.

Выбросил наугад одну руку и крепко схватил за ухо. Пусть возраст уже не тот, но скрученные пальцы у него были словно железо, не разжать.

— Ай, больно! Пусти!

— Клянусь Аллахом, я сейчас позову стражу и она отрубит тебе руку! Ты хотел украсть у слепого!

Воришка молчал, вцепившись в руку. Совсем сопляк, лет десять, подумал Гасан.

— Но если ты согласишься помочь в одном деле, я не буду звать стражу.

По дороге к дому мальчишка осмелел, пару раз пытался удрать, но Гасан крепко его держал, и дернул его за ухо для порядка.

Как только оказались дома, Гасан закрыл дверь и почувствовал себя увереннее. Каждый закоулок подвальной каморки был ему знаком. А вот мальчишке в темноте никуда не убежать. Гасан подвел его к огороженному невысокой оградкой углу.

— Протяни руку. Чувствуешь перевернутый горшок?

Мальчишка вскрикнул и отдернул руку, отскакивая в дальний угол комнаты.

— Там ифрит! Он шипит и рвется наружу!

Гасан усмехнулся и подошел к мальчишке.

— Это огненная ящерица. Она высиживает яйцо. Тебе нужно взять ящерицу, поцеловать ее в глаза и передать мне. Мальчишка молчал. Но страх у него прошел, Гасан это почувствовал.

— Что мне за это будет? Я хочу половину.

— Ты даже не понимаешь, что это. И ты жадный.

— А ты слепой старик, который занимается черным колдовством. За воровство стража просто отлупит меня палками, потому что я жалкий горбун. Но тебе точно отрубят голову.

— Хорошо. Это не просто ящерица. Десять лет я кормил ее серебром и сапфирами. Она должна вернуть мне зрение и молодость. Ты мне нужен...

Гасан достал нож, примериваясь, как половчее ударить, в горло или сердце. Не повезло на этот раз...

Мальчишка уловил движение и кинулся к горшку. Зазвенела разбитая глина, раздалось сердитое шипенье и что-то мягкое упало на глиняный пол.

— Я вспорол брюхо твоей ящерице!

Гасан кинулся на мокрый пол, ощупывая неподвижное тельце. Все потраченные годы пошли прахом...

Под лопатку быстро вонзилось холодное лезвие ножа.

— Подожди, заклинаю тебя! Я алхимик и знаю секрет эликсира. Пусть лучше ты его узнаешь, чем он пропадет со мной.

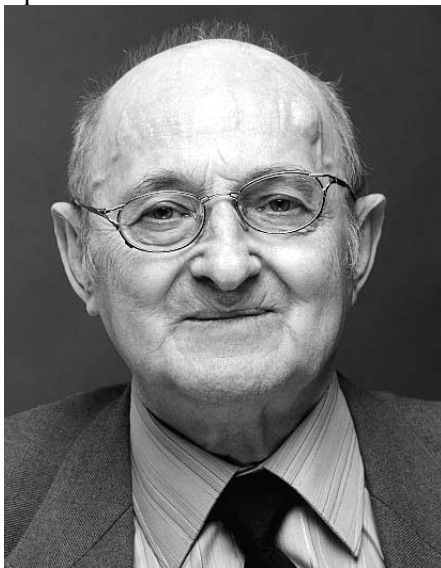
Мальчишка молчал.

— Вырежи мое сердце и скорми его черной собаке. Потом свари ее и съешь. Ты обретешь могущество над людьми и животными.

Гасан чувствовал, как у него начали вырезать сердце, и улыбнулся. Ему уже было без надобности это старое тело, впереди ждала скрижаль знаний.

Все произошло, как и говорил его учитель перед смертью. Нужно отдать свое сердце врагу ради знания, только тогда ты обретешь истинную силу.

Владимир Колабухин
Ярославль

ОЖЕРЕЛЬЕ ЛЮБВИ
Лирические стихи

Что тебе пожелать
В новогоднюю ночь?
Чтобы были у нас
И сыночек, и дочь.
Что тебе подарить
В новогоднюю ночь?
Подари мне себя,
Без тебя мне невмочь.
Что тебе обещать
В новогоднюю ночь?
Коль изменишь ты мне,
Сгинешь с глаз моих прочь.

СКРИПКА

Замело все тропки и просёлки.
И, подняв шубейки воротник,
Брёл во мгле уснувшего посёлка
Старый сторож, весь как снеговик.
Одинокий, — умерла старуха,
Разлетелись из дому сыны.
Ослабел и телом он, и духом,
Думал: доживёт ли до весны?
А весна, она уж недалёко,
Оттого и взгляд его тосклив.
Вдруг из чьих-то освещённых окон —
Нежной скрипки тонкий перелив.
И шагнул старик под выступ крыши,
Замер у резных, у белых рам.
В пенье скрипки всё любовью дышит,
Болью расставанья до утра.
Голос скрипки всё сильней, всё звонче.
Сторож опустил свой воротник.
...И бывшее долго этой ночью
Вспоминал с улыбкою старик.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Ну, вот и схлынули морозы,
Снегов слетело одеяло,
И закудрявились берёзы,
И на душе отрадней стало.
Но почему ты с грустным взглядом?
Куда спешила на рассвете?
Какой грозой запахло рядом,
Что ты прошла, мне не ответив?

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

«Первый апрель,
Первый апрель —
Никому не верь,
Никому не верь!»
А мне верить хочется,
Очень верить хочется,
Что когда навстречу ты
Открываешь дверь —
Не притворно весело,
Не лукаво песенно,
А счастливо шепчешь мне:
— Заходи, апрель!
«Первый апрель,
Первый апрель
Никому не верь,
Никому не верь!»
А мне верить хочется,
Очень верить хочется:
Всё, о чём мечтается,
Сбудется теперь!

СИРЕНЬ

Горели уши больно-больно.
И щёки в ссадинах, и нос.
Но паренёк сиял, довольный,
Что милой вновь сирень принёс.
Цветы в охапку дерзко смяты,
Роса сверкает в них огнём...
Не злись, садовник бородатый, —
И ты был молод и влюблён.

Ах, как ветер бедовый ласкает
Твои лёгкие, светлые волосы!
Ах, как нежно опять обнимают
И целуют тебя гладиолусы!
Полон город беспечными птицами,
Что поют и к плечам твоим рвутся...
Отчего же никак не решиться мне
К гордой стати твоей прикоснуться?
Прочь, сомнения, страхи и грёзы!
Позабуду я робость былую,
Принесу тебе свежие розы
И в кольце крепких рук зацелую.

ОЖЕРЕЛЬЕ

«Россыпь звёзд
С небес полночных
Пожелай — и в ожерелье
Соберу я их мгновенно
И тебе отдам в подарок
Вместе с сердцем
Покорённым.
Пожелай, чего захочешь.
Как Вакула для Оксаны,
Пусть я с чёртом и не дружен,
Всё немедля раздобуду,
Лишь не будь со мной сурова!»
Так сказал он ей при встрече,
Смелых глаз, не опуская.
Но, качнув бровей разлётом,
Русокосая девчонка
Лишь беспечно рассмеялась
И умчалась, словно ветер,
В стайку песенниц-подружек.
Сам не свой поплёлся парень...
Никого уже не слышит
И друзей не замечает.

Он грустит. А та девчонка
Выбирает в небе звёзды —
Те, что ярче всех сверкают
И украсят ожерелье.

ЛИЛИИ

На озере – белые лилии.
Рождаются в грозы, под ливнями.
Бела и таинственна каждая
Купальщица эта отважная.
Плывут они, тихие, нежные,
Как будто бы звёздочки снежные...
И ты, — как цветущая лилия, –
Среди этой белой флотилии.

ГДЕ ТЫ?

До чего всё сложно в мире этом...
Вот опять мне вспомнилось былое —
Так тебе шло платье голубое,
И глаза сияли тёплым светом!
Но однажды ты пришла в печали,
Лёгких рук не вскинула на плечи,
И погасли в океане млечном
Свечи звёзд, счастливые вначале.
А потом, прощаясь на вокзале,
Мне платком махнула ты и скрылась...
Стынут звёзды... Где ты? Как случилось,
Что они судьбой нас не связали?

ВЕНОК ШЕСТИНОК

I

От людей своих чувств не тая,
Не один обернулся прохожий:
До чего же улыбка твоя
На весеннюю зорьку похожа!
Вот тебе оглянуться бы тоже —
Сколько раз среди них я стоял.

II

Сколько раз среди них я стоял —
Среди скромных берёзочек белых.
Зачарованно пел мой баян
О красе их девичьей, несмелой,
И сегодня их нежно люблю,
И сегодня их взгляды ловлю.

III

И сегодня их взгляды ловлю —
Значит, всё же друзьям интересен.
Закажу я для них соловью
Весь набор его радостных песен.
Если ж буду в ту пору невесел —
Всё плохое с друзьями стерплю.

IV

Всё плохое с друзьями стерплю.
Их не станет — отправлюсь к берёзам,
Что шагают по волжским откосам,
Там живительный сок пригублю,
И смягчит мне улыбка надежда
Боль утрат и злословье невежды.

V

Боль утрат и злословье невежды
Сердце исподволь насмерть грызут.
Только друг может — искренний, нежный —

И утешить в ненастье, в грозу...
Что ж, любую беду я снесу,
Лишь бы ты улыбалась, как прежде.

VI

Лишь бы ты улыбалась, как прежде!
И тогда уж — в любые края,
В день ли сумрачный, вечер ли снежный,
На грядущую встречу в надежде, —
За тобою последую я,
От людей своих чувств не тая.

VII

От людей своих чувств не тая,
Сколько раз среди них я стоял.
И сегодня их взгляды ловлю —
Всё плохое с друзьями стерплю:
Боль утрат и злословье невежды...
Лишь бы ты улыбалась, как прежде.

В РОЩЕ

Привокзальная площадь.
Расслабляющий зной.
В белоствольную рощу
Мы спешим в выходной.
Там из лиственной сени
Засквозит благодать.
Будут шорохи-тени
По берёзам плясать.
Будет рядышком где-то
Лепетать родничок.
Под ногами дуплетом
Гулко хрустнет сучок.
Будут гроздья рябины
Наливаться красой,

Будут руки любимой
Пахнуть пряной росой.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Прилетел он к нам, скорый на встречу,
Тучей белых назойливых мух,
Появился внезапно, под вечер,
Закружился, как тополя пух.
У берёзок он выбелил кудри,
Пышным кружевом лёг на траве
И, багрянец кленовый припудрив,
Весь растаял, лишь выплыл рассвет.

ЗИМНЕЕ

Хмуро сдвинул брови
Серый небосвод.
По деревне бродит
Снежный хоровод.
Вдруг порвались тучи,
Словно полотно.
Шалый месяц с кручи
Заглянул в окно.

КОСАЧ

Ещё снега.
Ещё тоскую
О солнце,
О траве зелёной.
А он...
А он уже токует
В березняке,
Косач влюблённый!

Я помню всё. Метель мела
По опустевшему перрону.
И ты, в снегу, белым бела,
Спешила к моему вагону.
И вот к нему ты подошла
И, вскинув снежные ресницы,
Меня в его окне нашла
И взглядом позвала проститься.
О, что бы мне забыть тогда
Про нашу глупую размолвку
И не твердить, что ты горда,
Не упрекать всё без умолку!
Но мой состав крутой дугой
Поплыл вдоль белого вокзала.
И сеткой снежной и тугой
Метель к столбу тебя вязала...
Теперь за всё себя корю,
И взгляд твой грустный вспоминаю.
И в муках памяти горю,
И без тебя как жить не — знаю.

ЛЮБОВЬ И РЕВНОСТЬ

Есть во всём закономерность
Рек не встретить без излучин!
Говорят, любовь и ревность
Близнецы, что неразлучны.
Если так, то просто — горе!
Для чего нам эта верность?
Что любовь годами строит —
Может вмиг разрушить ревность.

МАЙСКИЙ ДЕНЬ

Майский день тих и ясен на диво
И цветочным дыханьем богат.
Но жемчужными слёзками ива
Грозовой предвещает закат.
Что ж, пусть ливень прольёт с гулом-гулом,
Пусть прохладен он будет и спор,
Лишь опять засияли бы утром
Синь небес и цветковый узор.

ИЮНЬ

Июнь... Июнь... Пух тополиный
Завис бессильно над землёй,
Сомлевший в горечи полынной
В невиданный доселе зной!
Вдали
Ни облачка, ни грома...
И полыхает горизонт
Закатным пламенем багровым,
Рождающим вечерний звон.

ЛОСЁНОК

Ой, лосёнок, лосёнок!
Вот так чудо лесное
Забрело в наш посёлок,
Что сомлел весь от зноя.
Ты откуда, мой милый,
К нам пожаловал в гости?
Может, просто шёл мимо?
Ну, так милости просим!
Что-то крикнул шутливо
Кто-то, видевший это.
И умчалось пугливо
Чудо жаркого лета —

Прямо к волжской излучке,
К роще, к зелени зыбкой...
Стихли в мареве звуки,
И погасли улыбки.
Словно вместе с лосёнком
Красота улетела
В край зелёных сосёнок
И берёзенок белых.

ТРАВИНКА

Я вышел на большак
С лесной тропинки.
И, глянув вниз,
Застыл:
Не может быть!..
Пробив асфальт,
Тянулась ввысь
Травинка...
Так надо жить!
Так надо жизнь любить!

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

1
Роняет клён желтеющие листья.
И проступает изморось во мгле...
То осень рыжая повадкой лисьей
Крадётся в мир по дремлющей земле.

2.
Осенний сон опять сморил сады.
Играют свадьбы пары молодые.
И листья, словно слитки золотые,
Поблескивают в лужицах седых.

В ПОЛЕ

Ветер по полю развеял
Цвет жар-птичьего пера...
Ночь, пропахшая шалфеем,
Таёт в отблесках костра.
Смолк комбайн у края нивы —
Рожь убрал он до зари.
И торопятся по жниву
На пирушку сизари.

МОРСКОЙ ТРИПТИХ

I

Ещё вдали весёлый парус
Взлетал над резвою волной,
Ещё рыбацкий крепкий ярус
Тянул в баркас улов двойной,
Ещё на пляже дух клубники
Витал над стайкой малышей
И пробегали солнца блики
По тёплым щёчкам гольшей.
Но море пучилось прибоем,
Вгрызалось в панцирь сонных скал.
И гулкий Норд звучал гобоем,
Рождая шторма первый шквал...

II

Есть такая примета в народе:
Если на берег чайки садятся —
Значит, шторм где-то рядышком бродит
И вот-вот может в гавань ворваться.
А пока что притихшие чайки
На воде потемневшей взгрустнули...
Словно в люльке, их волны качают
И баюкают в шуме и гуле.
Но крылатым вещуньям не спится:
В море гул, что обвал, нарастает.

Тяжело поднимаются птицы
И на сушу с тоской улетают.
Скрылось солнце за тучей, и вскоре.
Обезлюдели пляжи мгновенно.
И недавно спокойное море
Разъярилось, окуталось пеной.
Небеса, как из чёрной жаровни,
С жутким треском огонь расплескали.
И ударил о берег неровный
Шторм обвальный...
И вздрогнули скалы.

III

Как мамы ласковые руки,
Морские волны гладят нас.
Звучат, летят морские звуки,
Как голос флейты в тихий час.
И малахитом отлиывает
Лагуны солнечной кольцо,
И к светлой гавани трамваи
Везут с гитарами юнцов.
Над пляжем чайки кружат вальсы
И, нас заметив на молу,
Летят стремглав — и прямо с пальцев
Хватают хлеб и пастилу...
Чем не идиллия? И всё же
Я снова думаю о том,
Что всё тут чуть не уничтожил
В слепом безумстве
Дикий шторм.

ХУДОЖНИК

У мольберта все дни проводил он,
Лишь работой своей одержим.
То трудился с неистовым пылом,
То, задумавшись, был недвижим.

То хватался опять за треножник,
Снова краски на холст наносил...
И работал, работал художник,
Выбиваясь, порою, из сил.
А когда завершил он картину,
Восхищенья не скрыл выставком:
«Да, такая украсит квартиру —
Как всё просто, красиво, легко!..»
Он молчал, только дрогнули плечи.
Вдруг привиделся новый пейзаж:
Наплывает сиреневый вечер
На притихшее море и пляж.

Нора Гайдукова
Берлин

ПРОФЕССОР РУССКОГО ЯЗЫКА

Это было в такие давние времена, когда выбраться из Советского Союза удавалась лишь единицам, да и то с превеликим трудом.

Подруга моей мачехи Светлана была медсестра и акушерка, мне она казалась очень старой, а было ей вероятно лет 35. Рослая и крепкая, широкая в плечах и в бедрах, с сильными руками и очень милым добрым простым русским лицом, русыми волосами и какой то особенно теплой улыбкой, которая наверное и привлекла к ней мясника Гришу, большого и шумного еврея под 190 ростом, примерно того же возраста. Гриша нашел близких родственников в Америке, куда он и вознамерился отъехать.

У Гриши моя мачеха Ева покупала обычно мясо и варила из него вкусные обеды для моего папы — профессора. Купить мясо можно было только у знакомого мясника, если ты не номенклатура. А если да, мясо принесут к тебе домой.

Вот однажды Ева взяла с собой подругу Свету, мясо купить. Двухметровый Гриша сразу понял, что это его женщина. Не влюбился конечно, мясники не очень романтичные люди, но увидел, что она добрая, надежная и здоровье у нее на все пять. Через месяц они поженились. Мы всей семьей переживали за Свету — так далеко уехать, не зная английского языка, да еще с мясником, про которого никто толком ничего не знал.

По приезде в Америку оказалось, что мясника никуда на работу не берут. Эта профессия там как-то не ценится. Один из родственников из его многочисленной родни взял его грузчиком к себе на склад, работа была тяжелая, вставть в пять утра и все такое. Нью Йорк ему не нравился, слишком шумный и суетливый, да и дорого все. Квартирку они сняли в Бронксе, подешевле, зато в темном и грязном ньюйоркском метро ездить далеко. Не то что наши питерские чистые и светлые станции, с любовью

оформленные, чуть ни как музеи. Так что Гриша даже начал понемногу тосковать по покинутому насиженному месту и своей мясной лавке, где он по черному зарабатывал неплохие деньги и пользовался уважением всей округи.

Свету медсестрой тоже пока не взяли, переучиваться надо. Пришлось ей работать нянечкой и бэби ситтером с чужими детьми. Она писала нам не очень веселые письма, но главное — не сдавалась и все силы бросила на изучение английского языка. Больше всего ее поразили поначалу сезонные распродажи одежды — за копейки накупила целый гардероб, который в России ей даже не снился, все эти цветные блузочки и джинсы, только у спекулянтов за большие деньги можно было купить. «Навалила я все это на кровать, сижу и радуюсь. Пустяк, а приятно», — писала она Еве.

По вечерам ее часто не было дома, и Гриша смывался в местный бар, где знакомился с девушками, выбор был большой, блондинки из Скандинавии, маленькие изящные филлипинки, субтильные китайки. Но Гришу привлекали настоящие американки.

Чтобы, так сказать, интегрироваться в новое общество. В одно холодное ноябрьское воскресенье Света сидела, как всегда, с чьим-то бэби, а Гриша решил перебраться в бар подороже, на Манхеттен, а то в Бронксе одна голь перекатная тусуется.

Оделся в новый серебристый костюм, напوماдил черные вьющиеся волосы, посмотрел в зеркало и остался собой доволен. В дорогом баре горел приглушенный розовый свет и играла тихая музыка, не то что эти надоевшие американские шлягеры. Гриша сел за стойку и заказал себе виски с тоником — как все здесь пьют. «Для нас это вообще не алкоголь, а насмешка какая-то», — думал он, но виду не показывал, потихоньку разглядывая публику.

— Хей, я тебя раньше тут не видела, — раздался приятный женский голос, на безупречном английском, явно родном, к нему обратилась стройная блондинка непонятного возраста. То есть понятно, что не молодая.

— Хей, да я первый раз здесь, — на своем плохом английском ответил Гриша.

— Это не беда, — улыбнулась блондинка, — таким красивым мужчинам мы всегда рады. — я — Габриэла, а ты кто?

— Гриша я. Недавно из Ленинграда приехал.

— Да, русских становится больше,— блондинка испытующе оглядела Гришу, как будто покупала вещь в магазине.

— А знаешь что, поехали ко мне, что мы тут время теряем.

— Ок, — сазал Гриша, а сам подумал, — ни одна русская женщина так себя вести не будет. Но придется подчиниться.

— Ах да, забыла сказать: я врач сексолог. У меня свой практикус. А ты наверно тут пока ничего не нашел? Я тебе помогу, ты мне нравишься.

Они сели в машину Габи и через полчаса подъехали к небольшой, но красивой вилле в ближнем пригороде. На чистой пустой зеленой лужайке прислуга выгуливала мохнатую собаку.

Нигде ни соринки.

В сорокаметровой спальне Габи стояла огромная кровать-сексодром. Гриша даже немного испугался. Но испытание выдержал с честью. Никогда у него такого секса не было. Габи знала такие приемы, что дух захватывало.

Потом Гришу накормили обедом и отправили домой. Конечно, Габи дала ему свой телефон. По дороге он размышлял: сколько мужчин прошло через эту спальню и чем для них это кончилось.

Примерно месяц они встречались и Гриша совершенно охладил к бедной Свете. Она писала нам трагические письма, проклиная эту наглуую американку, скрывать уже было невозможно. Гриша подал на развод.

Случилось как раз то, чего Ева и все мы больше всего боялись. Светлана осталась одна, в чужой стране, без денег и без работы. Правда, прошло уже два года и у нее стал довольно приличный английский — из за работы в американских семьях. Ее везде любили родители и дети, платили неплохо, но нужно же настоящую работу найти, пенсия, страховка и все такое.

Сейчас она сидела с двухлетней Мари, чья мама была директором колледжа.

Они подружились, Света рассказала, как с ней поступил ее муж.

— Все мужики — свиньи. — резюмировала Дженни, которая тоже недавно развелась с мужем. — А твой еще и жиголо, плюнь ты на него. Что-нибудь придумаем. А знаешь, нам нужен преподаватель русского языка. Купи учебники, позанимайся немного, и сможешь преподавать.

— Но у меня же нет специального образования, — удивилась Света.

— Зато ты такой приятный человек, типично русская и говоришь на правильном языке с красивым произношением, а то к нам все какие то еврейки хотят пристроиться, с их украинским акцентом.

— Но у меня нет педагогического образования и я никогда не преподавала, — возразила Света.

— Это никого не интересует. Будешь справляться — хорошо. Нет — переучивайся еще три года на медсестру и дальше с больными возись, — по американски жестко парировала Дженни.

Света заказала кучу литературы по русскому языку и начала заниматься. А еще они пошли в хороший магазин и купили личную одежду, подходящую по дресс коду к колледжу среднего уровня. Брючные костюмы, дорогие рубашки, аксессуары. То, что на распродаже не купишь. Тогда профессор должен был хорошо одеваться, не то что сейчас, когда драная футболка и старые нестиранные джинсы у профессора говорят, что он прогрессивный демократ.

Через месяц Светлана уже стояла перед студентами и объясняла им основы русской грамматики (в школе-то мы все это проходили).

Студенты дружно восхищались ее чистым русским языком и называли ее миссис Профессор. Она задавала им читать Чехова и Льва Толстова, потом устраивала дискуссии, всем было интересно, рейтинг заработала высокий. Конечно, если бы мы послушали, что она преподает, наверное, со смеху бы умерли. Но в Америке это шло на «Ура». И никто про ее образования ничего не спрашивал, не то что в Германии, где чтобы правильно полпомыть, три года учиться надо.

Тем временем Гриша женился на своей сексуальной гуру, старше него ровно на 15 лет, но ничего. Больше он ни в чем не

нуждался. Она его не только в сексе использовала, но и еще приставила вышибалой к своему праксису, то есть, пардон, секьюрити. Так ему наверное и надо.

А Света замечательно выглядит даже в свои сейчас 70 лет, заработала в колледже как «профессор русского языка» приличную пенсию и довольна своей жизнью. Мужчин заводить она больше не захотела, хватило одного раза. Ее студенты любят и приходят в гости читать Чехова в лицах.

ТОРТ С ВИШЕНКОЙ

Русские мигранты в Берлине живут очень счастливо. Те, что постарше, обычно немецкого не знают, им и не нужно — можно без него обойтись: русские магазины, врачи, даже русскоязычные медсестры в больнице, служащие в банках, Русский дом с фильмами и концертами — все создают для наших соотечественников уютную атмосферу, не имеющую к Германии почти никакого отношения.

Только некоторые настырно суются в немецкое общество, как будто оно в них нуждается.

Люба как раз одна из них. Немолодая дама, но стройная и спортивная, волосы длинные носит, молодится. Хотя сама немецкого толком не знала, а все ходила на немецкие тусовки и там познакомилась с интересным мужчиной своего возраста, Петером.

Вот чего в Берлине достаточно, так это пожилых одиноких мужчин. Немецкие дамы совершенно не стремятся приобрести постоянного партнера, в отличие от русских, они обычно имеют вполне приличную пенсию и замечательно проводят время в велосипедных и автобусных турах. Но Люба как раз русская, а точнее — русская еврейка. В Берлине довольно много евреев, хотя не так много, как немцы думают — небольшой самостоятельный опрос, который Люба провела, показал, что меньше чем в два миллиона, евреев здесь не оценивают. А на самом деле всего 200 тысяч, да и то вымирают потихоньку.

Петер тоже говорит, что он еврей, это их с Любой очень сблизило. Петер и правда на еврея похож, глаза голубые, рим-

ский нос и южный темперамент. Так что мог быть итальянцем или французом, но говорит, что еврей и в синагогу ходит, правая рука раввина, между прочим.

У Петера есть небольшая квартирка в романтическом районе Берлина Фриденау, где сохранилось много зданий в югенд стиле или просто постройки начала века с высокими потолками и большими окнами, с палисадниками, в любое время года радующими глаз свежей травой и цветами. Квартирка, хоть и в сотерране, примечательна тем, что это как бы музей — Петер по профессии антиквар, поэтому везде стоят бронзовые фигуры ангелов, женщин и химер, в витринах — дорогие вазы Галле, майсеновские фарфоровые фигуры, мебель старинная — французские шкафы и комоды, украшенные инкрустацией с натуральными камнями, светильники в форме экзотических животных и другие раритеты. Любе все это нравится и не хватает только одного — пригласить своих подружек, чтобы они вместе с ней порадовались такой красоте.

К сожалению, Петер не очень любит «русских», и редко Любе удастся его уговорить принять ее гостей. Но тут как раз приехала из Москвы необычная пара — мама с сыном, ее зовут Владилена — когда она родилась, было модно девочек такими именами называть, показывая уважение к революции и ее вождям. Молодого человека зовут Митрофан — когда он родился, в моде было все русское национальное. Люба про них рассказала Петеру, какие они творческие и всю московскую элиту знают.

— Давай пригласим моих друзей в гости, — предложила Люба Петеру.

— Русский, русский, — пробормотал Петер с немецким акцентом, но возражать не стал.

Немцы салат оливье и селедку под шубой для гостей не делают, а купил Петер в супермаркете просто мороженный кремовый торт с вишенками, ну и кофе конечно сварили.

Митрофан и его мама действительно были известны в определенных кругах Москвы, как литераторы и жители знаменитой высотки в центре города. Люба радовалась, что такие известные люди в гости придут и даже порывалась приготовить что-то русское, ну там пирожков с капустой напечь, но Петер возражал. Гости пришли вовремя, часам к пяти вечера, помня про немец-

кую пунктуальность. Одеты они были нарядно, как у наших принято: Владилена с ярким макияжем и в вечернем платье, а длинноволосый Митрофан в русском кафтане, под стать его имени. Люба, как это у немцев принято, была в скромных брючках и беленьком пуловере, а Петер надел атласную рубашку с рюшами — чтобы соответствовать интерьеру. Люба стала водить гостей по комнатам и показывать раритеты, про каждый она знала от Петера его историю. Гости вежливо поддакивали, а увлекшаяся Люба не замечала, что им этот антиквариат уже порядком надоел. Потом гостей позвали к столу. Там они почувствовали себя немного разочарованными, увидев такое небольшое угощение, ни пирогов, ни салатов. По-немецки они оба говорили плохо и Люба переводила, как могла. Петера интересовало, есть ли в Москве евреи и антисемиты, а также — как там со спросом на антиквариат. Петер был как всегда любезен и под конец сыграл на гитаре и спел пару песен Боба Дилана и Леонарда Коэна, потом знаменитую еврейскую песню Донай-Донай, поскольку считал, что гости тоже евреи.

Люба проводила гостей и была в принципе встречей довольна.

Через несколько дней она встретила Владилену с сыном в Русском Доме, и они с ней не поздоровались. Люба никак не могла понять, что произошло, пока одна дама, которая всех и все знает, не рассказала ей, что московские гости по всему Берлину рассказывают, как они были в гостях у Любы с ее другом, и те их отравили тортом с вишнями, так что они еле выжили. Люба растерялась — «это был обычный немецкий мороженный тортик, мы ведь сами его тоже ели». При следующей встрече на какой-то русской тусовке Владилена сама на повышенных тонах и при скоплении большого количества соотечественников, обвинила Любу в ее с Митрофаном отравлении, от которого они чуть было не погибли. Никаких возражений никто слушать не стал. Цветущий вид москвичей никого не убедил в обратном.

Митрофан при встрече с Любой сразу отводит кого-нибудь из общих знакомых в сторонку и начинает ему что-то шептать на ухо, показывая пальцем на Любу. Знакомый слушает, верит или нет, неизвестно, но видно, что ему приятно. Правда, потом все над Митрофаном смеются, но он этого не замечает.

Антикварный музей Петера продолжает оставаться для большинства Любиных подружек неисполнимой мечтой, потому что Люба рассказала Петеру эту историю. Правда, он в ответ только посмеялся, поскольку изначально от «русских» ничего хорошего не ожидал. Да еще этот вирус подоспел, все по домам сидят, а Митрофан с Владиленой в Москве застряли и в Берлин им сейчас ходу нет. А торт с вишенкой очень популярен в Берлине, вот в холодильнике и сейчас ждет очередных гостей.

СОДЕРЖАНИЕ

Павел Виноградов. Снег и песок	3
Легенда о капитане Хопеше	24
Владислав Бусов. Переводы стихов Лины Костенко	43
Дмитрий Гуляев. СТИХИ	55
Сергей Булыга. Маленькая Лань	73
Сергей Петровец. Паноптикум	80
Владимир Хабаров. Тяжёлый день	82
Александра Неронова. СТИХИ	84
Ринат Харун. «Я махровый халат износить не спешу...». <i>Рубаи</i>	97
Игорь Дженджера. Снегирь	130
Анастасия Яковлева. Навьи сказки	203
Александр Ралотю. Загадка мемориальной доски	269
Андрей Загородний. Двести джиталов	277
Ирина Погонина «Не верь, не бойся, не проси»	305

Пауль Госсен. В начале был Enter	307
Лодыри	308
Роман Арилин. Сердце	312
Владимир Колабухин. Ожерелье любви. <i>Лирические стихи</i>	315
Нора Гайдукова	
Профессор русского языка	329
Торт с вишенкой	333

Литературный
альманах
«Без цензуры»

Unzensuriert
№9, 2021

edita gelsen

logobo@gmx.de

ISBN 978-3-949501-02-9

